

М. Э. Клопова

# Русины, русские, украинцы

Национальные движения  
восточнославянского населения  
Галиции в XIX — начале XX века

Институт славяноведения РАН





Институт славяноведения РАН

М. Э. Клопова

**РУСИНЫ,  
РУССКИЕ,  
УКРАИНЦЫ**

*Национальные движения*  
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО  
НАСЕЛЕНИЯ ГАЛИЦИИ  
В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА



Москва «ИНДРИК» 2016

УДК 94(447)  
К 50

Издание осуществлено  
при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда  
(проект №16-01-16116д)

*Ответственный редактор:*  
доктор исторических наук М.В. Лескинен

*Рецензенты:*  
доктор исторических наук М.А. Робинсон  
кандидат исторических наук В.И. Мироненко

**Клопова М. Э.**

Русины, русские, украинцы. Национальные движения  
восточнославянского населения Галиции в XIX —  
начале XX века. — М.: Индрик, 2016. — 280 с.

**ISBN 978-5-91674-412-5**

Монография посвящена истории национальных движений восточнославянского населения одной из провинций Австро-Венгрии, Галиции, в XIX — начале XX в. Особенность их развития в регионе состояла в том, что в Галиции существовали одновременно несколько вариантов национальной идентичности восточнославянского населения. В изучаемый период основное соперничество развернулось между украинским и русофильским направлениями. Именно конкуренция между двумя этими проектами нациостроительства, носители которых на рубеже XIX–XX вв. консолидировались в полноценные национально-политические движения, находилась в центре общественно-политической жизни восточнославянского населения Галиции. Важным фактором развития украинского и русофильского движений являлось существенное влияние на них внешних сил: политики галицийской провинциальной администрации и имперского правительства, польского национального движения. В исследуемый период растущее влияние на развитие национальных движений Галиции оказывало состояние австро-российских отношений.

В оформлении переплета использована открытка из коллекции Тараса Пиняжко. Предоставлена Центром Городской Истории Центральной и Восточной Европы (г. Львов).

ISBN 978-5-91674-412-5

© Текст, Клопова М.Э., 2016  
© Издательство «Индрик», 2016

# СОДЕРЖАНИЕ

## ВВЕДЕНИЕ

Галиция: захолустье в центре Европы. . . . . 7

## ГЛАВА 1

Истоки национальных движений восточно-славянского населения Габсбургской монархии. . . . . 27

## ГЛАВА 2

От политических обществ к политическим партиям . . . . . 69

## ГЛАВА 3

Выборы 1907 г. Восточнославянские партии на общеимперской политической арене. . . . . 106

## ГЛАВА 4

Национальные отношения в конституционную эпоху. . . . . 127

## ГЛАВА 5

Галицийский Сейм: конфронтация и компромисс. . . 147

## ГЛАВА 6

Цель – украинский университет . . . . . 171

## ГЛАВА 7

Украинское движение накануне Первой мировой войны. . . . . 199

## ГЛАВА 8

Русофильское движение и его судьбы накануне Первой мировой войны. . . . . 225

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . . 263

Список сокращений . . . . . 271

Список источников и литературы. . . . . 272



## ГАЛИЦИЯ: ЗАХОЛУСТЬЕ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Среди многочисленных провинций, составлявших Габсбургскую империю, было и Королевство Галиции и Лодомерии. Так официально именовались земли, вошедшие в состав Австрийской монархии после разделов Речи Посполитой в 1772 г. Позднее, в 1850 г., официальное название стало звучать как Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцимским и Заторским (Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator). Своим происхождением название новой провинции обязано древнему Галицко-Волынскому княжеству. То, что земли княжества некоторое время принадлежали короне святого Стефана, позволило Габсбургам официально закрепить эти земли за собой. Однако в состав новой провинции вошли и земли бывшей Речи Посполитой, не имевшие отношения к Галицкому княжеству. Волынь же, бывшая частью древнерусского княжества, вошла в состав Российской империи, и на нее Габсбурги претензий не предъявляли.

Территория края составляла 78 492 кв. км с населением около 2 млн человек. Столицей края был Львов, или по-немецки — Лемберг. В 1850 г. Галиция была поделена на два судебных округа с центрами в Кракове и Львове, что фактически закрепило разделение Галиции на Западную и Восточную. Вся провинция

состояла из 79 поветов, в свою очередь разделявшихся на гмины. Всего в Галиции было 6 тыс. 225 гмин<sup>1</sup>. Во главе края стоял наместник, назначавшийся императором, его юрисдикции подлежало большинство административных вопросов. После принятия конституции 1867 г. органом самоуправления края стал Сейм, избиравшийся по куримальной системе. Председательствующий, маршал сейма, назначался императором из числа депутатов.

Этнический состав провинции был неоднородным. Согласно последней проведенной в Габсбургской империи переписи 1910 г. в провинции проживало 7 млн 884 тыс. человек. Из них 4 млн 675 тыс. принадлежало польскому населению и 3 млн 207 тыс. — к восточнославянскому. Около 90 тыс. населения относилось к немцам. Критерием принадлежности к той или иной этнической группе при проведении этой переписи был язык: 46,5% населения принадлежало к римско-католической церкви, 42% — к грекокатолической, и 10% населения относилось к иудеям. Большая часть восточнославянского населения, около 92%, проживало в восточной части провинции.

Войдя в состав Габсбургской монархии относительно поздно, Галиция заняла особое место в ряду многочисленных провинций империи. Будучи территориально одной из самых крупных провинций, Галиция находилась на окраине государства, вследствие чего развитие общественно-политических, национальных, экономических процессов шло медленнее, нежели в других частях империи. Здесь медленнее развивалась промышленность, дорожное строительство. Провинция оставалась преимущественно

---

<sup>1</sup> *Bujek Fr.* Galicja. Kraj, ludność, społeczeństwo, rolnictwo. T. 1–2. Lwów, 1908. T. 1. S. 47–48.

аграрной даже тогда, когда в середине XIX в. здесь активно стала развиваться нефтедобыча. В провинции был низкий уровень грамотности и высокий уровень смертности.

Восприятие Галиции как территории крайне отсталой, глухой и дикой нашло отражение на страницах многих литературных произведений: от «Марша Радецкого» Йозефа Рота до «Похождений бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Это тем более удивительно, что территория Галиции не была отделена от остальной Центральной Европы никакими естественными преградами в виде горных хребтов или широких рек. Жители Угорской Руси находились в этом смысле в гораздо более глубокой изоляции. По землям, составившим в конце XVIII в. новую австрийскую провинцию, на протяжении XIX в., а затем и XX в. беспрепятственно перемещались армии, политические эмигранты, наконец, простые люди в поисках лучшей доли. Фактически Галиция находилась в центре всех исторических путей. Однако при этом она продолжала оставаться глубокой провинцией, которую миновали все значимые события своего времени. Косвенным и весьма удачным подтверждением этого тезиса может служить то, что ни Львов, столица австрийской провинции, ни Краков, древняя польская столица, не были разрушены как во время Первой, так Второй мировых войн, несмотря на то, что на этих землях происходили кровопролитные сражения.

В то же время «захолустная» Галиция занимала особое стратегическое положение, находясь на границе с другой империей — Российской, отношения с которой у Габсбургов на протяжении XIX в. не раз обострялись. Время от времени возникали идеи присоединения восточной части Галиции к Российской

империи. Именно поэтому для Вены в равной степени важным было наладить эффективное управление провинцией и сохранять и развивать лояльность ее населения. Все это способствовало тому, что политика имперского центра по отношению к Галиции была достаточно своеобразной. Обширность территории этой провинции, ее полиэтничность и многоконфессиональность делали управление ею непосредственно из имперского центра малоэффективным. В результате провинция сохраняла значительную автономию, а административное, политическое, экономическое господство оставалось в руках польской элиты вплоть до распада самой Габсбургской империи. Сохранение «польскости» Галиции стало самоцелью польского национального движения и основным препятствием для развития национальных стремлений непольского населения провинции.

Одним из важнейших моментов для понимания специфики национальных процессов в этом регионе является то, что в Галиции существовало одновременно несколько национальных проектов населявших ее народов. Не случайно в конце XIX — начале XX в. параллельно существовали понятия «польского Пьемонта» и «украинского Пьемонта», возникшие по аналогии с названием исторической области, ставшей важнейшим центром объединения Италии. Причины этого кроются как в особенностях самого региона, так и в специфике развития национальных движений населявших его народов.

Положение польского населения в этой части разделенной Польши заметно отличалось от ситуации в Царстве Польском и в польских землях в составе Германии. Здесь достаточно свободно развивалось польское национальное движение, в том числе и те его направления, основу идеологии которых составляла идея

возрождения независимого польского государства. При этом все земли, входившие в состав Речи Посполитой до разделов, вне зависимости от их этнического состава рассматривались представителями польского движения как исконно польские. Достаточно долго национальные стремления непольского населения в этих регионах воспринимались лишь в контексте борьбы за восстановление независимой Польши. По мере того, как эти стремления обретали все более самостоятельный характер, отношение к ним со стороны поляков менялось, становясь все более негативным.

Одновременно в Галиции происходил процесс вызревания национального самосознания восточнославянского населения и формирования его национально-культурных, а позднее и национально-политических движений. Характерной особенностью этого процесса было наличие на протяжении всего «габсбургского» периода истории региона альтернативных вариантов этнической идентичности. В Галиции параллельно существовали такие варианты, как полонофильский (так наз. *gente Rutheni, natione Poloni*), старорусинский, украинский, общерусский. Основное соперничество развернулось между украинским и общерусским, получившим название русофильского, вариантами. Именно конкуренция между двумя этими проектами нациестроительства, на рубеже XIX–XX вв. оформившимися в полноценные национально-политические движения, составляла суть общественной жизни восточнославянского населения Галиции.

В основе идеологии русофильского движения лежала концепция, согласно которой Восточная Галиция, а также другие «русские» земли Габсбургской империи считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Сами русофилы при

этом подчеркивали, что общерусское единство трактуется ими как единство духовное и культурное, но не политическое. Представители украинского движения, со своей стороны, рассматривали Галицию как часть «соборной Украины», своего рода лабораторию, в которой нарабатывался опыт культурной, общественно-политической, экономической работы, который затем мог бы быть перенесен на территорию российской Украины. Таким образом, Галиция стала пространством для реализации сразу нескольких национальных проектов, которые по сути были взаимоисключающими.

При исследовании процессов формирования национальных движений восточнославянского населения Галиции необходимо учитывать существенное влияние на них внешних по отношению к самим движениям сил. Прежде всего к таким влияниям следует отнести польское. Выше уже отмечалось, что Галиция в составе империи сохранила значительную автономию, что привело к доминированию в крае польской аристократии и одновременно создало благоприятные условия для развития польского национального движения. Таким образом, для национальных движений русинов равное значение имели и отношения с галицийской правящей элитой, и влияние, оказываемое на них польским национальным движением.

Не менее значимым фактором была политика, проводимая в отношении провинции и национальных движений ее населения имперским центром. Она определялась несколькими факторами. Прежде всего, сам характер полиэтничной монархии предполагал необходимость достижения определенного баланса интересов населявших ее народов. Применительно к Галиции это означало поиск компромисса между польскими и «русскими» интересами. Кроме того, существенную роль играл и внешнеполитиче-

ский аспект, а именно отношения между империями Габсбургов и Романовых. Как уже отмечалось выше, Галиция находилась на стыке двух империй. То обстоятельство, что как основная часть восточных славян, так и значительная часть польского народа проживала на территории Российской империи, имело особое значение, поскольку реализация любого из национальных проектов — общерусского, украинского или польского — в итоге предполагала кардинальное изменение карты Европы. Это не могло не сказываться на отношениях двух держав. Несмотря на то, что вплоть до начала Первой мировой войны ни Петербург, ни Вена не заявляли официально о намерении присоединить земли соседнего государства, сама эта возможность ими вполне осознавалась. Это оказывало существенное влияние на состояние российско-австрийских отношений, столь сложных и противоречивых во второй половине XIX — начале XX в. Обе империи стремились проводить в отношении данных национальных движений определенную политику, поддерживая то из них, чьи цели в большей степени соответствовали интересам каждой монархии. Таким образом, на становление национальных движений восточнославянского населения Галиции воздействовала целая система взаимосвязанных факторов.

Для анализа всего комплекса этих взаимосвязанных факторов необходимо решить ряд задач. Прежде всего, провести возможно более полную реконструкцию процесса становления национально-политических движений «русского» населения Галиции, исследовать их интеграцию в политическую жизнь провинции и Габсбургской империи, их реакцию на политический курс региональной элиты и центральной венской администрации. Необходимо также выделить основные этапы партийного структурирования

украинского и русофильского движений, определить основные тенденции в их развитии, охарактеризовать уровень их взаимодействия, проанализировать тактику организации борьбы за реализацию своих задач украинских и русофильских структур; определить уровень их политической активности; определить степени влияния внешнеполитического фактора, прежде всего отношений России и Австро-Венгрии, на судьбы украинского и русофильского движений в Галиции, и одновременно влияния, оказывавшегося этими движениями на состояние австро-российских отношений.

Насколько отражены эти вопросы в существующей историографии? Проблема формирования и развития национального самосознания в восточнославянских землях Габсбургской монархии привлекает внимание исследователей уже более ста лет. Важно отметить, что уже на рубеже XIX–XX вв. начала формироваться система оценок, которая, хотя и в видоизмененном состоянии, продолжает доминировать до сих пор. Прежде всего это относится к российской, украинской и польской историографии, где многие современные авторы продолжают опираться на концептуальные положения и стереотипы, сложившиеся в изучаемый период.

В российской исторической литературе образ Восточной Галиции начал складываться прежде всего под влиянием контактов представителей русской научной и общественной мысли и представителей интеллектуальной элиты региона. На протяжении всего XIX в. контакты русских подданных с представителями «русского» населения Австрийской империи развивались достаточно активно, однако были ограничены в основном интеллектуальными кругами, прежде всего кругом ученых-славистов. Среди них особо следует отметить

Ф.Ф. Аристов, Т.Д. Флоринского, А.Л. Погодина<sup>2</sup>. Еще одну группу работ, посвященных положению восточнославянского населения Галиции, составляют труды участников российских славянофильских организаций: В.А. Бобринского, Д. Вергуна<sup>3</sup>. Они в значительной степени восприняли ту систему оценок, которую предлагали им галичане, прежде всего русофилы.

По мере политизации национально-политических движений «русского» населения, и в особенности усиления украинского движения, возрастал и интерес к нему со стороны российских авторов. Одной из наиболее заметных работ, посвященных украинскому движению как враждебному России, является книга С.Н. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма»<sup>4</sup>. Как следует из самого названия, украинское движение Щеголев априори рассматривал как движение сепаратистское, направленное на отрыв Южной Руси от Российского государства и, таким образом, выгодное антироссийским силам. Щеголев уделил значительное внимание истории украинского движения в Габсбургской империи, тесно связывая его с интересами как Вены, так и Берлина. В целом работу С.Н. Щеголева, безусловно, надлежит признать одним из наиболее содержательных исследований своего времени, посвященных проблемам украинского движения и его перспективам.

В советской исторической литературе интерес к проблемам Галичины и Буковины заметно ослаб и воз-

---

<sup>2</sup> *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. М., 1916; *Флоринский Т.Д.* Славянское племя. Киев, 1907; *Погодин А.Л.* Зарубежная Русь. Пг., 1915.

<sup>3</sup> *Бобринский В.А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб., 1909; *Вергун Д.Н.* Что такое Галиция? СПб., 1914.

<sup>4</sup> *Щеголев С.Н.* История украинского сепаратизма. М., 2004.

родился с середины 1990-х гг. в связи с новой геополитической ситуацией, возникновением на карте Европы новых государств. Однако работ, посвященных собственно проблемам истории западноукраинских земель, немного. Среди них следует прежде всего выделить монографию Н.М. Пашаевой<sup>5</sup>. Автор является в определенной мере наследницей той традиции, которая сложилась в славянофильских кругах еще в XIX в., согласно которой Прикарпатская Русь была неотъемлемой частью единого общерусского культурного и духовного пространства. Основной акцент в монографии сделан на культурной и конфессиональной деятельности русофилов, их полемике с украинской стороной по вопросам языка и литературы. Следует отметить, что, работая много лет над проблемой «русского» движения в Габсбургской монархии, Н.М. Пашаева внесла важный вклад в изучение истории национальных движений в Галиции.

Проблемы истории взаимоотношений русофильского и украинского движений в Габсбургской монархии затрагиваются и в тех работах, которые посвящены изучению украинского вопроса в России. В монографии А.И. Миллера<sup>6</sup> Галиция рассматривается как своего рода арена политического соревнования между реально существовавшими проектами. В этом контексте русофильское движение в Галиции выступает как объект политического влияния С.-Петербурга в противовес укрепившей свои позиции «украинской партии». При этом автор подчеркнул, что меры принимались в основном оборонительного характера:

---

<sup>5</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галиции XIX–XX вв. М., 2001.

<sup>6</sup> Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

акцент делался не на усилении российского влияния в австрийских владениях, а на недопущении украинских идей в российские пределы.

Следует отметить также монографию А.Ю. Бахтуриной<sup>7</sup>, посвященную политике российских гражданских и военных властей в период оккупации Галиции русской армией в 1914–1915 гг. Автор уделяет значительное место проблемам региона в довоенный период, в том числе украинскому и русскому движению. При этом автор использовала уже существующие исторические стереотипы и рассматривает украинское движение прежде всего как инструмент анти-русской политики Вены.

Таким образом, при анализе современных российских исследований, посвященных проблемам национальных движений в Галиции либо затрагивающих их опосредованно, следует отметить несколько моментов. Прежде всего это общее усиление в последние годы интереса к проблемам развития национального самосознания восточнославянского населения Австро-Венгрии. Большинство исследователей, обратившихся к этой проблематике, выделяют ряд характерных для этого процесса черт. Прежде всего это наличие реального выбора между русской и украинской идентичностью, существовавшего на протяжении всего изучаемого периода. Также в большинстве работ подчеркивается влияние внешнего, в том числе и внешнеполитического фактора на процесс формирования национального самосознания восточнославянского населения Габсбургской империи.

Как и в случае с отечественной литературой, интерес украинских исследователей к проблемам ав-

---

<sup>7</sup> Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

стрийской Украины имеет давнюю традицию. Особую роль в этом сыграли работы крупного ученого и общественного деятеля М.С. Грушевского. Будучи одним из основных идеологов украинского движения, он сформулировал свое понимание места и роли австрийской Украины, и прежде всего Галиции, в целом ряде публицистических работ<sup>8</sup>. Согласно концепции Грушевского, Галиция на протяжении многих лет играла роль «культурного арсенала, где создавались и совершенствовались средства национального культурного и политико-общественного возрождения украинского народа»<sup>9</sup>. Именно такой взгляд на Восточную Галицию как на центр формирования украинской национальной идентичности в конце XIX — начале XX в. и получил дальнейшее развитие в исторической литературе.

Новые политические реалии — появление в 1991 г. на карте Европы нового украинского государства — поставили перед украинскими историками задачу переосмысления национальной истории Украины, создания новой, современной ее интерпретации. Для украинских историков основной задачей стало формирование новой исторической традиции, которая опиралась бы не только и не столько на советские исторические наследие, сколько на основы украинской общественной мысли досоветского периода и включала бы также концепции представителей украинской диаспоры. Именно благодаря этому в первой половине 1990-х гг. были воз-

---

<sup>8</sup> Грушевский М.С. Украинский Пьемонт // Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 115–120; Он же. Движение политической и общественной украинской мысли в XIX веке. СПб., 1907; Он же. К польско-украинским отношениям Галиции. Киев, 1905; Он же. З біжучої хвилі. Київ, 1906.

<sup>9</sup> Грушевский М.С. Украинский Пьемонт... С. 117.

вращены в научный оборот работы М. Грушевского, В. Липинского, М. Аркаса, впервые изданы на родине авторов труды И. Лысяк-Рудницкого, Н. Шлемкевича, канадского исследователя О. Субтельного.

Одновременно в начале 1990-х гг. на Украине вышел целый ряд работ, авторы которых стремились к созданию целостной и широкой картины украинской истории на большом временном промежутке — от нескольких десятилетий до столетий. Немалое место в этих исследованиях занимала и история западно-украинских земель, прежде всего благодаря той роли, которую сыграли галицийские активисты в становлении украинской национальной идеи. Среди этих работ следует выделить книгу известного украинского историка Я. Грицака<sup>10</sup>, написанную на высоком теоретическом уровне и вместе с тем доступным широкому читателю языком, что было особенно важно для популяризации нового видения истории Украины. Как и многие другие украинские исследователи, Грицак писал о населении австрийской Украины исключительно как об украинцах. При этом автор одновременно использовал этнонимы «русский» и «украинский», фактически ставя между ними знак равенства. Я. Грицак в целом следует уже сложившейся схеме истории украинского движения в Галичине, согласно которой движение это последовательно развивалось от национально-культурного к политическому, охватывая при этом широкий спектр политических воззрений — от консервативных до леворадикальных. Русофильское же движение, согласно этой схеме, являлось скорее «побочным продуктом» развития национального самосознания в австрийской Украине, нежели одной из его форм.

---

<sup>10</sup> Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації ХІХ–ХХ століття. Київ, 2000.

В середине 1990-х гг. в изучении истории национальных движений в австрийской Украине произошли заметные изменения. Отныне все больше внимания стало уделяться изучению конкретных исторических проблем на основе глубокого изучения исторических источников. Это совпало с появлением нового поколения исследователей, в центре внимания которых находятся такие проблемы, как формирование национального самосознания, возникновение первых политических организаций галицийских русинов, польско-украинские отношения во второй половине XIX — начале XX в., большое внимание уделяется истории грекокатолической церкви. Возрос интерес и к истории галицийского русофильства как этапа в развитии украинского национального самосознания. В этой группе работ следует отметить исследования О. Середы<sup>11</sup>, О. Аркуши<sup>12</sup>, М. Мудрого<sup>13</sup> О. Сухого<sup>14</sup>, И. Орлевич<sup>15</sup> и др. В целом

<sup>11</sup> *Серета О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за матеріалами преси) // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 157–171; *Серета О.* Національна свідомість і політична програма раннях народовців у Східній Галичині (1861–1867) // *Вісник Львівського університету. Серія історична.* 1999. Вип. 34. С. 199–214.

<sup>12</sup> *Аркуша О.* Галицький Сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996.

<sup>13</sup> *Аркуша О., Мудрий М.* Русофілство в Галичині на середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // *Вісник Львівського університету. Серія історична.* 1999. Вип. 34. С. 231–269.

<sup>14</sup> *Сухий О.* Від русофілства до москвофілства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів, 2003.

<sup>15</sup> *Орлевич І.* Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII — 60-і рр. XIX ст.). Львів, 2001.

украинские исследователи изначально трактуют национальное движение восточнославянского населения Австро-Венгрии как украинское, а русофильство рассматривается ими как один из его вариантов, возникший в ходе глубоких преобразований в галицийском общественном самосознании и неизбежно долженствующий уйти со сцены по мере складывания зрелого украинского самосознания.

Подобно российской и украинской, современная польская историография во многом опирается на идеи, возникшие еще на рубеже XIX–XX вв. В то время Галиция, где польское движение находилось в условиях более выгодных, нежели в других частях разделенной Польши, приобрела особое значение «Польского Пьемонта». Именно поэтому польские авторы с таким вниманием относились к проблемам Галиции. При этом для тех из них, чья деятельность разворачивалась за пределами региона, Галиция представляла позитивный пример разрешения польского вопроса. Польско-русинский конфликт воспринимался ими скорее как следствие социальных, нежели национальных противоречий. Сформированная польскими авторами в начале XX в. концепция, согласно которой Галиция была прежде всего польской территорией, центром именно польского национального движения, а польско-русинский конфликт носил главным образом социальный характер (подобной концепции придерживался, например, Ф. Буйек<sup>16</sup>), присутствовала в польской историографии и в более поздний период, сохранив свои позиции и поныне. Следует отметить, что на протяжении многих лет польские исследования, предметом которых были

---

<sup>16</sup> *Bujek Fr.* Galicja, kraj, ludność, społeczeństwo, rolnictwo. T. 1–2. Lwów, 1908. T. 2. S. 84.

бы украинское и русофильское движения в регионе, практически отсутствовали. Однако во второй половине XX в. проблема взаимоотношений народов, населявших Галицию, вновь начала привлекать внимание исследователей. Одной из наиболее значимых работ стала монография Ч. Партача<sup>17</sup>. Автор предлагает читателю развернутую картину общественной и политической жизни Галиции в XIX — начале XX в., делая акцент на анализе сложных взаимоотношений польского и восточнославянского населения этого региона. В центре исследования находится вопрос о причине неудач неоднократно предпринимавшихся попыток польско-украинского компромисса. Нельзя не отметить некоторую тенденциозность автора, который основную ответственность за эскалацию польско-украинского конфликта стремится переложить на украинскую сторону. К истории украинского и русофильского движений в Галиции обращались также В. Серчик<sup>18</sup> и З. Фрас<sup>19</sup>, Я. Мокляк<sup>20</sup>. В ряде работ польских авторов национальные противоречия в Галиции рассматриваются в контексте международных отношений в конце XIX — начале XX в. (К. Левандовский<sup>21</sup>, Х. Верещицкий<sup>22</sup>).

---

<sup>17</sup> *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996.

<sup>18</sup> *Serczyk Wł.A.* Historia Ukrainy. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1990.

<sup>19</sup> *Fras Z.* Galicja. Wrocław, 1999.

<sup>20</sup> *Moklak J.* Geneza moskalofilstwa wśród Ukraińców Galicyjskich // *Зустріччї — Зустріччї*. Warszawa, 1991. № 1. S. 117–125.

<sup>21</sup> *Lewandowski K.* Sprawa ukraińska a państwa centralne w latach 1914–1916 // *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. Wrocław, 1972. T. 8. S. 25–36.

<sup>22</sup> *Wereszycki H.* Koniec sojuszu trzech cesarzy. Warszawa, 1977.

Таким образом, польская историография охватывает достаточно широкий круг проблем, так или иначе связанных с национальными движениями в Галиции. При этом можно отметить ряд наиболее характерных особенностей. Во-первых, в польской историографии, как, впрочем, и в российской и украинской, активно задействованы идеи, сформулированные еще в начале XX в., то есть непосредственно в ходе исследуемых событий. Применительно к польской историографии можно говорить о том, что Галиция рассматривается в значительной степени именно как польский регион, непольские же национальные движения воспринимаются сквозь призму польских интересов. Во-вторых, в последние десятилетия заметно усилился интерес польских авторов к украинскому и русофильскому движениям, при этом круг затрагиваемых вопросов заметно расширяется, что, несомненно, говорит о частичном преодолении складывавшихся на протяжении многих лет стереотипов. Наконец, важно обратить внимание на проблему терминологии. Значительная часть польских авторов, если не подавляющее их большинство, говорит о восточнославянском населении региона как об украинском. Это, с одной стороны, неверно представляет сложившуюся в исследуемый период ситуацию, когда для основной массы этого населения вопрос о национальной самоидентификации еще не был решен, а с другой — характеризует русофильское движение как часть украинского, что также нельзя признать бесспорным.

Таким образом, проблемы политического развития восточнославянских земель Габсбургской монархии, складывания здесь двух национальных движений постоянно привлекали к себе интерес исследователей. В то же время ряд важных моментов не нашел еще достаточного освещения в историографии. Прежде всего,

недостаточно разработана идея исторической альтернативы этнических процессов. Слабая изученность данного аспекта связана с тем, что авторы, как правило, концентрируются на изучении одного из противоположающихся течений, не рассматривая их параллельного развития и взаимодействия. Другой недостаток состоит в том, что изучаемые национальные движения в регионе, а также влияние на них внешних факторов рассматриваются без учета исторической динамики. Между тем и украинское, и русофильское движения были движениями развивающимися, переживающими как подъемы, так и острые кризисы.

Перед исследователем, чьей целью является изучение национальных движений восточнославянского населения Галиции, встает также задача определить территориальные и хронологические рамки своего исследования. В нашей работе территориальные рамки определяются границами Королевства Галиции и Лодомерии. При этом основное внимание сосредоточено на Восточной Галиции, где сосуществование польского и восточнославянского населения провинции было наиболее тесным и одновременно противоречивым. Также в исследовании упоминаются и другие части монархии — Буковина и Угорская Русь, где также проживало восточнославянское население.

Хронологически исследование охватывает период с начала XIX в. до начала Первой мировой войны. Особый акцент сделан на временном промежутке с конца XIX в. до середины 1914 г. В это время украинское и русофильское движения вступили в политическую фазу своего развития, создав организации, способные отстаивать интересы восточнославянского населения на провинциальном и общеимперском уровнях. Влияние внешнего фактора, прежде всего отношений между Российской империей и Австро-Венгрией, в этот период значительно

усилилось и во многом стало определять дальнейшую эволюцию обоих изучаемых национальных движений.

Еще одной важной задачей, которую необходимо решить исследователю, является корректный выбор терминологии, прежде всего этнонимов и политонимов. В качестве самоназвания местным населением употреблялись исторические понятия «Русь», «народ русский». В период габсбургского правления было официально введено в оборот понятие «русины» (*Russen*) или рутены (*Ruthenen*). Этноним «русины» использовался и в официальных российских документах. В публицистических и научных работах российских авторов XIX — начала XX в. восточнославянское население Габсбургской монархии именуется «русским». Сторонники пророссийской ориентации нередко говорили о восточнославянском населении Габсбургской монархии как о части малорусского племени, называя себя «галицкими малороссами».

По мере развития в регионе украинского движения его участники говорили сначала об «украинско-русском», а затем просто об «украинском» народе Галиции. В советской историографии использовались исключительно понятия «украинец», «украинский». Эта традиция сохранилась и в современной украинской исторической литературе. В современной российской историографии в равной степени присутствуют этнонимы «русины», «русские», «украинцы» в отношении восточнославянского населения Галиции. С нашей точки зрения, корректным было бы применение в исследовании наиболее распространенных в это время этнонимов — «русины», «русский (русский)».

Особого внимания заслуживает использование понятий «русский» и «украинский» в качестве политонимов. В XIX — начале XX в. понятия «украинский», «украинец» имели не этническое, а национально-политическое значение. Применительно к активистам украинского движения использовался также политоним

«народовцы», возникший после создания в 1885 г. первой украинской политической организации «Народная Рада». Такое название удачно отражало характер движения, испытывавшего заметное влияние радикальных, народнических идей. Политоним этот применялся впоследствии к активистам Национально-демократической (Народно-демократической) партии. Сами же представители этой партии нередко говорили о себе именно как об украинцах, желая подчеркнуть общенациональный характер своих устремлений.

Пророссийское движение также имело несколько обозначений, отражающих его эволюцию. На рубеже XIX–XX вв. часто использовалось понятие «старорусины» (Altruthenen). Старорусинами как правило называли старшую генерацию представителей пророссийского направления. В ходу был и термин «русофилы», часто использовавшийся и российскими наблюдателями. Среди политических оппонентов бытовал термин «москвофилы» («москалефилы»), имеющий, несомненно, польское происхождение и носящий негативную окраску. В значительной степени политонимом являлось также понятие «русский» (с двумя «с»). Название это было использовано в названии Русско-народной партии, созданной в 1900 г.: ее активисты говорили о себе как о представителях «русского движения», относя себя к малорусской ветви русского народа.

Многообразие и противоречивость этнонимов говорит о том, что процесс формирования национального самосознания восточнославянского населения в регионе во второй половине XIX — начале XX в. был далек от своего завершения. На протяжении всего рассматриваемого периода перед восточнославянским населением австрийской провинции стоял вопрос «Кто мы?». Ответы на него появлялись постепенно и не раз претерпевали значительные изменения.

## ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ

**В**хождение в состав Габсбургской монархии дало новый импульс к началу процесса национального возрождения восточнославянского населения Галиции. Среди историков сложилось устойчивое мнение, что именно реформы Марии Терезии и Иосифа II, проводившиеся под влиянием идей Просвещения, позитивно повлияли на положение «руського» населения. Произошли важные изменения в области просвещения: была создана система школьного образования, причем предполагалось, что преподавание должно вестись на преобладающем в данной местности языке. В 1775 г. в Вене была открыта грекокатолическая семинария, многие выпускники которой впоследствии преподавали во Львовском университете. В самом Львовском университете в 1787 г. было создано особое отделение для обучения студентов-русинов философского и богословского факультетов — «*Studium ruthenorum*»<sup>1</sup>. В те же годы была открыта грекокатолическая семинария

---

<sup>1</sup> Сухий О. Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ столітті. Львів, 2003. С. 17.

во Львове. Практически именно тогда официальная Вена начала выступать как основная защитница интересов русинов прежде всего от польского притеснения. Во многом это было обусловлено желанием имперских властей создать определенный противовес польскому доминированию в крае. В результате уже в начале XIX в. сформировался тот особый тип «австрийской лояльности», отношения галицийских русинов к Габсбургской монархии, который был присущим на протяжении длительного времени.

Не менее значимым фактором в развитии национального становления «русского» населения Галиции стало знакомство с идеями славянского возрождения. О благотворном влиянии польских, чешско-словацких, сербско-хорватских деятелей говорили многие исследователи национального возрождения галицийских русинов<sup>2</sup>. Именно под влиянием идей славянского возрождения были сформулированы основные цели первых деятелей национального возрождения — галицких будителей.

Важнейшей своей задачей они считали сохранение культурного наследия и языковой традиции Галицкой Руси, а также формирование национальной системы просвещения. Ведущую роль в этом процессе играло грекокатолическое духовенство. Именно из его среды вышли первые будители, основной целью которых стало просвещение народа на его родном языке. Среди них необходимо упомянуть Ивана Могильницкого (1777–1832). Приняв сан в 1800 г., он организовал в своем селе первую народную школу. В 1816 г. Могильницкий стал ректором созданного в том же году учительского института в Перемышле и тогда же основал

---

<sup>2</sup> *Свенцицкий И.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. СПб., 1906. С. 2.

первое в Галиции «руськое» культурно-просветительское общество «Товарищество галицких грекокатолических священников», чьей основной целью было издание религиозной и просветительской литературы для народа. Католическое духовенство, недовольное существованием подобной организации русинов, добилось ее самороспуска.

В 1817 г. И. Могильницкий занял должность инспектора школ Перемышльской епархии. В этом качестве подготовил и издал несколько учебных пособий для народных школ. Его «Букварь славено-руського языка» и «Катехизис малый» выдержали не одно переиздание. В 1823 г. Могильницкий создал «Граматику языка словено-руського». В предисловии, вышедшем также и отдельной статьей, он впервые обосновал существование самостоятельного «руського» языка, опровергнув распространенное представление о «руском» языке как о разновидности польского или великорусского языков. Еще одной значительной работой Могильницкого стала статья «Ведомость о рускомъ языке», опубликованная в 1829 г. в польском переводе («Rozprawa o języku ruskim»), в которой автор доказывал право «руського» языка на существование, развитие и функционирование во всех сферах общественной жизни.

В 1816 г. митрополит Галицкий и архиепископ Львовский Михаил Левицкий (1774–1858) выступил с инициативой изучения «руського» языка в сельских школах. Однако на его письмо губерния ответила, что она никогда не намеревалась обучать в сельских школах на немецком языке, однако начать обучение «на руском языке будет слишком сложно, поскольку многие принадлежат к римскому обряду»<sup>3</sup>. Свой отказ ми-

<sup>3</sup> Будзиновский В. Австрия чи Польша? Львів, 1903. С. 4.

трополиту чиновники президиума мотивировали еще и тем, что население Галиции, особенно сельское, хорошо понимает польский язык, а потому необязательно вводить в школьные программы русский язык, «чтобы не увеличивать еще сепаратизма между жителями одной и той же провинции, а даже одной и той же местности»<sup>4</sup>. Сокрушительным для развития народного языка галичан было решение о том, что «русская речь не может быть предметом публичной науки, потому что в письме ее употребляют редко, и мало кому она известна в общественной жизни»<sup>5</sup>.

В 1820–30-х гг. одним из основных направлений деятельности будителей стало изучение истории «русского» народа, что в значительной мере отвечало общим тенденциям развития общественной мысли славянских народов того времени. Возможность отнести «русский» народ к категории «исторических» позволяла иначе взглянуть не только на его прошлое, но и на будущее. Не случайно среди будителей существовал устойчивый интерес к истории края. Центром ее изучения стал Ставропигион, культурно-образовательное учреждение, созданное в 1788 г. на базе Львовского Успенского братства декретом императора Иосифа II. Ставропигийский институт вел педагогическо-образовательную, научно-издательскую работу, имел музей и архив. В 1788 г. при институте была восстановлена Братская школа, которая существовала недолгое время, и учительская семинария для учителей начальных и средних школ (в 1930-х годах в

---

<sup>4</sup> Будзиновский В. Указ. соч. С. 4.

<sup>5</sup> Маковей О. З історії нашої фільольогії. Три галицькі граматики: Іван Могильницький, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинський // Записки Наукового Товариства ім. Шевченкі. Львів, 1904. Т. 51. С. 7.

ней училось 30 студентов). В первой половине XIX в. Институт издавал учебники для начальных и средних школ (в частности, букварь 1807 г., грамматику) и для «Studium Ruthenum». Базу основанного в 1889 г. по инициативе Антона Степановича Петрушевича (1821–1913) и Исидора Ивановича Шараневича (1829–1901) музея представляли предметы, материалы и документы Успенской церкви, Братского архива и монастырей Галиции. В конце XVIII — в начале XIX в. типография Львовской ставропигии, которая вела свое начало от печатни Ивана Федорова, оставалась единственной в Галиции (и второй в Австрии вместе с типографией Экгарта в Черновцах), у которой имелся кириллический шрифт и, следовательно, возможность издавать книги на церковнославянском или русском языках<sup>6</sup>. Денис Иванович Зубрицкий (1777–1862), ставший в 1830 г. управляющим Ставропигийской типографией, начал систематически собирать материалы по истории Галицкой Руси. Практически возглавив в 1843 г. архив Ставропигиона, он собрал немало документов, на основе которых им был написан ряд научных работ, освещавших историю как самого Ставропигиона, так и всего края<sup>7</sup>. В 1830 г. было опубликовано первое историческое сочинение, написанное на немецком языке: «Die griechisch-katholische Stavropigialkirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut» («Греко-католическая Ставропигийная церковь во Львове и связанные с ней институты»).

В 1836 г. Зубрицкий издал важный библиографический труд: «Historyczne badania o drukarniach Rusko-Słowiańskich w Galicyi» («Исторические изыскания о

<sup>6</sup> Орлевич І. Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII — 60-і рр. XIX ст.). Львів, 2001.

<sup>7</sup> Орлевич І. Ставропігійський інститут у Львові... С. 15.

русско-славянских типографиях в Галиции»), отрывок из которого под названием «О славяно-русских типографиях в Галиции и Лодомерии» в 1838 г. был опубликован в России в «Журнале министерства народного просвещения». В 1844 г. Зубрицкий выпустил новое исследование: «Kronika miasta Lwowa» («Хроника города Львова»). Основную часть своих работ Зубрицкий написал на польском и немецком языках, и только в 1852 г. решился издать на родном языке «Историю Галицкой Руси». Зубрицкий смог выпустить только два тома, посвященные истории Галиции до 1199 г. Третий том, содержащий историю с 1200 по 1377 г., появился только через три года и был изъят австрийскими властями<sup>8</sup>.

В 1830-х гг. возникло еще одно направление в национальном возрождении «русского» населения Галиции — сохранение и развитие народной языковой традиции Галицкой Руси. Ведущую роль в возникновении этого направления сыграл небольшой студенческий кружок, получивший название «Русской троицы». Его участники — Маркиан Семенович Шашкевич (1811–1843), Иван Николаевич Вагилевич (1811–1866), Яков Федорович Головацкий (1814–1888), студенты Львовского университета, видели в работе на ниве культуры одно из основных условий возрождения нации, что вполне соответствовало одной из основных концепций эпохи романтизма о значении духовного фактора в национальном возрождении. В 1834 г. по инициативе неформального лидера кружка М. Шашкевича был подготовлен сборник «Зоря», куда вошли записи народных песен, стихи, ряд других литературных работ, однако издание сборника было запрещено. В 1836 г. участники кружка подготовили новое изда-

---

<sup>8</sup>    Энциклопедія Львова. Львів, 2008. Т. 2. С. 498–499.

ние — альманах «Русалка днестровая», который был отпечатан в Буде тиражом в 1000 экземпляров. Книга начинается вступительным словом Маркиана Шашкевича («Предисловие»), в котором он подчеркивает красоту народного языка и литературы, и списком наиболее важных поднепровских литературных и фольклорных изданий того времени<sup>9</sup>. Далее материал разделен на четыре части: «Народные песни», «Сочинения», «Переводы» и «Старина». В них опубликованы сборники народных дум и песен с предисловием Ивана Вагилевича, оригинальные произведения Маркиана Шашкевича («Воспоминание», «Погоня», «Тоска по милой», «Сумрак вечерний», «Елена»), Якова Головацкого («Два веночка»), Ивана Вагилевича (поэмы «Мадей», «Жулин и Калина»), а также переводы сербских песен, три исторические песни «из старых рукописей» и другие произведения. В альманахе применено фонетическое правописание, впервые использован не церковнославянский язык, а живая народная речь. Значительная часть тиража была уничтожена. Известно высказывание одного из львовских чиновников, директора полиции Паймана: «У нас и с поляками достаточно забот, а эти сумасшедшие хотят воскресить уже похороненную “русскую” нацию»<sup>10</sup>. Интересно, что одним из недоброжелателей «троицы» был как раз митрополит Левицкий, ранее столь активно боровшийся за развитие «русского» языка. Деятельность кружка постепенно сокращалась, в том числе и благодаря недоброжелательному отношению к ней со стороны властей, а со смертью в 1842 г. М. Шашкевича практически прекратилась. Впоследствии участники кружка присоединились к противоборствующим на-

<sup>9</sup> Русалка Днестровая. Будим, 1837. С. 4.

<sup>10</sup> Будзиновский В. Указ. соч. С. 6

правлениям в «руськом» национальном движении — И. Вагилевич примкнул к пропольскому направлению, а Я. Головацкий — к пророссийскому.

Для развития национального самосознания австрийских русинов чрезвычайно важными были их контакты с Россией, прежде всего с представителями научных кругов. Как отметил И. Свенцицкий, в первой половине XIX в. «характер сношений Карпатской Руси с Россией можно определить информационно-научными интересами обеих сторон»<sup>11</sup>. Следует отметить, что под «Карпатской Русью» Свенцицкий подразумевал «все относящееся к австро-угорской, т. е. галицкой, буковинской и угорской Руси, раскинувшейся по обе стороны Карпат»<sup>12</sup>. Действительно, в конце XVIII — начале XIX в. целый ряд представителей «руського» населения Австрийской монархии вступил на русскую службу и сыграл немалую роль в развитии отечественного просвещения, науки и культуры. Среди них можно упомянуть И. Орлая, П. Лодия, В. Кукольника, И. Балудянского и многих других. В 1830–40-х гг., по мере того как в самой России усиливался интерес к славянской проблематике, контакты между представителями «Карпатской Руси» и представителями российских общественных и научных кругов расширялись. В переписке с русинами состояли М.А. Максимович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский.

Особую роль в становлении «руського» национального движения сыграл М.П. Погодин, в 1835 г. посетивший Львов, затем состоявший в активной переписке с русинами, присылавший им русские книги и периодику. В научной литературе именно визиты Погодина традиционно связывают с началом становления пророссий-

<sup>11</sup> Свенцицкий И. Обзор сношений Карпатской Руси... С. 7.

<sup>12</sup> Свенцицкий И. Указ. соч. С. 4.

ского (русофильского) направления<sup>13</sup>. Следует, однако, отметить, что Погодин в это время проявлял интерес и симпатию и к украинской, вернее, к малороссийской культуре. Примером может служить то, что по просьбе И. Вагилевича Погодин присылал во Львов современные малороссийские издания<sup>14</sup>. Кроме того, в это время между сторонниками пророссийской и украинской ориентации еще не существовало антагонизма, и, как отметила Н.М. Пашаева, «перед галицкими будителями стоял только вопрос — они принадлежат к русскому или польскому народу»<sup>15</sup>.

Контакты австрийских русинов с Россией носили в основном научный и культурный характер. В официальных кругах Российской империи не стремились к установлению излишне тесных контактов с «руськими» подданными Габсбургов, прежде всего опасаясь негативной реакции австрийских властей. Тем не менее необходимо отметить, что вопрос о поддержании пророссийских симпатий русинов или даже о возможном вхождении этого региона в состав Российской империи неоднократно обсуждался в Петербурге<sup>16</sup>.

Поворотным моментом в развитии национально-го самосознания австрийских русинов, как и многих других народов Габсбургской империи, стали революционные события 1848 г., не случайно получившие название «весны народов». Практически впервые за всю свою историю русины вступили на историческую сцену как самостоятельное политическое и культур-

<sup>13</sup> Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації ХІХ–ХХ століття. Київ, 2000. С. 51.

<sup>14</sup> Свенцицкий И. Обзор сношений Карпатской Руси... С. 66.

<sup>15</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине ХІХ–ХХ вв. М., 2001. С. 24.

<sup>16</sup> Свенцицкий И. Указ. соч. С. 22–24.

ное сообщество. В отличие от других участников революционных событий, русины подошли к революции практически неподготовленными, не имея ни сформировавшегося представления о своей национальной идентичности, ни четко сформулированных национальных требований, ни опыта политической борьбы<sup>17</sup>. Более того, основная масса «руськой» интеллигенции, немногочисленной и представленной в значительной мере грекокатолическим духовенством и учителями народных школ, не обладала достаточным национальным самосознанием. Исключение составляли лишь будители, речь о которых шла выше. Основная же часть русинов, имеющих образование, относили себя к категории «gente Ruteni, natione Poloni» («рутенского происхождения, польской нации»). Основная их масса либо не знала, либо знала очень ограниченно «русский» язык, говорила и читала по-польски. Примерами могут служить Иван Наумович и Богдан Дедицкий, будущие лидеры русофильского движения. Иван Григорьевич Наумович (1826–1891) родился в семье учителя и дочери священника. Родители Наумовича принадлежали к грекокатолической церкви, однако дома говорили только по-польски. Сам он, будучи учеником грекокатолической семинарии, принимал активное участие в польских молодежных революционных организациях. Другой будущий активный деятель русофильского движения, Богдан Андреевич Дедицкий (1827–1909), также не был знаком с «руськой» книжной традицией, имея представление лишь об устной культуре. К 1848 г. Дедицкий был убежденным сторонником концепции единства Польши, Руси и Литвы, распространенной среди польской демо-

---

<sup>17</sup> *Magosci P.-R.* The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus'. 1848–1948. London, 1972. P. 42.

кратической эмиграции<sup>18</sup>. Два этих примера весьма характерны для значительной части «русской» интеллигенции, которой предстояло впервые выступить на политической арене Габсбургской монархии.

Первой политической организацией, представлявшей интересы «русского» населения, стала созданная в мае 1848 г. «Головна руська рада» (Главный русский совет), председателем которой стал грекокатолический митрополит Григорий Яхимович. Первоочередной задачей Рады стала декларация самостоятельности «русского» населения Галиции. В воззвании Рады к русинам от 10 апреля 1848 г. говорилось: «Мы, русины Галицкие, принадлежим к великому руському народу, который говорит на одном языке и составляет 15 миллионов, из которых два с половиной населяют Галицкую землю»<sup>19</sup>. По мнению ряда современных украинских исследователей, именно заявленная Радой принадлежность к пятнадцатимиллионному народу, под которым, очевидно, подразумевалось малороссийское население соседней Российской империи, свидетельствует об украинской ориентации Рады<sup>20</sup>. Тем не менее говорить том, что участники Рады сознательно относили русинов Галиции именно к самостоятельному украинскому народу, было

<sup>18</sup> *Середа О.* Між українофільством і панславізмом: до історії змін національної ідентичності галицько-руських діячів у 60-х роках XIX ст. (спроба полібіографічного дослідження) // *Journal of Ukrainian Studies*. 2010–2011. Vol. 35–36. *Confronting the Past: Ukraine and Its History. A Festschrift in Honour of John-Paul Himka*. P. 103–119.

<sup>19</sup> Цит. по *Турий О.* Українська весна народів // *Головна Руська Рада. 1848–1851. Протоколи засідань і книга кореспонденції* / Под ред. О. Турия. Львів, 2002. С. 17.

<sup>20</sup> *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства... С. 55.

бы преждевременным. Очевидно, что тезисы декларации соответствовали устойчивому представлению первого поколения активистов национального движения о том, что «русьское» население Австрии этнически родственно малороссийскому племени, которое, в свою очередь, является составной частью единого русского народа. В то же время говорить о признании своего родства с населением Российской империи были готовы отнюдь не все представители «русьского» движения. Хрестоматийным примером этого является ответ представителей Рады на вопрос наместника Галиции Ф. Стадиона «Кто вы?» — «Мы рутены»<sup>21</sup>. Они также уверили наместника, что не имеют ничего общего со славянским населением Российской империи, тем самым опровергнув утверждение «Головной русьской рады».

Тогда же, в июне 1848 г., «Головной русьской радой» впервые был поставлен вопрос о создании отдельной провинции, в которую вошли бы восточная часть Галиции и часть Буковины. Буковина вошла в состав монархии, когда после окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Австрия, не принимавшая участия в военных действиях, заняла северную часть Молдавии. Россия предпочла не вмешиваться в конфликт, и это позволило австрийской дипломатии заявить права Габсбургов на территорию Буковины, исходя из того, что северная Молдавия некогда входила в состав Речи Посполитой, и именно той ее части, которая отошла к Австрии. 42% населения Буковины относили себя к русинам, 29,3% — к молдаванам. Также в провинции проживали евреи (12%), немцы (3,2%), румыны, поляки, венгры, чехи, армяне. Основная масса населения

---

<sup>21</sup> Паушева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине... С. 30.

придерживалась православного исповедания (61%). В Черновцах находилась резиденция архиепископа, председательствующего в греко-православном церковном совете (состоящем из 24 духовных и 24 светских членов). Многонациональный состав и отсутствие конфессиональных противоречий стали основой для формирования самобытного самосознания жителей Буковины, так наз. «буковинизма». Здесь были не так остры национальные противоречия, и национальные движения, в том числе русофильское и украинское, начали формироваться здесь сравнительно поздно. Тем не менее революционные события 1848 г. затронули и эту провинцию. В конце 1848 г. несколько русинов — депутатов Рейхсрата от Буковины подали прошение императору о сохранении единства Буковины и Галиции и создании на их основе особой «русской» провинции. Подобные предложения шли вразрез с позицией «Буковинского комитета», возникшего в апреле 1848 г., чьим основным требованием, наряду с обеспечением равноправия народов, населявших регион, было отделение Буковины от Галиции и создание отдельного коронного края. Именно эти требования были поддержаны Веней, и в 1849 г. Буковина получила статус самостоятельного коронного края. В результате здесь даже не были созданы комитеты «Головной русской рады», и национальное движение русинов в этом регионе не получило в этот момент развития<sup>22</sup>.

В этот период перед галицийскими активистами «русского» национального возрождения остро встал вопрос об определении своих отношений с польским национальным движением. Несмотря на то, что взаимоотношения польского и «русского» населения были

<sup>22</sup> Добржанский О. Національний рух українців Буковини другої пол. XIX — початку XX століття. Чернівці, 1999. С. 64.

достаточно сложными, на протяжении длительного исторического периода конфликт между двумя основными населявшими Галицию этносами носил скорее латентный характер. Теперь же, в ходе событий 1848–1849 гг., противоречия в интересах польского и «русского» населения стали очевидными.

В качестве альтернативы «Головной руськой раде», занимавшей подчеркнуто лояльную по отношению к Габсбургам позицию, был создан «Руський собор», костяк которого составляли представители полонизированной интеллигенции. Представители этого объединения видели в польско-русинской консолидации основу для будущего урегулирования национальных противоречий в регионе<sup>23</sup>. Активным участником «Руського собора» был Иван Вагилевич. Одним из его начинаний в этой роли было издание целого ряда публикаций так наз. «латиницей», иначе говоря, публикация материалов на «русском» языке латинским шрифтом. Как позднее писал украинский поэт, писатель и видный общественный деятель Иван Франко, «единственный из русинов Иван Вагилевич, необычайно талантливый и работающий человек, пал жертвою своей неудачной попытки издавать руськое периодическое издание латинскими буквами. Основная вина была не его, поскольку план издания такого журнала родился в группе польских аристократов и патриотов, которые основали в 1848 г. во Львове политическую организацию “Руський собор” для противостояния политическим и национальным требованиям “Руськой рады головної”»<sup>24</sup>.

Заметно оживилась культурно-просветительская деятельность русинов. Начала работу «Галицко-

---

<sup>23</sup> Грицак Я. Нарис історії України... С. 52.

<sup>24</sup> Франко І. Азбучна війна в Галичині 1859 р. Нові матеріали. Українсько-русський архив. Львів, 1912. Т. 8. С. 5.

руськая матица», созданная по образцу славянских «матиц» в 1848 г., под руководством двух активистов «руського» возрождения, Якова Головацкого и Николая Устиановича. В организации в разные годы активно работали Антоний Петрушевич, Яков Головацкий, Богдан Дедицкий, Исидор Шараневич, Николай Устианович, Дмитрий Вергун, Филипп Свистун, Юлиан Яворский, Владимир Луцык. Матица ставила перед собой традиционные для таких организаций цели: издание литературы на «руськом» языке и ее популяризация, развитие связей со славянскими учеными и культурными деятелями. Галицко-русская матица издавала популярные руководства по ремеслам, школьные учебники, художественные произведения. Печатным органом Матицы был «Научный сборник», который с перерывами и под разными названиями издавался на протяжении 1865–1908 гг.

В 1849 г. был создан «Народный дом». Сама идея создания культурного центра, соединяющего под одной крышей музей, библиотеку, место для различных собраний, принадлежала священнику Льву Трещаковскому. Первоначально постройкой занималась «Головна руська рада», затем, после ее роспуска, инициативный комитет, и в 1851 г. император Франц Иосиф заложил первый камень в его основание. Народный дом оставался ведущим культурным институтом до 1939 г. Еще одним важным шагом стало открытие кафедры «руського» языка во Львовском университете, куда профессором был приглашен Яков Головацкий. В том же году он издал «Граматику руського языка»<sup>25</sup>.

На настроения населения Галиции, а затем и Угорской Руси оказал сильное влияние «марш Паскевича», вступление русских войск в 1849 г. в пределы Венгрии.

<sup>25</sup> Пашаева Н.М. Указ. соч. С. 32.

Впечатления от вида сильной, боеспособной русской армии, солдаты которой говорили на понятном местному населению языке и исповедовали близкую веру, привели к тому, что в среде местного «русского» населения усилилось чувство общности с Россией. При этом что в Санкт-Петербурге относились к такой ориентации местного населения с понятным одобрением, активных мер к ее поддержке и развитию до определенного момента не принималось.

Подавление революции 1848 г. вызвало новый подъем австрийского абсолютизма. В Галиции этот период связан с деятельностью наместника графа Агенора Голуховского (1812–1875). За время его правления польское влияние заметно возросло не только в Галиции, но и в империи в целом. Значительная часть польской элиты заняла более выраженную проавстрийскую позицию, нежели в предыдущий период. Все чаще австрийская часть Польши воспринималась поляками как база для будущего возрождения польской государственности<sup>26</sup>. Это способствовало тому, что центральные власти стали воспринимать польскую элиту как фактор стабильности не только в регионе, но и в империи в целом.

Одним из основных направлений деятельности Голуховского была борьба против национальных требований «русского» населения. Наместник активно использовал для этой цели опасения Вены относительно чрезмерного усиления российского влияния в регионе. Обвиняя русинов в том, что логика их национального развития неизбежно приведет их к сближению с Россией, наместник стремился к практически полной ликвидации не только Рады, но и «русских» культурно-просветительских учреждений. Тем не

---

<sup>26</sup> *Kieniewicz St.* Orientacja austriacka w Polsce Porozbiorowej // *Roczniki Historyczne*. Poznań, 1949. R. XVIII. S. 222.

менее в Вене только отчасти прислушались к опасениям Голуховского. В результате в 1851 г. «Русская рада» была распущена и по рекомендации центрального правительства переориентировалась на культурно-просветительскую деятельность<sup>27</sup>.

В 1850-х гг. основная деятельность активистов «русского» национального возрождения была сосредоточена в области просвещения. Особое значение в эти годы приобрел «языковой вопрос», проблема создания языка науки и культуры. Импульсом к началу «азбучной войны», по меткому выражению Ивана Франко<sup>28</sup>, стала попытка Голуховского ввести в школьное преподавание «латиницу». В мае 1859 г. наместник созвал комиссию, которая должна была подготовить скорейший переход на латиницу всех «русских» изданий и внедрение латиницы в школах. Голуховский прямо заявил, что введение латиницы призвано поставить барьер на пути распространения великорусского языка<sup>29</sup>. Созданная по этому случаю комиссия, несмотря на лояльность большинства ее членов, большинством голосов отвергла идею Голуховского.

Несмотря на то, что натиск польской администрации был отражен, вопрос языка и правописания стал важнейшей темой на страницах «русских» периодических изданий. Языковая борьба, обусловив начало национально-политической дифференциации, определила три течения, просуществовавших в том или ином виде вплоть до распада Габсбургской монархии. С одной стороны, всеми участниками национального «русского» движения признавалась необходимость опираться на народный говор, все они также были убеждены в необходимости развивать и дополнять его. И именно

<sup>27</sup> Сухий О. Від русофільства до москвофільства... С. 71.

<sup>28</sup> Франко І. Азбучна війна... С. 7.

<sup>29</sup> Пашаева Н.М. Указ. соч. С. 41.

вопрос о том, что станет основой этих дополнений — современный русский литературный язык, украинский язык, находящийся также в стадии формирования, или же так наз. «язычие», смесь местного народного говора, церковнославянского языка и заимствований из русского языка, — стал основой для более глубокой дискуссии о национальной самоидентификации восточнославянского населения Австрийской монархии.

Новый этап в жизни региона начался в 1860-х гг. Общественный подъем, охвативший Австрийскую империю после Октябрьского диплома 1860 г., не мог не затронуть и Галицию. Февральский патент 1861 г., закрепивший новые принципы внутреннего управления империей, предусматривал создание двухпалатного парламента — Рейхсрата. Одновременно Февральский патент регулировал деятельность представительных учреждений в коронных землях. В Галиции был создан Сейм, формировавшийся на основе куриальной системы, что было гарантией преобладания в Сейме польских депутатов. В компетенции Сейма находились вопросы провинциального бюджета, формирования аграрной политики, просвещения. Кроме того, именно Сейм располагал правом выбирать депутатов Рейхсрата. Как отмечают многие исследователи, Февральский патент закрепил позиции так называемых «исторических народов» — немцев, чехов, поляков, остальные же народы не располагали политическим влиянием. В условиях Галиции это означало дальнейшее усиление польского влияния в крае<sup>30</sup>. Поддержка правящей элитой Галиции реформаторских инициатив центральной

---

<sup>30</sup> Архуша О. Парламентська традиція галицьких українців у другій половині XIX — на початку XX ст. // Україна: культура спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2000. Вип. 6. С. 68–91.

власти 1866–1867 гг. обеспечила дальнейшую полонизацию провинции, польский стал господствующим в системе образования, а также был признан официальным языком административных и судебных органов. В правительстве Цислейтании был также учрежден пост «министра для Галиции», назначение на который производил император по согласованию с группой польских депутатов парламента<sup>31</sup>. В целом галицийская автономия создала наиболее благоприятные по сравнению с другими частями Польши условия для национального развития.

В 1860-х гг. начался новый подъем национального движения восточнославянского населения империи. Именно в эти годы обозначились коренные противоречия между сторонниками пророссийской и украинской ориентации, которые в конечном итоге привели к формированию двух самостоятельных национальных движений. При этом следует еще раз подчеркнуть, что между этими двумя течениями, несмотря на многие разногласия, не существовало того яростного антагонизма, который характерен для более позднего времени. Одной из важнейших задач в тот момент еще фактически единого «русского» движения оставалось сопротивление польскому натиску, еще более усилившемуся в условиях федерализма. Как отметил один из современных украинских исследователей, Я. Грицак, именно усиление польско-«русского» (автор говорит об украинском) противостояния стало причиной исчезновения старого типа интеллектуала «gente Ruthenus, natione Polonus», а местная интеллигенция усилила попытки поиска столь же глубоких национальных корней, которыми обладало польское общество<sup>32</sup>.

<sup>31</sup> История Польши. М., 2004. С. 356.

<sup>32</sup> Грицак Я. Нарис історії України... С. 75.

В эти годы наиболее активно развивалось пророссийское (русофильское) направление. Важным этапом в его развитии стало начало издания в 1861 г. газеты «Слово», руководимой сначала первым профессиональным журналистом-русином Богданом Дедицким (1827–1909), а затем Яковом Головацким. «Слово» оказалось практически первым печатным органом русинов, имевшим достаточное общественное влияние<sup>33</sup>. В первые годы своего существования «Слово» было рупором не только русофилов, но и всего «русского» национального движения. Позицию большинства русофилов того времени можно охарактеризовать как «малорусскую». Говоря об общерусской культуре и единой Руси, они оставались патриотами «Малой Руси», защитниками идеи «полной автономии нашей малорусичины»<sup>34</sup>. Именно поэтому на страницах «Слова» нередко печатались авторы, принадлежавшие к украинскому направлению<sup>35</sup>. Издание отозвалось некрологом на смерть Т.Г. Шевченко в 1861 г., на его страницах печатались произведения украинских авторов Н.И. Костомарова, Д.Л. Мордовцева<sup>36</sup>. Негативно издателями «Слова» были восприняты и антиукраинские меры официального Петербурга, прежде всего печально известный Валуевский циркуляр, изданный в июле 1863 г.

В то же время именно на страницах «Слова» в сентябре 1866 г. была опубликована статья священника Ивана Григорьевича Наумовича (1826–1891) «Взгляд в

<sup>33</sup> Сухий О. Від русофільства до москвофільства... С. 84.

<sup>34</sup> Серета О. Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за матеріалами преси) // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 159–174.

<sup>35</sup> Сухий О. Указ. соч. С. 103–105.

<sup>36</sup> Пашиаева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 55.

будущее». В ней И. Наумович, в это время уже видный общественный деятель, депутат галицийского Сейма, обосновывал необходимость сближения «русского» населения Галиции «со всем русским миром». В своей статье он заявил, что «многолетние усилия дипломатов и поляков сделать из нас особый народ рутенов-униатов оказались тщетными» и что «Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр. с точки зрения этнографической, исторической, языковой, литературной, обрядовой — это одна и та же Русь... мы не можем отделиться Китайской стеной от наших братьев и отказаться от языковой, литературной и народной связи со всем русским миром»<sup>37</sup>. При этом важно подчеркнуть, что, говоря о солидарности с Россией, Наумович имел в виду не современную ему Российскую империю как государство, а общерусское культурное пространство, вхождение в которое даст новый импульс культурному и духовному развитию «русского» народа в Галиции. Будущую Россию он видел при этом как демократическую державу — объединительницу всех славянских племен. Таким образом, выступление Наумовича фактически стало манифестом русофильского движения, обозначившим его основные идеологические принципы — стремление к культурному и духовному сближению с Россией как центром общерусского культурного пространства. При этом сохранялось представление о русинах как о части «Малой Руси», имеющей свои языковые, культурные и духовные особенности.

С именем Наумовича связано и другое заметное явление — так называемое «обрядовое движение».

---

<sup>37</sup> Пашаева Н.М. И.Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галиции второй половины XIX века // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 82–91.

Возникшее в начале 1860-х гг., оно стало фактором, на время объединившим практически все группы «русских» галичан. Непосредственной целью движения было возвращение к нормам восточного обряда грекокатолической церкви. Согласно концепции Наумовича, конфессиональный фактор является непрелымным условием обретения национальной идентичности. В результате «обрядовое движение» приняло масштабный, народный характер, чему в немалой степени способствовала активная общественная и просветительская деятельность самого Наумовича. Он вел активную просветительскую работу среди крестьянства, публиковал многочисленные статьи, посвященные рациональному ведению хозяйства, трезвому образу жизни, гигиене и многим другим жизненным вопросам. Его успехи на этом поприще признавали даже оппоненты Наумовича, такие как молодые участники украинского движения М. Павлык и И. Франко<sup>38</sup>. Интересно, что в 1870-х гг. Франко был не только политическим, но и поэтическим соперником Наумовича, который пользовался признанием и как поэт. Конкуренцию Франко и Наумовича украинский исследователь Я. Грицак охарактеризовал как битву двух харизматиков<sup>39</sup>. Массовость «обрядового движения» вызвала беспокойство как галицийской администрации, так и католических кругов. В результате по инициативе митрополита Г. Яхимовича исправление обряда было сначала приостановлено, а затем вовсе прекратилось. Тем не менее «обрядовое движение», несомненно, сыграло заметную роль в формировании национального самосознания галицийских русинов.

---

<sup>38</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 69.

<sup>39</sup> Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886). Київ, 2006. С. 394.

В целом 1860–70-е гг. были годами подъема русофильского движения, прежде всего его культурной работы, которая и была важнейшей частью его идеологии. Помимо «Слова» выходил целый ряд изданий, например, «Наука», издававшиеся также И. Наумовичем, «Пролом», «Червонная Русь». В 1874 г. в городе Коломые было организовано новое культурно-просветительское «Общество им. Качковского», сыгравшее впоследствии значительную роль в развитии и популяризации русофильского движения. По мнению Н.М. Пашаевой, утверждение, что общество было создано на деньги, завещанные чиновником и сторонником идей общерусского единства Михаилом Качковским (1802–1872) на нужды родного края, неверно. Капитал Качковского перешел в распоряжение «Народного дома», общество же было собрано на пожертвования единомышленников Качковского<sup>40</sup>.

Одним из важных элементов нового этапа развития национальных движений в регионе стало создание политических организаций. Такой организацией стала созданная осенью 1870 г. «Руськая рада». Несмотря на то что инициатива создания Рады исходила от сторонников украинского направления, в частности, Ю. Лавровского, стремившихся к тому, чтобы Рада заняла более выраженные проукраинские позиции, в частности, заявила о принадлежности русинов к самостоятельному украинскому народу, на первом собрании, состоявшемся в сентябре 1870 г., русофилы оказались в более выгодном положении. Им удалось возглавить правление Рады и вытеснить из нее сторонников украинской ориентации. Таким образом, «Руськая рада» стала русофильской политической организацией. Основными ее задачами

<sup>40</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 66.

были заявлены защита прав «русского» народа, развитие языка, образования<sup>41</sup>.

Несмотря на то что и в 1860-х, и в 1870-х гг. представители русофильского направления подчеркивали свою лояльность правящей династии Габсбургов, устойчивым их положение назвать было нельзя. Основным гонителем русофилов в этот период являлась галицийская администрация. Выше уже говорилось о том, что «азбучная война», положившая начало фактическому расколу между сторонниками украинского и русофильского направлений, была спровоцирована наместником Галиции графом А. Голуховским. В своем роде жертвой наместника А. Голуховского стал и Яков Головацкий, издатель «Слова», профессор Львовского университета, один из лидеров русофильского направления. В 1867 г. Головацкий принял участие в состоявшейся в Москве Всероссийской этнографической выставке. По инициативе профессора Московского университета Нила Попова на выставке был предусмотрен славянской отдел, параллельно шла подготовка к Славянскому съезду. На выставку и съезд были приглашены представители большинства славянских народов, за исключением польского. От галицийских русинов в выставке принимал участие Я. Головацкий. Еще до начала работы выставки Головацкий был отстранен от преподавания в Львовском университете, в его квартире был произведен обыск, в польской прессе началась его травля. В итоге после окончания выставки Головацкий в Галиции оказался персоной non grata. В том же 1867 г. он вынужден был выехать в Россию, где был назначен на пост председателя Виленской археологической комиссии<sup>42</sup>.

---

<sup>41</sup> Сухий О. Указ. соч. С. 133–135.

<sup>42</sup> Пашиаева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 57.

Поворотным моментом в судьбе русофильского движения стал так наз. «процесс Ольги Грабарь», прошедший в 1882 г. Непосредственным поводом к началу открытого преследования русофилов со стороны властей стало событие, на первый взгляд незначительное. Крестьяне села Гнилички выразили желание создать отдельный приход, а когда львовская консистория и настоятель церкви в соседнем селе, прихожанами которого и были жители Гниличек, отказались, крестьяне, по совету своего помещика, православного румына, решили перейти в православие. По этому поводу они решили посоветоваться с о. Иваном Наумовичем, который объяснил крестьянам, что православие является верой их предков, и сам подал прошение к администрации и местным епархиальным властям грекокатолической львовской и греко-православной черновицкой церковей. Желание целого села перейти в православие вызвало озабоченность в польских кругах, первоначальный запрос о выделении отдельного грекокатолического прихода был немедленно удовлетворен, и селяне остались в унии.

По времени события в Гниличках совпали с приездом во Львов в сентябре 1881 г. знаменитого карпаторусского деятеля Адольфа Добрянского со своей дочерью Ольгой Грабарь. Добрянский был выдающимся деятелем национального возрождения австрийских русинов. Его общественно-политическая деятельность началась в 1848 г., когда он выступил с инициативой объединения всех «русских» земель Австрийской империи в одну провинцию. Добрянский участвовал в подготовке Славянского съезда 1848 г., в следующем, 1849, году переехал в Галицию, где завязал тесные контакты со многими представителями русинского возрождения. В качестве гражданского комиссара, представителя австрийского правительства, был прикомандирован к

корпусу генерала Паскевича. После подавления Венгерского восстания Добрянский продолжал службу в разных должностях, а в 1867 г. вышел в отставку. Он вел активную культурно-просветительскую деятельность, поддерживал контакты с единомышленниками в Галиции и Буковине. Программным его произведением считается «Политическая программа для Руси австрийской» (1871). В 1875 г. Добрянский приехал в Россию, где посетил Варшаву, Вильно, Петроград, Киев и Москву, встречался с К.П. Победоносцевым, М.Н. Катковым, И.С. Аксаковым, И.П. Корниловым, С.М. Соловьевым и другими, был принят наследником престола великим князем Александром Александровичем. После своего возвращения в Австро-Венгрию Добрянский попал под полицейское наблюдение. Полицией было установлено, что Добрянский встречался с местными деятелями русофильского направления, а его дочь вела активную переписку, в том числе и с российскими адресатами. Ольга Адольфовна подверглась обыску, при котором были обнаружены письма ее брата Мирослава, ранее эмигрировавшего в Россию. Австрийские власти сопоставили эти события и сделали вывод о существовании некой организации, занимавшейся «панславистической пропагандой» и имевшей своей целью возбуждение в Австро-Венгрии смуты и отделение от империи Галиции, Угорской Руси и Буковины. В начале 1882 г. был произведен ряд арестов по подозрению в «государственном преступлении». Главными виновниками и руководителями преступной группы были представлены Адольф Добрянский и о. Иван Наумович. Кроме них по этому обвинению были арестованы Ольга Грабарь, редактор газеты «Слово» Венедикт Площанский, редактор «Пролома» Осип Марков, ряд других лиц<sup>43</sup>. Все

---

<sup>43</sup> Паушева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 68.

они были посажены в следственную тюрьму, вместе со многими другими подозреваемыми, которые были отпущены еще до суда.

Судебное разбирательство началось 31 мая (12 июня) 1882 г. Особый упор следствием делался на то, что обвиняемые заявляли о единстве русинов с остальными русскими, утверждали, что язык русинов есть русский язык. Всем им было предъявлено обвинение в государственной измене, получении из России финансовых средств и т. д. Несмотря на то, что обвинение явно было натянутым, Наумович и ряд его товарищей были осуждены на несколько месяцев тюремного заключения «за возмущение общественного спокойствия», А. Добрянский вынужден был уехать из Галиции и остаток жизни провести в Инсбруке. Процесс существенно ослабил русофильское движение, практически лишившееся своих руководителей. Как отметил канадский историк Д.-П. Химка, «после событий 1882 г. русофилы одновременно стали и более маргинальным, и более радикальным движением»<sup>44</sup>. Активистам русофильского движения необходимо было найти новые пути к достижению своей цели — духовному и культурному единству всего русского народа<sup>45</sup>.

Несмотря на явные успехи — создание «Руськой рады», издание многочисленных газет и журналов, работу культурно-просветительских организаций — русофильское движение на рубеже 1870–1880-х гг.

---

<sup>44</sup> *Himka J.-P.* The Greek Catholic Church and the Ukrainian nation in Galicia // Religious compromise, political salvation: the Greek Catholic Church and Nation-building in Eastern Europe. Pittsburg, 1993. P. 7–27.

<sup>45</sup> *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 200–202.

испытывало значительные трудности. Как отметила Н.М. Пашаева, «в конкретных условиях первых лет дуализма [...] политические судьбы русского движения носили во многом тупиковый характер. В политической мозаике русские галичане стояли особняком и союзников у них не было»<sup>46</sup>. Несмотря на то, что представители русофилов участвовали в парламентской жизни страны, заседаая и в общеавстрийском парламенте, и в галицийском Сейме, у них отсутствовала сколько-нибудь четкая политическая программа, а основная их задача — создание отдельной «русской» провинции — после 1867 г. стала невыполнимой. Основная работа велась активистами русофильского движения в области просвещения и культуры. В эти годы функционировали Галицко-русская матица, Народный дом, Общество им. Качковского, до 1887 г. регулярно выходила газета «Слово». Однако основная задача русофилов — культурное и духовное объединение «русских» земель Габсбургской монархии и России, создание общерусского культурного пространства — оставалась практически недостижимой. В самой России, несмотря на многолетние и устойчивые контакты галичан с представителями научных и общественных, прежде всего славянофильских, кругов, проблемами региона интересовались мало. Несмотря на устойчивый миф о «русских рублях», материальная поддержка галичан со стороны российского государства была очень скромной, а средства, предназначенные на поддержку славянских движений, в основном направлялись южным славянам. Вопрос о поддержке пророссийских настроений в Габсбургской монархии российским государством поднимался не раз, но возможные осложнения в отношениях с Австрийской империей останавливали

---

<sup>46</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 79.

официальный Петербург. Как отметил А.И. Миллер, политика России в отношении Галиции была не просто пассивной, но обреченной на поражение<sup>47</sup>.

В 1860–70-х гг. набирало силу и украинское движение. В начале 1860-х гг. во Львове вокруг журнала «Мета» сложилась группа молодых деятелей украинского движения, придерживавшихся националистических взглядов и получившая в исторической литературе название «ранних народовцев». В целом, как и украинофильское движение в России, их деятельность носила в значительной степени культурно-просветительский характер. Они стремились к сближению с украинским движением в российской Украине, прежде всего путем развития национальной культуры и языка, переноса на галицийскую почву такие элементы украинского движения, как увлечение народной культурой и традициями казачества, внедрение нового фонетического правописания и т. д.<sup>48</sup> В это же время в ряде статей, опубликованных в журнале «Мета» в 1863–1865 гг. и посвященных политическому положению русинов и перспективам их дальнейшего развития, была сформулирована первая политическая программа галицийских украинцев. Говоря о будущем «русского» (украинского) населения Габсбургской монархии, автор этих статей К. Климович высказывал предположение, что оно связано с федеративным переустройством Габсбургской монархии, которая должна была стать, по его мнению, центром притяжения славянских народов в проти-

<sup>47</sup> Миллер А.И. «Украинский вопрос»... С. 200–202.

<sup>48</sup> Серета О. Національна свідомість і політична програма раннях народовців у Східній Галичині (1861–1867) // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 199–214.

вовес России. В состав будущей федерации могла бы войти и российская часть Украины. Таким образом, в перспективе все украинские земли должны были войти в состав многонациональной федерации всех центральноевропейских народов. В целом идеологию «ранних народовцев» можно расценивать как первый шаг в направлении создания национально-политического украинского движения<sup>49</sup>.

Поворотным моментом в истории развития всего украинского движения стало резкое изменение политики в отношении него со стороны официального Петербурга. Польское январское восстание 1863 г. привело к тому, что любое национально-политическое движение в Юго-Западном крае воспринималось властями как потенциально опасное. Результатом стало издание т. н. «Валуевского циркуляра» 1863 г. — предписание министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева от 18 (30) июля 1863 г., направленное в Киевский, Московский и Петербургский цензурные комитеты, о приостановлении печатания на малороссийском языке литературы религиозной, учебной и предназначенной для начального чтения. К пропуску цензурой разрешались «только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы»<sup>50</sup>. Как пишет А.И. Миллер, «Валуевский циркуляр» стал отражением целого ряда опасений властей. Он был реакцией на заметную активизацию как легальной, так и скрытой деятельности украинофилов, в которой явно прочитывались, пусть и отдаленные, сепаратистские планы»<sup>51</sup>. После краткого периода либерализации политики Петербурга в отноше-

---

<sup>49</sup> Серета О. Там же.

<sup>50</sup> Миллер А.И. «Украинский вопрос»... С. 111.

<sup>51</sup> Миллер А.И. Там же. С. 179.

нии киевских украинофилов последовал т. н. «Эмский указ», подписанный императором Александром II 18 (30) мая 1876 г. в германском городе Бад-Эмс<sup>52</sup>. Согласно указу, на территорию Российской империи запрещалось ввозить из-за границы книги, написанные на малороссийском наречии, без специального разрешения, издавать оригинальные произведения и делать переводы с иностранных языков. Исключение делалось для «исторических документов и памятников» и «произведений изящной словесности», с рядом оговорок (так, запрещалась украинская орфография «кулишовка», одна из ранних версий украинского алфавита, названная так по имени П. Кулиша) и при условии предварительной цензуры. Запрет касался украинских театральных постановок (запрет снят в 1881 г.), нельзя было печатать ноты с украинскими текстами, устраивать концерты с украинскими песнями. Указ, среди прочего, предписывал удаление из Юго-Западного края Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895), доцента Киевского университета, одного из заметных деятелей Киевской громады. Однако еще за год до указа, в 1875 г., Драгоманов был уволен из университета и вынужден был уехать из России. Первой остановкой Драгоманова по пути в Женеву, где вскоре он стал издавать журнал «Громада», был Львов.

Здесь его пребывание произвело огромное впечатление. Драгоманов, обратившись с тремя письмами в редакцию русофильского издания «Друг», указал галичанам, что они в равной степени плохо знают и современную русскую литературу, и русский язык. Он был уверен, что близкое знакомство молодежи с демократической русской литературой, произведениями Герцена, Огарева, Добролюбова повернет ее «лицом

<sup>52</sup> Миллер А.И. Там же. С. 181.

к народу», что приведет ее, в свою очередь, к украинской ориентации<sup>53</sup>. Хотя Драгоманова нельзя назвать в полной мере социалистом, его взгляды оказали значительное влияние на революционно настроенных представителей тогдашней украинской интеллигенции. Драгоманов, вернее его письма из Женевы, стал основным проводником социалистических идей в Галиции<sup>54</sup>. Способствовало возникновению радикальных течений в галицийской общественной мысли личное знакомство с польскими социалистами, российскими народниками, киевскими украинофилами, проезжавшими через Галицию. Как отметил украинский исследователь Я. Грицак, Галиция в 1870-х гг. стала настоящим перевалочным пунктом как для людей, направлявшихся из России в эмиграцию, так и для печатной продукции, двигавшейся в обратном направлении<sup>55</sup>. Это не могло не вызвать опасений со стороны как галицийской администрации, так и венских властей, которые прибегли к репрессивным мерам.

Объектом преследования стала газета «Друг», редактором которой стал Михаил Павлык, а постоянным автором — поэт Иван Франко (1856–1916), тогда уже обладавший признанным литературным именем. Поводом для начала расследования послужило одно из писем М. Драгоманова к Павлыку, содержавшее инструкции Драгоманова молодым галичанам относительно их дальнейшей деятельности. В июне 1877 г. были арестованы все члены редакции «Друга», а также ряд не сотрудничавших с газетой лиц. Суд состоялся в феврале 1878 г. Несмотря на надуманность обвинений, все представшие перед судом были признаны ви-

<sup>53</sup> Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні... С. 167.

<sup>54</sup> Грицак Я. Там же. С. 170.

<sup>55</sup> Грицак Я. Там же. С. 174.

новными и присуждены к различным срокам заключения. Павлык был осужден на три месяца, Франко на два. Всего же Франко провел в тюрьме около девяти месяцев. После выхода из тюрьмы Франко оказался в изоляции, от него, как от «опасного человека», отвернулось всё галицийское общество, придерживавшееся консервативных взглядов. Не только русофилы, которых подозревали даже в написании доносов на редакцию «Друга», но и умеренные по своим политическим взглядам «народовцы» негативно отнеслись к радикальным взглядам Франко и его товарищей. Резко осудила литературные произведения Франко грекокатолическая церковь, опасавшаяся «деморализации» общества<sup>56</sup>. Франко вынужден был оставить университет (курс он окончил 15 лет спустя, когда готовился к профессорской кафедре). Фактически процесс против Франко и Павлыка стал первым политическим процессом в Галиции. И сам процесс, и отношение значительной части общества к Франко показали, что радикальные идеи, близкие к социалистическим, были чужды основной части галицийского общества.

В эти же годы активно развивалось украинское националистическое направление. Антиукраинские меры российского правительства привели к притоку в Галицию как людских, так и материальных ресурсов из российской Украины. При активной поддержке российских украинофилов в 1873 г. во Львове было создано Общество им. Шевченко, сыгравшее заметную роль в развитии украинского движения. Основателями общества выступили представители известных украинских фамилий — Скоропадских, Милорадовичей и др. Первым главой общества стал Александр Конисский. Значительные материальные

<sup>56</sup> Грицак Я. Там же. С. 180.

средства на организацию общества были пожертвованы графиней Елизаветой Милорадович и Михаилом Жученко<sup>57</sup>. Другим важным шагом в этом направлении стало начало издания в 1880 г. газеты «Діло» (само название, «Дело», говорило об оппозиции русофильскому «Слову») под редакцией А. Барвинского. Одновременно выходил еще целый ряд изданий: «Правда», «Зоря», «Жіття та Слово».

В 1885 г. была организована и первая собственно украинская политическая организация — «Народная рада» под руководством Юлиана Романчука (1842–1932) и Александра Барвинского (1847–1946). Ее участники получили название «народовцев», как впоследствии стали называть умеренных украинских националистов. В программе, выработанной через три года после создания «Рады», подчеркивалась самостоятельность украинского (малорусского) народа, основной задачей партии называлась борьба за национальную автономию или раздел Галиции. Конечной целью провозглашалась независимость всего украинского народа<sup>58</sup>. Достаточно быстро в идеологии «народовцев» усилились консервативные элементы, что было вызвано необходимостью поддержки со стороны грекокатолической церкви, обладавшей огромным авторитетом среди народа.

Немного позднее, в 1890 г., была основана Русько-украинская радикальная партия (РУРП). Во главе вновь образованной партии встали Михаил Павлык, Иван Франко, Вячеслав Будзиновский, Кирилл Трилёвский и другие молодые украинские активисты, придерживавшиеся левых взглядов. Учредительный съезд партии, состоявшийся 4 октября 1890 г., принял программу, подготовленную И. Франко. Основными задачами новой

<sup>57</sup> Енциклопедія українознавства. Львів, 1996. С. 1711.

<sup>58</sup> Грицак Я. Нарис історії України... С. 76.

партии были защита прав трудящихся, федерализация государственного устройства Австро-Венгрии<sup>59</sup>.

Несмотря на динамичное развитие, украинское движение продолжало оставаться в определенной степени маргинальным, не имеющим реального влияния на жизнь в провинции, полностью сохранявшей свой польский характер. Без компромисса между польской администрацией и участниками украинского движения дальнейшее развитие последнего было практически нереально. Попытки достичь подобного соглашения предпринимались и ранее, однако все они закончились неудачей<sup>60</sup>. Теперь же активную позицию в урегулировании польско-«русского» конфликта заняла официальная Вена, стремившаяся создать противовес доминирующему положению польской элиты в Галиции. Идею соглашения активно поддерживали киевские украинофилы, лидером которых был историк Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908). Именно среди киевлян была особенно популярна идея перенесения центра украинской жизни из России, где она была практически под запретом, в австрийскую часть Украины — Галицию<sup>61</sup>.

Польская администрация Галиции к идее соглашения относилась с недоверием, тем не менее, опасаясь роста украинского радикализма, с одной стороны,

<sup>59</sup> *Кравец М.М.* До питання про Русько-українську радикальну партію у Східній Галичині в 90-х роках XIX ст. // З історії західноукраїнських земель. Київ, 1957. Вип. 2. С. 124–141.

<sup>60</sup> *Мудрий М.* Спроби українсько-польського порозуміння в Галичині (60–70 роки XIX ст.) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1997. Вип. 3–4. С. 58–117.

<sup>61</sup> *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. S. 48.

и стремясь изолировать русофилов, с другой, наместник граф Казимир Бадени (1846–1909) начал переговоры с представителями «народовцев». Со стороны последних в переговорном процессе приняли участие Юлиан Романчук и Александр Барвинский. Результатом долгих переговоров между представителями «Народной рады» и польской элиты стало провозглашение на заседании сейма 25 ноября 1890 г. соглашения, вошедшего в историю как «соглашение Бадени — Романчука». Наместник еще раз подтвердил требования центральных и галицийских властей: это деятельность в соответствии с идеями государства на основе преданности трону, а также борьба против русофилов. «Народовцы» выступили с требованиями признания украинского языка как второго в крае, основания ряда кафедр с преподаванием на украинском языке в Львовском университете, реформы избирательного права. В результате соглашения началась так называемая «новая эра» в польско-русинских отношениях, а точнее, в отношениях между правящей польской элитой и умеренными «народовцами»<sup>62</sup>.

В 1892 г. в Львовском университете была открыта кафедра украинской (в официальных документах — восточнославянской) истории, которую двумя годами позднее и занял молодой ученый из Киева Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934), сыгравший значительную роль в развитии украинского движения. Выбор на него пал не случайно. В свои годы (в 1892 г. ему исполнилось 26 лет) он был не только многообещающим историком, чьи работы привлекали внимание научной общественности, но и активным участником кружка киевских украинофилов. Позже Грушевский вспоминал, что, будучи по природе человеком мало-

---

<sup>62</sup> Partacz Cz. Ibid. S. 54.

общительным, он только в конце университетского курса начал сближаться с людьми, стал бывать в литературных и политических молодежных кружках и особенно близко сошелся с профессором В.Б. Антоновичем<sup>63</sup>. С подачи Антоновича Грушевский установил первые контакты с галицийскими украинцами, прежде всего с представителями научных кругов.

Как писал сам Грушевский, «киевляне надеялись создать в Галичине силами писателей и ученых всей Украины всеукраинский культурный, научный центр и с помощью него проломить систему запретов украинского слова и национальности в России, поднять в ней национальное движение и т. д.»<sup>64</sup>. Вот почему киевские украинофилы особое значение придавали тому, чтобы профессором создаваемой в рамках соглашения кафедры стал представитель их круга. Первоначально на эту должность прочили В.Б. Антоновича, но тот отказался, ссылаясь на возраст и состояние здоровья. Вместо себя он порекомендовал своего ученика — Грушевского.

Кандидатуру Грушевского поддержал также лидер галицийских «народовцев» А. Барвинский, позже она получила одобрение австрийских властей. Министерство вероисповеданий и просвещения дало Грушевскому положительную характеристику, отмечая высокий уровень его научных работ. Его политические взгляды были охарактеризованы следующим образом: «Он принадлежит к младорусинским националистам, так называемого украинского политического направления, в то же время он не является сторонником ни панславистских, ни крайне нацио-

<sup>63</sup> Грушевский М.С. Автобиография. 1906 // Великий українець: матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського. Київ, 1992. С. 200.

<sup>64</sup> Грушевский М.С. Автобиография. С. 201.

налистический идей». В заключении отмечалось, что галицийские власти ожидают наилучших результатов от работы Грушевского<sup>65</sup>. 11 апреля 1894 г. император Франц Иосиф утвердил его в должности профессора Львовского университета.

В первые годы своего пребывания во Львове Грушевский был сосредоточен в основном на научной и преподавательской работе. Непосредственной задачей молодого профессора была подготовка курса университетских лекций, первую из которых он прочел 30 сентября 1894 г. Лекции 1894–1897 гг. легли затем в основу его многотомной «Истории Украины-Руси». Одновременно Грушевский активно работал в Научном обществе им. Шевченко (НТШ). Собственно, статус научного общества последнее получило незадолго до приезда Грушевского во Львов, и историк приложил немало усилий для того, чтобы поднять деятельность общества на высокий научный уровень. Согласно концепции Грушевского, общество должно было «стать центром научной работы на родном языке, объединить вокруг себя возможно более широкий круг научных работников, верных интересам народа, организовать научную работу и в этой организации вырастить новые научные кадры»<sup>66</sup>. Отсутствие национальной интеллигенции было одной из основных проблем украинского движения, причем не только в Галиции, но и во всей Украине. Именно на эту культурную «неполноценность» нередко ссылались их оппоненты, прежде всего галицийские поляки, отказывая украинцам в праве на самостоятельную культурную и политическую жизнь.

<sup>65</sup> *Винар Л.* Михайло Грушевський: історик і будівничий нації. Київ, 1994. С. 223.

<sup>66</sup> *Грушевський М.С.* Ілюстрована історія України. Київ, 1997. С. 491.

К работе общества Грушевский привлек Ивана Франко, чьи взгляды на развитие украинского движения были во многом близки взглядам самого Грушевского<sup>67</sup>. С начала 1890-х гг. Франко вернулся к научным занятиям во Львовском университете, затем закончил образование в Венском университете. В 1893 г. он защитил докторскую диссертацию и предполагал занять должность профессора в Львовском университете. В 1895 г., после удачной вступительной лекции Франко в Львовском университете, профессорский сенат избрал его на кафедру украинской и старорусской литературы, однако наместник К. Бадени не допустил утверждения Франко в профессорском звании из-за его радикальных взглядов. Конфликт с польским обществом Галиции практически лишил Франко средств к существованию. Работа в Научном обществе им. Шевченко во многом улучшила положение писателя.

Несмотря на значительные успехи украинского движения в период действия польско-украинского соглашения, само соглашение все же не принесло желаемых результатов. Прежде всего, не удалось существенно увеличить количество украинских гимназий и провести более демократический закон о выборах в Сейм и Рейхсрат. Иначе стали относиться к соглашению с «народовцами» и поляки, ожидания которых также не оправдались. По их мнению, удовлетворив часть своих требований, украинская сторона должна была отказаться от дальнейшей борьбы за национальные, образовательные, политические права. Когда же этого не произошло, польские консерваторы начали постепенный отход от политики «новой эры». Наместник К. Бадени уже в 1894 г. заявил о том, что польско-«русское»

<sup>67</sup> Prymak Th. Mykhailo Hrushevsky: The Politics of National Culture. Toronto, 1987. S. 43.

соглашение было лишь частной инициативой и правительство будет дальше проводить ту политику, какую сочтет нужной — с украинцами или же без них<sup>68</sup>.

Фактически с этого момента начался распад «Народной рады». На состоявшемся в мае 1894 г. съезде произошел раскол между группой сторонников продолжения политики соглашения, возглавляемой А. Барвинским и А. Вахняниным, и так называемыми «оппозиционными народолюбцами» во главе с Ю. Романчуком, которые считали политику соглашения исчерпавшей себя и настаивали на ее прекращении и заключении нового союза с русофилами. В феврале 1894 г. по инициативе ряда депутатов Сейма (Ю. Романчука, К. Телишевского, М. Короля) состоялся межпартийный съезд, в котором приняли участие представители народолюбцев, части радикалов и русофилов. На съезде Ю. Романчук выступил с инициативой принятия «Проекта общей основы для консолидации русинов в Галиции». Проект этот носил общий характер и содержал такие положения, как: признание национальной программы «Головной русской рады» 1848 г.; борьба за реализацию на практике конституционных прав; консолидация «всех русских сил» на народной основе для общей работы; стремление к полной национальной автономии, отрицание какого-либо внешнего влияния на его внутренние вопросы<sup>69</sup>. Несмотря на то, что эти тезисы носили столь общий характер, они вызвали среди участников съезда ожесточенную дискуссию. В результате эта попытка консолидации оказалась безуспешной.

<sup>68</sup> *Partacz Cz.* Ibid. S. 58.

<sup>69</sup> *Архуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині на середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 248.

Новое оживление интереса к идее консолидации было связано с началом избирательной кампании в Сейм в 1895 г., но итоги т. н. «бадениевских» выборов также были неутешительны для всех представителей «русского» лагеря<sup>70</sup>. Следующий, 1896, год был годом постепенного сближения позиций «оппозиционных «народовцев» и русофилов. Все чаще их издания поднимали вопрос о необходимости общего выступления, указывали на разъединение сил как на главную проблему русинов Галиции. Одновременно произошел окончательный раскол в среде «народовцев». В октябре 1896 г. А. Барвинский и А. Вахнянин организовали Католический русько-народный союз (КРНС). Поскольку основным препятствием к сближению русофилов и украинцев были именно пропольские симпатии А. Барвинского, то после раскола «Народной рады» процесс их консолидации стал развиваться активнее. Незадолго до начала избирательной кампании в Рейхсрат, 10 декабря 1896 г., созданное по инициативе митрополита С. Сембратовича, последовательного сторонника польско-русинского соглашения, собрание духовенства призвало представителей обоих направлений к началу совместной деятельности по подготовке к выборам, указывая на раскол в «русском» лагере как на основное зло для русинов Галиции. По инициативе собрания был создан «Руський краевой выборочный комитет», в состав которого вошли 90 человек, представители как украинского, так и русофильского направлений. Председателями комитета стали Ю. Романчук и Б. Дедицкий<sup>71</sup>. К консолидации присоединилась

<sup>70</sup> Аркуша О. Галицький сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 133–135.

<sup>71</sup> Съезд мужей доверия русско-народной партии. Львов, 1900. С. 3.

также Русько-украинская радикальная партия. Несмотря на то, что наместничество издало распоряжение о противодействии каким-либо беспорядкам во время выборов, и на этот раз, как и в 1895 г., не обошлось без инцидентов. В ходе избирательной кампании было зафиксировано 8 убитых, 29 раненых, 800 человек было арестовано. Отмечались и многочисленные случаи давления со стороны властей. Выборы, состоявшиеся 11–22 марта 1897 г., оказались неудачными для «руського» лагеря. Его представителями было получено всего 9 мандатов, причем большую их часть, 6, получили сторонники А. Барвинского<sup>72</sup>. Русофилы не получили ни одного.

Фактически русины окончательно утратили и без того незначительное политическое влияние как в Сейме, так и в Рейхсрате. Подобное положение вещей не могло устроить ни украинцев, ни русофилов. Для них стало очевидным, что старые, во многом еще «рутенские» принципы нуждаются в пересмотре. Прежние, достаточно аморфные, лишённые четкой программы и идеологии политические образования уже не отвечали вызовам времени. В развитии украинского и русофильского национальных движений начался новый этап. Перед ними встала дилемма: объединение перед лицом угрозы полонизации или же размежевание по политическим, национальным, социальным признакам и создание самостоятельных политических объединений. Процесс этот занял несколько лет и сопровождался острыми политическими коллизиями<sup>73</sup>.

---

<sup>72</sup> *Partac Cz.* Ibid. S. 66.

<sup>73</sup> *Архуша О.* Галицький сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 22–23.

## ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

**Н**овый этап в развитии национальных движений «руського» населения Австро-Венгрии, прежде всего Галиции, начался в 1898 г. К этому времени как среди украинцев, так и среди русофилов созрело понимание необходимости выхода этих движений на новый, политический, уровень развития. Первенство в этом процессе принадлежало украинским активистам, среди которых необходимо выделить М.С. Грушевского. После выборов 1895 и 1897 гг. и неудачи на них объединенного «Руського краевого избирательного комитета» Грушевский вплотную занялся политической деятельностью. До этого он был более известен как ученый и профессор Львовского университета, руководитель Научного общества им. Шевченко, редактор его многочисленных изданий. По мере того как деятельность Грушевского начинала приносить видимые плоды, рос и его авторитет в среде галицийских украинцев. Еще в 1894 г. один из лидеров радикальной партии, С. Данилевич, обратился к Грушевскому с предложением принять участие в переговорах представителей «народовцев» и радикалов. В тот момент Грушевский ответил отказом, не полностью еще освободившись

от влияния Барвинского и увлеченности идеей польско-русинского соглашения. Однако, пережив период достаточно тяжелых разочарований, прежде всего в идее полномасштабного сотрудничества российских украинофилов и галицийских «народовцев», Грушевский стал склоняться на сторону т. н. «оппозиционных народовцев», а также той части радикалов, которая заняла более выраженные националистические позиции<sup>1</sup>. Наконец, к 1898 г. Грушевский вплотную подошел к идее создания украинской политической партии, которая могла бы не только достойно представлять украинцев в центральных имперских и краевых представительных органах, но и быть своего рода политической школой для всего украинского движения как в Австро-Венгрии, так и в Российской империи.

1898 год неслучайно был назван «юбилейным». В этом году украинцы отмечали 100-летие выхода «Энеиды» Котляревского, 250-летие войны под руководством Богдана Хмельницкого, праздновалось также не только украинцами, но и русофилами 50-летие отмены крепостного права в Галиции. Празднества эти проходили с большим размахом, в обстановке национального подъема. Украинские активисты стремились использовать юбилейную ситуацию для того, чтобы вывести свое движение на новый уровень.

Одним из важнейших шагов в этом направлении стало создание нового общественно-политического журнала «Літературно-науковий вісник» (Литературно-научный вестник, ЛНВ). По инициативе М. Грушевского правление Научного общества им. Шевченко реорганизовало журнал для семейного чтения

---

<sup>1</sup> Кухар В.М. Грушевський і створення національно-демократичної партії // Михайло Грушевський і Західна Україна. Львів, 1995. С. 277–280.

«Зоря», печатавший материалы по культуре и литературе. Также ЛНВ поглотил издававшееся И. Франко «Життя і слово», малотиражный журнал радикального направления, основное внимание уделявший общественно-политическим вопросам. Объединение двух изданий должно было привести к появлению нового журнала «по типу европейского ревью»<sup>2</sup>, чьей основной задачей, по замыслу Грушевского, становилась интеграционная работа по созданию единого литературного украинского языка и формированию национального украинского сознания.

Занимавший кресло главного редактора Грушевский в первые годы особое значение придавал распространению журнала на украинских землях по обе стороны границы. Привлекая «возможно более широкие круги литературных сил Украины»<sup>3</sup>, он всячески стремился придать ему общеукраинский характер. Однако это стремление быстро натолкнулось на противодействие российских властей. В 1901 г. журнал был запрещен к распространению на территории Российской империи. Удар был тем более болезненным, что не только породил материальные трудности, лишив журнал значительного числа подписчиков, но и нанес политический ущерб, ослабив связи галичан с литературными и общественными кругами российской Украины. В результате, как отмечал Грушевский, связь двух частей Украины была нарушена<sup>4</sup>. Вновь ЛНВ стал доступен читателям в российских пределах лишь в 1906 г., после того как под влиянием револю-

---

<sup>2</sup> Грушевский М.С. Автобиография // Грушевский М.С. История украинского народа. М., 2002. С. 403.

<sup>3</sup> Грушевский М.С. Автобиография... С. 403.

<sup>4</sup> Грушевський М. До наших читачів в Росії // Літературно-науковий вісник. 1907. Т. 37. Кн. 1. С. 2.

ционных событий 1905 г. были изменены «Правила о печати». Одновременно новое издание столкнулось с рядом трудностей и в самой Галиции — апатией значительной части галицийских русинов, не преодолевших еще своего традиционного «рутенизма», неприятием радикальной направленности нового журнала<sup>5</sup>. Тем не менее с момента своего создания ЛНВ занял заметную нишу среди периодических изданий Галиции. Фактически он стал рупором той части украинских деятелей, которые стремились к модернизации всего украинского движения.

Усиление активности украинских националистов не могло пройти незаметно и для русофильского движения. Несмотря на то, что основная масса юбилейных торжеств проводилась украинцами совместно с русофилами, как, например, проведение на Высоком Замке во Львове Всенародного веча по поводу 50-летия отмены «панщины», среди русофилов росло понимание того, что разрыв между ними и украинцами вряд ли будет преодолен, прежней консолидации пришел конец и необходимо искать новые пути развития<sup>6</sup>. Именно это и стало причиной острой дискуссии между «народовцами» и русофилами, которая постепенно переместилась со страниц галицийской прессы на страницы прессы российской. На этот факт следует обратить особое внимание, поскольку обе стороны стремились вынести свой конфликт за рамки галицийского дискурса.

<sup>5</sup> Prymak Tb. Mykhailo Hrushevsky: The Politics of National Culture. Toronto, 1987. P. 50.

<sup>6</sup> Архуша О., Мудрий М. Русофільство в Галичині в середині XIX—на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 251.

Первым шагом в этом направлении стала публикация в газете «Санкт-Петербургские ведомости» статьи Д.Л. Мордовцева о положении украинского языка, в которой ситуация в австрийской Галиции противопоставлялась ситуации российской части Украины<sup>7</sup>. Ответом стала статья в «Новом времени», в которой подчеркивалось, что речь идет лишь о запрещении газет и журналов на малороссийском языке, что является культурной и государственной задачей российской политики, поскольку малорусский язык является орудием разъединения русского народа<sup>8</sup>. Эту тему продолжила в «Санкт-Петербургских ведомостях» статья «русского галичанина» В. Драгомирецкого «О малорусском языке в Галиции», написанная как ответ на статью Мордовцева<sup>9</sup>. Подчеркивая, что вопрос о малорусском языке стал чрезвычайно актуален в последнее время и «сделался предметом горячих споров в разных столичных и провинциальных органах печати», Драгомирецкий твердо встал на русофильские позиции. Его точка зрения состояла в том, что не «язычие» русофилов, бывшее необходимым компромиссом между существующими в регионе говорами, а именно украинский язык являлся искусственным образованием. Характерно, что автор проводит различия между собственно малорусским, «народным» языком и «искусственно созданным» украинским. Такая точка зрения была свойственна не только русофилам, всегда подчеркивавшим свое родство с малорусским племенем, частью единого русского мира, но и многим представителям российской общественности. В конце статьи Драгомирецкий приходит к выводу,

---

<sup>7</sup> Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 5 (17) февраля.

<sup>8</sup> Новое время. 1898. 20 марта (2 апреля).

<sup>9</sup> Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 14 (26) апреля.

что «в Галиции можно и нужно поддерживать один только общерусский литературный язык, который распространяется там больше и больше и который при нынешних роковых условиях русского Прикарпатья единственно может сохранить его для мира»<sup>10</sup>.

«Санкт-Петербургские ведомости», стоявшие на либеральных позициях, постарались продолжить дискуссию и предоставить трибуну и представителям противоположного лагеря. Дискуссия была продолжена статьей украинского деятеля, сотрудника редакции «ЛНВ» О. Маковея, представившегося как «малорусский публицист из Галиции»<sup>11</sup>. Примечательно, что не только себя автор назвал «малороссом», но вообще избегал таких понятий, как «украинский», «Украина», предпочитая определения, более привычные российскому читателю. Несмотря на этот компромисс, статья носила резкий полемический характер, что отметила и редакция «Санкт-Петербургских ведомостей», предварив публикацию кратким введением, в котором было отмечено, что это «чрезвычайно характерное письмо одного видного галицкого публициста во всей его откровенной форме»<sup>12</sup> позволит избежать тех иллюзий о положении дел в Галиции, которые легко могут возникнуть при ознакомлении с точкой зрения представителей только одного общественно-политического направления. Очевидно, в редакции осознавали во многом провокационный характер статьи Маковея и не желали обвинений в излишних симпатиях к украинофилам.

Начиная свою статью с защиты украинского (в статье — малорусского) языка, Маковей быстро пере-

---

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 5 (17) мая.

<sup>12</sup> Там же.

шел к основной своей задаче — размежеванию с русофильским движением. Российский читатель должен был убедиться в том, что не только не существует единого течения в среде галичан, но, напротив, украинское и русофильское движения уже давно идут в разных направлениях, причем прогрессивный, народный характер имело с самого начала своего существования именно украинское движение.

С точки зрения Маковея, русофильство обязано своим появлением незрелости «руського» общества в 1848 г., когда русины впервые вышли на политическую арену Габсбургской монархии: интеллигенция, «еще не пришедшая к ясному национальному самосознанию, слишком ленивая для того, чтобы позаботиться о самостоятельном национальном существовании, — да притом, поддавшись разным внешним влияниям, — ухватилась за идею готового русского языка как за спасительный якорь». Знаменитое выступление И. Наумовича 1866 г. в газете «Слово» Маковей посчитал проявлением именно этого привычного «рабства» русинов. По его мнению, «галицкие великороссы» полностью скомпрометировали себя и в самой Галиции, и за ее пределами, их политическая деятельность пришла в упадок, а попытки «столкнуть галичан с национального пути» обречены на поражение. Что же касается вопроса о развитии в Галиции национального языка, то попытки «галицких великороссов» утвердить в этом качестве русский (великорусский) язык обречены на неудачу и опасны для всего национального развития «руського» населения Австро-Венгрии: «Если бы галицкие малороссы не противопоставляли бы польскому языку малорусский», то «увеличили бы только польский мир, а не русский»<sup>13</sup>. В конце автор сделал следующий вывод:

---

<sup>13</sup> Там же.

«обрусительная работа в Галиции — на руку полякам, в Буковине — румынам, в Угорщине — мадьярам»<sup>14</sup>.

Статья Маковея вызвала резкую ответную реакцию в лагере русофилов. Один из идеологов русофильского движения, редактор «Русской беседы» О. Мончаловский ответил Маковею обширной статьей в ведущем русофильском органе «Галичанин», а затем переиздал ее в качестве отдельной брошюры под названием «Литературное и политическое украинофильство»<sup>15</sup>. По сути, это была не только реакция на недавнюю дискуссию в российской прессе, но и программное заявление русофилов. Как видно из названия работы, Мончаловский четко разграничил культурное, литературное украинское движение, в котором видел важный элемент развития национального самосознания, и движение чисто политическое, преследующее узкие партийные интересы. Мончаловский, как и многие русофилы, осознавал себя представителем «галицкой части малорусского племени, которое в свою очередь есть составная часть единого великорусского народа»<sup>16</sup>. Поэтому культурные инициативы украинцев не вызывали у русофилов, в частности у Мончаловского, открытой негативной реакции. Напротив, когда «с течением времени чистое литературное украинофильство выродилось в национально-политическое сектантство»<sup>17</sup>, это и привело его к постепенной деградации. Результатом этого стало дробление некогда единого украинского дви-

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Мончаловский О. Литературное и политическое украинофильство. Львов, 1898.

<sup>16</sup> Архуша О., Мудрий М. Русофілство в Галичині... С. 259.

<sup>17</sup> Мончаловский О. Литературное и политическое украинофильство. С. 24.

жения на ряд все более мелких партийных групп. По мнению Мончаловского, «украинофильство... как всякое тенденциозное произведение, уже в самой основе своей несет ложь и элементы разложения, вследствие чего его последователи перескакивают от одной программы к другой и, не могучи ни при одной из них остаться, распадаются на фракции и группы»<sup>18</sup>.

Мончаловский видел в украинском движении два основных порока, которые и ведут все движение к упадку. Во-первых, это принципиальный отказ от признания концепции общерусского единства; во-вторых, стремление к политизации своей деятельности и созданию узких партийных групп. Именно увлечение партийными интересами, с точки зрения Мончаловского, ослабило влияние украинских активистов в народе и заставило искать союза с краевым и венским правительствами. Мончаловский подверг жесткой критике и «ЛНВ», который, по его мнению, являл собой как раз пример литературного вырождения украинского движения.

В качестве альтернативы Мончаловский выдвинул идею развития национального самосознания галицийских русинов, основанную на идее постепенной интеграции самобытной «галицкой» (т. е. «русской») культуры и культуры общерусской, к которой, повторим, он относил и культуру малороссийскую. Задачу «русской партии в русских землях» Мончаловский видел в том, чтобы «защитить русское население перед тлетворным влиянием полонизма и латинства и убийственным для национальности и веры западного социализма... и путем просвещения самой себя и народа в духе и направлении, указанном историею, развивать наши национальные силы»<sup>19</sup>.

---

<sup>18</sup> Там же. С. 181.

<sup>19</sup> Там же. С. 183.

Работа Мончаловского с самого начала была задумана как своего рода манифест тех представителей русофильского движения, которые, как и украинские активисты, понимали необходимость выработки новой, более современной идеологической программы, которая помогла бы движению выйти из того кризиса, в котором оно оказалось в конце 1890-х гг. Программный характер выступления Мончаловского увидели и украинцы. Почти сразу же после его публикации в «ЛНВ» появилась статья того же О. Маковей<sup>20</sup>, в которой он яростно возражал и Мончаловскому, и другому видному русофилу Ф. Свистуну, чья работа «Прикарпатская Русь под владением Австрии»<sup>21</sup> вышла незадолго до работы Мончаловского. Обвиняя русофилов в том, что они пишут «бесцеремонно, без источников, без метода, заботясь не о правде, а о своих узкопартийных интересах», Маковей доказывал, что «москвофильская партия не прогрессивная, а ретроградная». При этом он вновь подчеркивал, что ни Мончаловский, ни его единомышленники не знают ни русского языка, ни русской культуры, ни, наконец, жизни вообще, и, говоря о приверженности общерусским идеалам, они лишь идеализируют русский царизм и деспотизм. В пример Маковей привел широко известные слова М. Драгоманова в ответ на инициативу того же Мончаловского издавать «Русскую беседу» на русском языке, когда Драгоманов заявил, что «москвофилы по сей день остались такими же рутенцами, как их отцы и деды». Маковей подчеркивал, что «рутенизм»

<sup>20</sup> Маковей О. З життя і письменства. (Слово і діло галицьких москвофілів) // ЛНВ. 1899. Т. 5. Кн. 2. С. 162–175.

<sup>21</sup> Свистун Ф. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов, 1895–1896.

органически присущ русофильству и именно он и ведет к упадку и вырождению всего движения.

Статья Маковея была составной частью целой кампании, развернувшейся на страницах «ЛНВ» и направленной против русофилов. Это было тем более важно для украинских активистов, что «ЛНВ» в тот период распространялся и на территории Российской империи и, таким образом, из чисто галицийской дискуссии полемика с русофилами становилась важным элементом общеукраинского дискурса. Именно поэтому «ЛНВ» опубликовал ряд статей, направленных против русофильского движения, причем не только галицийского, но и действовавшего в Буковине и Угорской Руси. По мнению И. Петрункевича, ссылавшегося на авторитет того же Драгоманова, «в Угорщине москвофильство — нечто совершенно естественное, оно тем честнее, что рубли сюда доходят еще меньше, чем до Галиции, где в последнее время играют ведущую роль, хотя и не столь большую, как думает польско-австрийская полиция»<sup>22</sup>. Далее автор повторяет мысль о том, что «москвофильский национализм тяготеет не к народу, а к государству». Кроме того, по его мнению, успехи русофильской идеи в Угорской Руси связаны с тем, что никто не познакомил угрорусов с украинским движением и литературой, тогда как про русскую им говорят и немцы, и мадьяры»<sup>23</sup>.

Таким образом, украинские идеологи практически полностью порвали с русофильским движением, объясняя само его существование незрелостью национального самосознания «русского» населения Австро-Венгрии. Обвинив русофилов в неверии в нацио-

<sup>22</sup> Петрункевич И. Врaжiння з Угорської Руси // ЛНВ. 1899. Т. 2. № 2. С. 52–63.

<sup>23</sup> Там же.

нальные силы народа, крайнем консерватизме, непонимании народных нужд, чрезмерной лояльности по отношению к Габсбургам и одновременной идеализации царизма, украинцы обосновывали свой разрыв с ними глобальным расхождением в понимании задач национального движения.

Их оппоненты, особенно представители т. н. «молодых» русофилов, остро ощущавших кризис в своем движении и также искавших пути модернизации своей идеологии, также практически отказались от попыток консолидации с украинцами. С их точки зрения политизация украинского движения, его контакты с представителями венской и краевой администрации, а также радикальные, даже социалистические элементы украинской программы были несовместимы с традициями «руського» национального движения. Почва для окончательного разрыва была подготовлена.

Следующим этапом в развитии национальных движений Галиции стало создание новых самостоятельных политических партий — Украинской национально-демократической партии (УНДП) и Русско-народной партии. Первый шаг в этом направлении был сделан украинцами. После фактического распада Народной рады, образования Католического русько-народного союза несогласные с позицией А. Барвинского «народовцы» стремились к созданию новой партии на основе широкой консолидации украинских политических групп. Выше уже отмечалось, что первоначально «народовцы» не отрицали также и возможности консолидации с русофилами, однако в дальнейшем от этой перспективы отказались.

Изменения произошли и в среде галицийских радикалов. Еще в 1896 г. из РУРП выделилась социал-демократическая фракция, позднее, в 1899 г., оформившаяся в Украинскую социал-демократическую пар-

тию под руководством М. Павлыка. В 1899 г. от РУРП откололось правое, националистическое крыло во главе с В. Охримовичем и Е. Левицким<sup>24</sup>. Таким образом, создались благоприятные условия для создания новой политической партии, стоявшей на принципах украинского национализма.

26 декабря 1899 г. в большом зале Народного дома во Львове состоялся съезд «оппозиционных народовцев», части радикалов и части сторонников А. Барвинского. Собрание открыл лидер «народовцев» Ю. Романчук, заявивший о том, что назрела необходимость организации новой политической партии, которая объединила бы большую часть украинских политических сил. После длительной дискуссии съезд принял решение о создании Украинской национально-демократической партии. В состав Народного комитета (исполкома партии) вошли Ю. Романчук (председатель), О. Борковский (заместитель председателя) и 11 членов — в том числе М. Грушевский, И. Франко, Е. Левицкий, К. Левицкий, В. Охримович, Д. Савчук. Организационное собрание стало одновременно и первым съездом партии.

Съезд принял политическую декларацию — «Народную (национальную) программу», в которой декларировались основные политические принципы новой партии. В первой части программы позиционировались основные стратегические задачи новой партии и всего украинского движения в Австро-Венгрии: «Мы, галицийские русины, часть украинско-руського народа, имевшего некогда свое самостоятельное государство, веками боровшегося за свои политические и государственные права, который не отрекся и не отречется от прав независимого

---

<sup>24</sup> *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908.* Toruń, 1996. S. 79.

народа, заявляем, что конечной целью нашей борьбы является достижение всем украинско-русским народом культурной, экономической и политической самостоятельности и объединение со временем в единый национальный организм»<sup>25</sup>.

Далее в программе говорилось о тех задачах, которые стоят перед украинским движением в Австро-Венгрии: «В границах Австрии, в политических вопросах мы требуем того, чтобы в австрийском государстве территории, заселенные русинами, составили бы одну провинцию с как можно более широкой законодательной и административной автономией. Тем самым требуем отмены современных краевых статуты для Галиции и Буковины, раздела Галиции на две части, руськую и польскую, так же как и разделения Буковины на руськую и румынскую части, создания из руських частей Галиции и Буковины единой национальной провинции с отдельной администрацией и сеймом»<sup>26</sup>.

Важным элементом политики новой партии должно было стать взаимодействие с представителями российской Украины. Основным вдохновителем этой идеи был М. Грушевский. Основной глобальной задачей новой партии он считал не борьбу за политические интересы австрийских украинцев, а объединение национальных сил по обе стороны русско-австрийской границы. Уже с первых дней работы над созданием новой партии он пытался заручиться поддержкой надднепрянских украинцев. Грушевский и его единомышленники предприняли несколько поездок в Киев с просьбой об оказании идейной и материальной по-

---

<sup>25</sup> Програма Національно-демократичного стронніцтва // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Київ, 1997. Ч. 1. С. 326–327.

<sup>26</sup> Там же. С. 326–327.

мощи галичанам<sup>27</sup>. В дальнейшем эти контакты не получили того развития, о котором мечтал Грушевский, однако в «Народной программе» была особо подчеркнута необходимость консолидации украинских национальных сил в России и Австро-Венгрии: «Будем поддерживать, развивать и усиливать чувство национального единства с российскими украинцами, будем стремиться к достижению вместе с ними культурного единства; будем поддерживать... те силы, которые стремятся к преобразованию российского государства из абсолютистского и централистского в конституционно-федеративное»<sup>28</sup>. В «Народной программе» содержались и другие требования: реформа избирательного права, выкуп земли у помещиков и передача в руки малоземельных и безземельных крестьян, налоговая реформа, сокращение сроков военной службы, изучение в школах украинского языка, создание украинского университета во Львове.

Особое внимание следует обратить на ту часть программы, которая затрагивала проблему соотношения украинского движения в Галиции и других частях Габсбургской монархии. Как отмечалось выше, одним из основных требований УНДП было создание отдельной провинции, в состав которой вошли бы Буковина и «русская» часть Галиции. В этих частях украинское движение было уже достаточно развито. В то же время оставался открытым вопрос о его объединении. В Буковине гораздо слабее были развиты

<sup>27</sup> Кухар В. Грушевський і створення національно-демократичної партії // Михайло Грушевський і Західна Україна. Львів, 1995. С. 277–280.

<sup>28</sup> Програма Національно-демократичного стронництва... С. 326–327; Буковина. Историчний нарис. Чернівці, 1998. С. 175.

политические объединения русинов вообще и украинцев в частности. Существовавшая с 1880-х гг. буковинская Руськая рада во главе с С. Смаль-Стоцким, попытавшись придать ей характер политической партии, действовала нерегулярно и по характеру своему была ближе таким политическим объединениям, как Народная рада или Рада руськая во Львове<sup>29</sup>. При этом, как отмечает украинский исследователь О. Добржанский, для буковинских украинцев идея борьбы за государственную независимость Украины, которая начала с конца 1890-х гг. обосновываться их галицийскими единомышленниками, не имела привлекательности. Более того, они не стремились и к преобразованиям внутри самой провинции. Все это осложняло процесс объединения<sup>30</sup>.

Тем не менее вопрос о консолидации украинского движения в австрийской части монархии не раз оказывался в центре внимания как галичан, так и буковинцев. В августе 1903 г. состоялась встреча депутатов австрийского парламента от Галиции и Буковины. Итогом этой встречи стало принятие резолюции, в которой были сформулированы основные требования украинцев к правительству Австро-Венгрии — реформа избирательного права во все органы власти, расширение автономии народов, поддержка правительством культурного и экономического развития «руського» народа в Австрии<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Там же. С. 177.

<sup>30</sup> *Добржанский А.В.* «Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии конца XIX — начала XX вв. // *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика.* М., 1997. С. 75–84.

<sup>31</sup> *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 380.

5 января 1900 г. УНДП выпустила обращение к украинскому народу, которое разъясняло основную задачу новой партии, принципы ее работы. В обращении говорилось, что «идеалом нашим должна стать независимая Русь-Украина, в которой все части нашей нации объединились бы в одно современное культурное государство... в современных условиях в границах австрийского государства задача добиваться создания отдельной национальной провинции с самостоятельной администрацией и Сеймом»<sup>32</sup>.

Партия декларировала решение о ведении самостоятельной политики в Рейхсрате, одновременно отказываясь от возможного соглашения с поляками до тех пор, пока существует преобладание последних в краевых органах власти. Было решено бороться со всеми польскими партиями, которые противодействуют украинским стремлениям. Осуждались всякие проявления расизма и антисемитизма, в то же время решено было бороться с евреями, которые «эксплуатируют» украинский народ или поддерживают его национальных или социальных противников. Партия также заявляла о невозможности консолидации как со сторонниками А. Барвинского, так и с русофилами.

Отметим, что в программе и других документах новой партии наряду с привычными терминами «русин», «руський», официально принятыми в Габсбургской монархии, активно использовался термин «украинско-руський». По свидетельству одного из украинских активистов, К. Левицкого, на собрании инициативной группы украинских активистов в Народном доме в ходе торжеств 1898 г. было принято решение о повсеместном использовании вместо старых названий «Русь», «русин», «руський» новых — «Украина-Русь»,

---

<sup>32</sup> Там же. С. 331.

«украинско-русский» в качестве переходной формы к «Украина», «украинский». Необходимость такой реформы объяснялась неготовностью общественности сразу принять новые термины применительно именно к Галиции<sup>33</sup>. При этом подобную неготовность проявляли нередко и сами украинцы. Например, один из активистов УНДП, В. Будзиновский, в брошюре, посвященной событиям 1902 г., постоянно пользовался такими привычными терминами, как «русский» и «русин», термин же «украинский» относил именно к активистам политической партии — УНДП<sup>34</sup>.

Практически сразу же новая партия стала ведущей силой в украинском политическом лагере. Конкуренцию ей не могли составить ни ослабленная расколом РУРП, ни малочисленные сторонники А. Барвинского. Одной из сильных сторон УНДП была развитая система организаций на местах. В течение полугода партия сумела создать 21 местное отделение в избирательных округах Восточной Галиции. При такой организации партийная агитация охватывала практически все слои «русского» населения<sup>35</sup>. Именно столь развитая организация и помогла новой партии с самого начала играть заметную роль в политической жизни провинции. Главными своими задачами украинцы считали борьбу за избирательную реформу, развитие национальной высшей школы, удовлетворение крестьянских требований.

Первым на повестке дня встал университетский вопрос. Борьба за украинский университет во Львове имела длительную историю. Изначально Львовский университет был создан для удовлетворения культур-

<sup>33</sup> Там же. С. 310.

<sup>34</sup> Будзиновський В. Руський страйк в 1902 році. Львів, 1902.

<sup>35</sup> Левицький К. Указ. соч. С. 337.

ных нужд русинов. Но по причине нехватки русинских профессоров, полонизированности интеллигенции, постоянного усиления позиций поляков в Галиции эти намерения не были реализованы. Львовский университет стал польским. После событий 1848 г., когда русины доказали свою лояльность по отношению к Габсбургам, Вена предполагала сделать университет двуязычным. Но противостоять польскому засилью оказалось невозможно. Постепенно сужалась сфера применения украинского языка даже профессорами, а подчеркивание польского характера университета повторялось все чаще. Украинцы, в свою очередь, требовали расширения сферы применения украинского языка во Львовском университете. Создание ряда кафедр с преподаванием на «русинском», т. е. фактически на украинском, языке в рамках «соглашения Бадени — Романчука» проблемы не решило. Напротив, требования украинской стороны о расширении преподавания на украинском языке стали еще настойчивей.

Важную роль в движении студентов сыграла позиция Грушевского. Его влиянию на украинских профессоров и студентов следует приписать и активизацию борьбы за создание университета, и усиление антипольской направленности этой борьбы. Грушевского вообще нередко упрекали в ненависти ко всему польскому, однако сам он утверждал, что «как киевлянин по происхождению и воспитанию, силою обстоятельств перенесенный в центр галицких польско-русских отношений, я считал своим долгом посильно содействовать выяснению польско-украинских отношений Галиции»<sup>36</sup>. Высказывая свое мнение о сущности польско-русинского спора, Грушевский

---

<sup>36</sup> Грушевский М. Из польско-украинских отношений в Галиции. СПб., 1907. С. 212.

писал, что «русины домогаются, чтобы с ними считались как с национальностью, наравне с польскою, и дали им то место в Восточной Галиции, какое поляки занимают на своей этнографической территории Галиции. Поляки поддерживают принцип неравноценности национальностей и ссылаются на свое культурное и экономическое превосходство. Следовательно, сторонники украинского движения должны прежде всего доказать свою состоятельность, доказать, что украинский народ способен к ведению самостоятельной политической жизни»<sup>37</sup>.

Одним из важнейших элементов развития и укрепления национального самосознания украинцев в Галиции, а следовательно, в перспективе и на всей Украине, Грушевский считал развитие высшего образования на украинском языке. В условиях Галиции практическая реализация этой идеи означала расширение преподавания на украинском языке во Львовском университете или же создание отдельного украинского университета. Грушевскому удалось поднять университетский вопрос на новую высоту. Пропагандируя идеи украинского университета, в своих публицистических работах он освещал историю вопроса, особенно подчеркивая, что проблема эта возникла уже достаточно давно и имеет свою историю: «Такой характер университетских отношений (признание исключительно польского характера университета) начал возбуждать в украинских (русинских) кругах Галиции все более решительное неудовольствие с подъемом национальной жизни, с ростом интеллигенции... начинающимися особенно с 1890-х гг.»<sup>38</sup>. Отвергая утверждения своих польских оппонентов о том, что

---

<sup>37</sup> Там же. С. 221.

<sup>38</sup> Там же. С. 221.

украинцы еще не готовы к созданию национального университета, что у них нет подготовленных научных кадров, наконец, что необходимости в создании такого университета просто нет, он отвечал, что уже на протяжении долгого времени «потребность в украинских курсах чувствовалась все живее и сознавалась потребность их создания». Грушевский подчеркивал, что ведется заметная научная работа в НТШ, что говорить об отсутствии научных кадров уже невозможно. Он обвинял университетское начальство в открытом противодействии украинским ученым как из Галиции, так и из России, стремящимся преподавать во Львовском университете.

Профессор не только поддерживал выступления украинских студентов во Львовском университете, но и во многом был их инициатором. Фактически именно конфликт Грушевского с университетской коллегией в июле 1901 г. стал причиной последующих волнений. На заседании Совета университета Грушевский вопреки принятым правилам говорил не по-польски, а по-украински, аргументируя это тем, что недостаточно знает польский язык. В ответ на замечание декана философского факультета о том, что в таком случае следовало бы попросить кого-либо из профессоров о переводе, Грушевский демонстративно покинул заседание<sup>39</sup>.

Демонстрация Грушевского послужила толчком к началу активной конфронтации. В октябре 1901 г. студенты-украинцы провели ряд демонстраций с требованием создать отдельный украинский университет. Одновременно украинские депутаты Рейхсрата подготовили и внесли в парламент ряд запросов и предложений, касающихся университетского вопроса<sup>40</sup>. В ответ

---

<sup>39</sup> *Partacz Cz.* Ibid. S. 128.

<sup>40</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 335.

студенты-поляки также провели несколько собраний, на которых протестовали против удовлетворения украинских требований. Периодически происходили стычки между польскими и украинскими студентами, иногда доходившие до кровопролития. Наконец, в ноябре 1901 г. большая группа студентов-украинцев (около 600 человек) покинула Львовский университет, позднее поступив в другие университеты Австро-Венгрии.

В целом украинской стороне не удалось продвигаться в решении университетского вопроса. Были сделаны лишь незначительные уступки со стороны университетских властей, такие как некоторое расширение прав украинского языка. В то же время события 1901 г. стали важной вехой в развитии украинского движения в Галиции<sup>41</sup>. Украинские активисты впервые смогли провести столь масштабные манифестации, опираясь только на свои силы, одновременно украинские депутаты Рейхсрата сделали университетский вопрос предметом обсуждения на высшем имперском уровне. С этого времени борьба за украинский университет стала одним из постоянных элементов украинской политики в Австро-Венгрии, ее альфой и омегой, по словам одного из ведущих украинских политиков К. Левицкого<sup>42</sup>. На протяжении нескольких лет продолжались выступления украинских студентов, парламентские выступления украинцев в Вене, кампании в прессе и т. п.

Наряду с созданием украинского университета одной из наиболее острых проблем в Галиции был аграрный вопрос. Положение крестьянства в регионе было

---

<sup>41</sup> Качмар В. Суспільно-політичне відлуння сецесії українських студентів з Львівського університету в грудні 1901 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 289–299.

<sup>42</sup> Левицький К. Указ. соч. С. 366.

достаточно тяжелым. Нехватка пахотных земель, упадок крестьянского благосостояния были постоянными факторами экономической жизни Галиции. Наследием крепостничества, «панщины» оставалось и крайне обременительное для крестьян сохранение лесных угодий, пастбищ, водопоев в руках землевладельцев, которые вынуждали крестьян платить значительные суммы за пользование ими. Постоянная нужда заставляла крестьян наниматься на работу в помещичьи хозяйства в период страды, после которой нередкими были конфликты, связанные с оплатой. Все это было причиной массовой эмиграции галицийских крестьян, прежде всего в Канаду, также нередкими были крестьянские волнения. В Восточной Галиции подобные конфликты приобретали особую остроту, что было вызвано национальным противостоянием «русских» крестьян и помещиков-поляков<sup>43</sup>.

Украинские политики были активными участниками борьбы за права крестьянского населения. Первоначально идейным лидером в этой борьбе была Русько-украинская радикальная партия. Радикалы, основной частью программы которых была борьба за права «русского» крестьянства, неоднократно призывали к организованным выступлениям. К тому же призывали и украинские социалисты. С созданием УНДП и переходом в нее значительной части радикалов аграрные требования стали важной составляющей программы новой партии. Огромное значение активисты УНДП придавали тому, чтобы сделать крестьянские выступления элементом национальной борьбы, таким же, как и борьба за университет<sup>44</sup>.

---

<sup>43</sup> *Bujek Fr.* Galicja, kraj, ludność, społeczeństwo, rolnictwo. Lwów, 1908. T. 2. S. 84.

<sup>44</sup> *Будзиновський В.* Указ. соч. С. 8.

Годом наибольшего подъема крестьянского движения в Галиции стал 1902-й. Волнения, начавшиеся летом, за короткий срок охватили значительные территории. Крестьяне требовали прежде всего увеличения оплаты наемного труда, доступа к пастбищам, лесам. Крестьянские выступления продолжались все лето и закончились лишь с началом осени. Один из «народовцев», В. Будзиновский, активный пропагандист идеи аграрной борьбы, отмечал характерные черты этой акции. Во-первых, особый размах аграрное движение получило именно в тех селах, где проживало «сознательно украинское», как называл его украинский публицист, население; там же, где господствовали русофильские настроения, выступлений практически не было. При этом крестьянские волнения поддерживали не только беднейшие крестьяне, но и зажиточные, те, кто обладал развитым национальным сознанием, основывал читальни, был активным участником избирательных кампаний. Во-вторых, неудачей окончилось большинство попыток помещиков воспользоваться услугами штрейкбрехеров, мазуров или гуцулов. Узнав о забастовке местных крестьян, они часто отказывались от работы, исполняли ее намеренно плохо или же требовали непомерно высокой оплаты труда. Будзиновский отмечал, что, несмотря на активное участие представителей УНДП в подготовке и проведении выступлений, роль интеллигенции все же была не слишком активной, что свидетельствовало о недостаточно высоком уровне национального самосознания. Тем не менее «забастовка стала национальным делом»<sup>45</sup>.

После фактического окончания забастовочного движения осенью 1902 г. украинские депутаты Рейхсрата внесли несколько запросов относительно при-

---

<sup>45</sup> Там же.

чин забастовочного движения, а также о злоупотреблениях местных властей при наведении порядка. Этими мерами они стремились привлечь внимание центральных властей в Вене к положению в провинции. Напротив, польская сторона всячески стремилась доказать, что это внутреннее дело провинции, венские администраторы не должны иметь к нему никакого отношения. Это дало возможность «народовцам» вновь поднять вопрос о разделе Галиции на две части — польскую и «русскую»<sup>46</sup>. Такая постановка вопроса была явно гипотетической, однако она позволила перевести проблему из области в большей степени социальной в область национальных отношений. Народный комитет УНДП, собравшийся в конце сентября 1902 г., признал опыт крестьянских выступлений успешным, способствующим дальнейшему росту национального самосознания среди «русского» крестьянства и населения Галиции в целом<sup>47</sup>.

Борьба за университет и крестьянское движение 1902 г. имели огромное значение для украинского движения. Народные выступления позволили ему выйти на новый уровень развития и стать массовым движением, объединившим вокруг национальной идеи интеллигенцию и народ. Но, несмотря на успехи УНДП, уже через несколько месяцев после ее создания наметился первый внутрипартийный кризис. Его зачинщиком стал М. Грушевский. Из-за разногласий с товарищами по партии, прежде всего по вопросам тактики, а также вследствие личных конфликтов, профессор вышел из Народного комитета. По его словам, он «убедился, что реформа не увела народовцев от их старых черт», под которыми Грушевский подразумевал консерватизм,

---

<sup>46</sup> *Partacz Cz.* Op. cit. S. 118.

<sup>47</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 371.

склонность к компромиссу с польскими правящими кругами и с австрийскими властями, а также излишнюю «мелочность», то есть сосредоточенность только на сугубо галицийских вопросах в ущерб общеукраинской идее. В своей «Автобиографии» Грушевский писал, что «не раз выступал против их политики, будучи вместе с доктором Франком представителем более левого направления, которое занял основанный в 1898 г. журнал “Литературно-научный вестник”»<sup>48</sup>. Одновременно из партии вышел и И. Франко, которого не устраивало преобладание явно националистических идей в концепции новой партии в ущерб идеям радикально-демократическим. Национально-демократическая партия, тем не менее, сохранила свое положение наиболее динамично развивающейся политической силы украинского направления.

Одновременно с развитием новых аспектов национальной деятельности сохраняли свою актуальность и уже традиционные для галицийских украинцев направления — культурно-просветительская деятельность и формирование общественного мнения. Значение культурно-просветительской деятельности хорошо понималось украинскими активистами. Воспитание сознательного украинского общества взамен той аморфной «рутенской» массы, которая существовала в австрийской Украине на рубеже XIX–XX вв., было возможно только при широком распространении национальной культуры. На первом месте в ряду культурно-просветительских обществ находилась «Просвіта», общество, созданное для «изучения и просвещения народа»<sup>49</sup> в 1868 г. Особое место в его работе занимали читальни, которые постепенно становились

---

<sup>48</sup> Грушевский М.С. Автобиография... С. 402.

<sup>49</sup> Левицкий К. Указ. соч. С. 98.

центрами культурной и экономической жизни на селе. Читальни были самостоятельными организациями, наделенными широкими полномочиями, причем не только в сфере просвещения, но и в экономической сфере<sup>50</sup>. Все это не только позволило поднять на достаточно высокий уровень культурную работу на местах, но и способствовало распространению на селе украинской идеи. Не случайно В. Будзиновский указывал на прямую связь между активностью крестьян в том или ином повете в период волнений 1902 г. и наличием в этом повете читален «Просвіты».

Значительную научную работу вело Научное общество имени Шевченко (НТШ). Во многом энергичному руководству Грушевского деятельность Общества была обязана ее высокой оценкой учеными как внутри Австро-Венгрии, так и за ее пределами. Большое значение имела и издательская деятельность НТШ. Прежде всего следует отметить его «Записки», ставшие с 1896 г. изданием по преимуществу историко-филологическим. Помимо «Записок НТШ», в типографии Общества печатались такие издания, как «Руська історична бібліотека», «Жерела до історії України-Руси» («Источники по истории Украины-Руси») под редакцией Грушевского, «Російсько-український словар» под редакцией М. Уманца, «Етнографічний збірник» под редакцией Ф. Вовка и многие другие. Кроме периодических изданий, выходили также работы как галицийских, так и зарубежных, прежде всего российских, исследователей.

Особое место в развитии украинской идеи в Галиции в первые годы XX века занимала периодическая

<sup>50</sup> *Вушко И.* Функціонування читалень «Просвіти» // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2001. Вип. 9. С. 404–410.

печать. Здесь, несомненно, особое место принадлежало газете «Діло». С момента своего создания в 1880 г. она была одним из самых активных и влиятельных украинских изданий. Официально не являясь партийным органом, «Діло» всегда выражало точку зрения сначала «Народной рады», а затем Национально-демократической партии. Именно эта подчеркнутая партийная позиция газеты вызывала недовольство тех украинских активистов, прежде всего М. Грушевского и И. Франко, которые стремились вывести украинское движение за узкопартийные рамки и сделать его движением общенациональным. Результатом этого противостояния и стало появление «ЛНВ», с самого начала своего существования стремившегося стать общеукраинским, а не сугубо галицийским изданием. Помимо «Діла» и «ЛНВ», во Львове выходили такие украинские периодические издания, как «Хлібороб», «Молода Україна» (органы РУРП), «Руслан», издаваемый А. Барвинским, и др.

Возникновение и деятельность УНДП не только оказались значимыми для развития украинского движения как в Галиции, так и за ее пределами, но и существенно повлияли на судьбу русофильского движения. В среде русофилов обозначилось явное расхождение между так называемыми «старорусинами» и новой генерацией деятелей русофильского движения, занявших более выраженные пророссийские позиции<sup>51</sup>. Первым шагом к их размежеванию стало создание новой Русско-народной партии. 3 января 1900 г. политический совет «Руськой рады» выступил с официальным заявлением, в котором констатировал прекращение официального существования Руського краевого избирательного комитета по ини-

<sup>51</sup> Аркуша О., Мудрий М. Русофілство в Галичині... С. 251.

циативе украинской стороны<sup>52</sup>. При этом «Руськая рада» заявляла, что, со своей стороны, она считает такое заявление поспешным, невыгодным ни одному из участников объединения, более того, могущим только ослабить и без того незначительное политическое влияние русского населения края. Примечательно, что в заявлении говорится именно о русском, а не «руськом», как ранее, народе, и далее эти термины нередко употребляются одновременно. Это свидетельствует о том, что русофилы, как и украинцы, готовы были отказаться от аморфного «рутенского» самосознания и перейти на более ярко выраженные национальные позиции.

В заявлении «Руськой рады» (по сути это была ее новая политическая программа) подчеркивалось, что в основе ее деятельности лежит верность принципу русского народа, выражающемуся в сознании его национального, культурного, племенного единства и одновременно признании необходимости и целесообразности развития галицко-русского наречия для национальных и культурных целей Галицкой Руси, при разумном использовании достижений общерусского языка и литературы. Подобная необходимость объяснялась принадлежностью русского населения в Галиции к «малорусскому племени русского народа», местными условиями, то есть существованием особой галицко-русской литературы. Касательно политических и экономических задач русофильского движения в Галиции в заявлении в основном повторялись прежние требования: политическое равноправие русского народа в Галиции, реформа конституции на основании принципа «ав-

---

<sup>52</sup> Съезд мужей доверия русско-народной партии и ее организация. Львов, 1900. С. 3.

тономии народностей», улучшение материального благосостояния народа<sup>53</sup>.

Заявление «Руськой рады» стало основой для политической программы, принятой учредительным съездом Русско-народной партии, который состоялся 7 февраля 1900 г. во Львове. На съезде были заслушаны выступления лидеров русофильского движения — И.А. Добрянского и О.А. Мончаловского — о современном политическом положении и задачах новой партии. Добрянский, говоря о ситуации, которая сложилась в Галиции с созданием УНДП, подчеркнул, что непримиримая позиция украинцев по отношению к русофилам практически исключает возможность консолидированных выступлений всех «русских» партий Галиции. Это, в свою очередь, вынудило самих русофилов отказаться от идеи подобных консолидаций, за исключением «все-народных манифестаций, когда мы можем и должны соединяться все без последствия политического вероисповедания»<sup>54</sup>. Таким образом, Добрянский не отказывался окончательно от идеи совместной борьбы за интересы «русского» народа при определенных условиях, которые могли бы преодолеть политические разногласия между партиями. В реферате Мончаловского в основном повторялись положения его брошюры «Литературное и политическое украинофильство», но основной акцент был сделан на необходимости противопоставить политическому украинству собственную партию, которая смогла бы достойно защищать интересы «русского» народа в Галиции.

На съезде были приняты решения о создании новой Русско-народной партии (РНП) и об основных принципах ее деятельности. Руководство новой пар-

<sup>53</sup> Там же. С. 9–10.

<sup>54</sup> Там же. С. 16.

тием возлагалось на Народный совет, в состав которого входили: в качестве председателя — председатель «Руськой рады», три ее представителя, три делегата общего съезда РНП, два члена редакций «Галичанина» и «Русского слова», а также представители местных организаций. В состав первого Народного совета вошли: Б.А. Дедицкий (председатель), И.А. Добрянский, Л.А. Повецкий и И. Давидович (все они были представителями «Руськой рады»); Д.А. Марков и О.А. Мончаловский как представители печатных органов; а также В. Давыдык, В.Ф. Дудыкевич и К.С. Черлюнчакевич. Представителем новой партии становилось политическое общество «Руськая рада». По мнению львовских исследователей О. Аркуши и М. Мудрого, русофилы не могли признать себе, что причиной создания новой политической организации было прежде всего создание УНДП. Это подорвало бы концепцию русофилов о защите общенародных, а не партийных интересов. Именно поэтому лидеры новой партии не ставили своей целью и создание четко отлаженной партийной структуры на местах<sup>55</sup>.

Очевидно, по той же причине основным направлением деятельности русофилов в первые годы существования партии оставалось культурно-просветительское. В докладе, прочитанном на съезде Русско-народной партии, Мончаловский подчеркивал, что основной задачей новой партии является развитие национальных сил русского народа в Австрийской монархии на основе его собственного галицко-русского наречия, «не отказываясь, однако, от помощи, какую могут принести и действительно приносят общерусский язык и общерусская литература, представляющая национальное и культурное выражение

---

<sup>55</sup> Аркуша О., Мудрий М. Русофілство в Галичині... С. 252.

всего русского народа»<sup>56</sup>. К обществам, которые работали «во имя и для утверждения в русском населении Галиции начал, выраженных в приведенной программе», Мончаловский относил Ставропигийный институт, Народный дом, общество им. Качковского, Галицко-русскую матицу и политическое общество «Руська рада». Следует отметить, что политическое общество здесь стоит в одном ряду с культурно-просветительскими структурами.

Русофильские организации в первые годы XX века переживали период реорганизации, здесь четко ощущалась разница между «старорусинством», присущим в этот период Ставропигиону, и молодым русофильством, стремящимся к вовлечению Галицкой Руси в общерусское культурное пространство. Одно из самых влиятельных обществ, Галицко-русская матица, в 1900 г. переживало период обновления. На общем собрании общества из его Устава был исключен параграф о покровительстве митрополита, существовавший с момента основания матицы в 1848 г., что, очевидно, было вызвано конфликтом с митрополитом С. Сембратовичем, более склонявшимся к сотрудничеству с украинцами<sup>57</sup>.

На том же собрании было принято еще одно важное решение. Один из ведущих сотрудников редакции «Сборников Галицко-русской матицы», Ю. Яворский, выступил с инициативой публикации сборников на литературном русском языке. По его мнению, галичанам необходимо было сделать выбор между двумя существующими в России формами русского языка — общерусским литературным и малороссийским наречием. Мончаловский поддержал это предложение, подчер-

<sup>56</sup> Съезд мужей доверия русско-народной партии и ее организация... С. 16.

<sup>57</sup> Пашиева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 120.

кнув, что поскольку русские деятели Галиции борются с «фонетикой», то у них нет иного выхода, как принять русский литературный язык. Представители молодых русофилов, преобладавшие на собрании, поддержали эти решения, в то время как их старшие товарищи либо проигнорировали собрание, либо промолчали. Об отказе от «язычия» как естественного языка галичан Горько сожалел один из старейших русофильских деятелей Б.А. Дедицкий, после этого фактически отошедший от редактирования сборников<sup>58</sup>. После решения собрания «Научно-литературные сборники Галицко-русской ма-тицы» стали выходить на русском языке.

Вставший во главе издания Мончаловский стремился дать галицийскому читателю возможно более полное представление не только о местной литературе, но и о литературе русской. На страницах сборника публиковались произведения А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, А.М. Горького. Это во многом опровергало те упреки в незнании российской современности, в неспособности правильно воспринять из-за своего консерватизма основные идеи современной русской литературы, которые, вслед за Драгомановым, продолжали повторять в адрес русофилов их украинские оппоненты.

В дискуссии русофилов с украинскими активистами особое место занимало отношение к творчеству и личности Н.В. Гоголя. В 1899 г., в ходе празднования 90-летнего юбилея со дня рождения писателя, украинскими представителями подчеркивалось «украинство» Гоголя, драма последних лет его жизни объяснялась раздвоенным национальным чувством. Для русофилов Гоголь, напротив, был ярчайшим примером синтеза малороссийской и общерусской культуры. В 1902 г., в год 50-летия его смерти, Галиц-

---

<sup>58</sup> Там же. С. 121.

ко-русская матица провела торжественный вечер, на котором с подробным докладом выступил Мончаловский, а в «Сборнике» были опубликованы повести «Шинель» и «Сорочинская ярмарка»<sup>59</sup>.

Более осторожную позицию в вопросе внедрения русского языка в галицийскую культурную жизнь занимало другое влиятельное русофильское общество — имени М. Качковского. По мнению украинского исследователя А. Сухого, национально-политические взгляды общества эволюционировали от относительной терпимости по отношению к украинской идее к русофильству на рубеже XIX–XX вв. и открыто пророссийской (москвофильской) ориентации после 1908–1909 гг. Созданное в 1874 г. в Коломые по инициативе И. Наумовича, общество ставило целью «распространение наук, нравственности, трудолюбия, трезвости, бережливости, гражданского сознания и всяческих добродетелей среди русского народа Австрии»<sup>60</sup>. В 1876 г. деятельность общества была перенесена во Львов. Общество им. Качковского обладало четко структурированной организацией. Все существенные вопросы жизни общества решались на общем собрании. На собрании избирался глава общества, центральный совет, занимавшийся организационной работой, редакторская и экономическая секции<sup>61</sup>. Особый акцент в работе

<sup>59</sup> Там же. С. 128.

<sup>60</sup> *Мэгочи П.-Р.* Культурные институции как инструмент национального развития в XIX в. в Восточной Галиции // *Славянские и балканские культуры в XVIII–XIX вв.* М., 1990. С. 132–143.

<sup>61</sup> *Сухий О.* Товариство імені Михайла Качковського: організаційні засади та напрями діяльності // *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність.* Львів, 2001. Вип. 9. С. 394.

общества делался на создании местных организаций и читален. К 1908 г. существовало около 29 местных организаций и больше тысячи читален. В отличие от других русофильских организаций, общество им. Качковского особое внимание уделяло финансово-экономической работе. Еще в конце XIX в. были налажены контакты с рядом банков и финансовых организаций, руководство которых симпатизировало русофилам. Общество обладало также значительной недвижимостью во Львове и других городах.

Основной деятельностью общества было издание просветительской литературы для народа. Именно поэтому особое значение приобрел вопрос о ее языке. В 1900–1909 гг. общество занимало более умеренную позицию в вопросе о введении русского языка в издательское дело, нежели другие русофильские организации. Вплоть до Первой мировой войны издания общества выходили «народною мовою», т. е. традиционным «язычиєм», однако руководство пользовалось нередко и русским литературным языком. Рядовым членам общества разрешалось также и использование украинского языка, вернее, фонетическое правописание наряду с этимологическим<sup>62</sup>. Н.М. Пашаева подчеркивает, что параллельное использование «язычия» и русского языка, своеобразный «билингвизм», было характерно для русофильского движения не только в исследуемый период, но и позднее<sup>63</sup>.

В первые годы XX в. в деятельности общества усилилось экономическое направление, которое выражалось в подготовке специалистов в области сельского хозяйства (организовывались стажировки в чешских и немецких хозяйствах), а также приглашении уже

<sup>62</sup> Там же. С. 399.

<sup>63</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения... С. 122.

известных специалистов. Общество создавало также племенные фермы, занималось распространением современных видов удобрений. Большое значение придавалось и организации кооперативов, касс взаимопомощи, однако на этом направлении Общество им. Качковского сталкивалось с сильнейшей конкуренцией со стороны аналогичных украинских организаций<sup>64</sup>. Таким образом, Общество им. Качковского было одним из наиболее влиятельных культурно-просветительских организаций в Галиции, имело разветвленную сеть первичных организаций и пользовалось наибольшим влиянием в народе. В то же время руководство общества старалось избегать чрезмерного увлечения общерусскими идеями, подчеркивая, что основной его задачей является забота о насущных нуждах простого народа, чье национальное сознание в основном находится еще в неразвитом состоянии.

К структурам ярко выраженной пророссийской направленности можно отнести организации студенческой молодежи. В 1902 г. во Львове начал выходить общественно-литературный журнал «Живая мысль». Инициатива его издания принадлежала студенческому обществу «Друг», придерживавшемуся демократических взглядов, что во многом отличало его от остальной части вполне консервативных русофилов. Члены общества настойчиво требовали преобразования Русско-народной партии в демократическом, отвечающем требованиям времени духе, корректировки принципов деятельности культурно-просветительских обществ. Огромную роль в распространении подобных настроений сыграли революционные события 1905 г. в России. Не случайно именно в 1905 г., на собрании, посвященном 10-летию общества

---

<sup>64</sup> Сухий О. Товариство імені Михайла Качковського... С. 400.

«Друг», открыто говорилось о расхождении во взглядах молодых русофилов и их старших коллег. Выступавшими особенно подчеркивалась «реакционность» Российской империи и осуждалась та безоговорочная поддержка, которой политика царизма пользовалась у представителей старшего поколения русофилов<sup>65</sup>.

В целом можно сказать, что русофильское движение переживало в первые годы XX в. период столь же сложный и во многом противоречивый, что и украинское движение. Переход к новым формам организации, прежде всего к партийной работе, был для русофильского движения крайне сложным. Принадлежность к русофильскому лагерю людей с весьма различными взглядами, которых объединяло лишь неприятие украинской идеи, способствовала сохранению той идейной аморфности, которая была характерна для всего галицийского общества в XIX в. Это стало причиной явного отставания русофилов в вопросе создания собственной политической программы и партийном строительстве.

---

<sup>65</sup> Малкин В. Первая русская революция и активизация русофильского движения в Галиции. Львов, 1956. С. 12.

## ВЫБОРЫ 1907 г. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРТИИ НА ОБЩЕИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

**Н**овый этап развития национальных движений «русьского» населения Австро-Венгрии открылся с началом т. н. «конституционной эры», после принятия нового избирательного закона. Участие в избирательной кампании, создание собственного парламентского клуба, возможность прямого участия в политической жизни государства — все это имело огромное значение для развития украинского и русофильского движений. Следует еще раз подчеркнуть, что в предыдущие годы представительство «русьского» населения в Рейхсрате было весьма незначительным. Именно поэтому первый опыт участия в широкой избирательной кампании и парламентской деятельности был для него особенно ценен.

Большое влияние на общую политическую ситуацию в Австро-Венгрии и на национальные движения Галиции и других восточнославянских владений Габсбургов оказали революционные события 1905–1907 гг. в России. В Австро-Венгрии усилилась борьба за новый избирательный закон. Требование проведения избирательной реформы выдвигалось абсолютным большинством политических партий и движений. При этом новый избирательный закон воспринимался

многими политическими деятелями Австро-Венгрии не только как важнейший шаг на пути либерализации государственного устройства Габсбургской монархии, но и как способ разрешения многочисленных национальных противоречий.

До сих пор требования общеимперской избирательной реформы оставались для представителей и украинского, и русофильского движений скорее второстепенными. Решительный поворот в этом направлении произошел в 1905–1906 гг. В начале 1905 г. от имени Народного съезда УНДП к императору Францу Иосифу была направлена депутация во главе с митрополитом А. Шептицким, которая, в частности, выдвинула и требования избирательной реформы как пути к разрешению национального конфликта в крае. Император подтвердил намерения приступить к подготовке проекта закона<sup>1</sup>. В феврале того же года во Львове прошло несколько массовых выступлений, организованных украинскими активистами, причем в них принимали участие как сами украинцы, так и представители Русско-народной партии. На многотысячных митингах еще раз прозвучали требования реформы. Подобные выступления повторялись неоднократно на протяжении всего 1905 г.

Правительственный проект нового закона поступил на рассмотрение в Рейхсрат в феврале 1906 г. В нем предполагалось избрание 445 депутатов, причем распределены они были таким образом, чтобы от каждой национальности Габсбургской монархии было представлено определенное число мандатов. При этом один мандат приходился на разное число избирателей — в наиболее выгодном положении ока-

<sup>1</sup> *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908.* Toruń, 1996.

зывались немцы, в наименее выгодном — русины. Всего от Галиции должно было избираться 88 депутатов, 27 из них — от русинов. И украинские, и русофильские активисты выступили против подобного распределения мандатов. Неприятие проект вызвал и у представителей других политических сил.

После длительного и болезненного обсуждения проекта в Рейхсрате кабинет премьер-министра П. Гауча был отправлен в отставку. Сначала его сменил кабинет К. фон Гогенлоэ, а затем М. фон Бека. В проект были внесены изменения — в частности, увеличено число мест от Галиции. Несмотря на то, что многие положения проекта продолжали вызывать недовольство, прежде всего представителей восточнославянского населения, в октябре 1906 г. новый избирательный закон был одобрен Рейхсратом большинством голосов. Было сохранено неравномерное распределение депутатских мест по национальным областям (так, один депутат избирался от 40 тыс. немцев, 52 тыс. поляков, 38 тыс. итальянцев и 102 тыс. русинов)<sup>2</sup>. Закон заранее определял число депутатов от каждой провинции, и, таким образом, борьба на местах разворачивалась в основном среди политических партий. Это должно было, по замыслу венских властей, предотвратить национальные конфликты как в Рейхсрате, так и во время выборов<sup>3</sup>. Однако замысел этот удался не вполне, или, скорее, вполне не удался.

Избирательная кампания началась в конце 1906 г. Первоначально Народный комитет УНДП обдумывал возможность заключения избирательного компромисса с Русско-народной партией. Но и на этот раз

---

<sup>2</sup> Полтавский М.А. Краткая история Австрии: Пути государственного и национального строительства. М., 1994. С. 137.

<sup>3</sup> Там же. С. 124.

попытка консолидации была обречена на поражение. Условия, выдвинутые русофилами (они требовали половины причитавшихся русинам мандатов и непрерывного прохождения в парламент одного из лидеров Русско-народной партии В.Ф. Дудыкевича), были для украинцев неприемлемыми. Поэтому в апреле 1907 г. «Руськая рада» провозгласила собственную предвыборную программу. Тогда же, 19 апреля 1907 г., была озвучена избирательная программа УНДП, основные пункты которой повторяли программу партии 1899–1900 гг. С самостоятельной программой выступили также украинские радикалы, социалисты и сторонники А. Барвинского. Таким образом, партии, представлявшие интересы «русского» населения, вступали в предвыборную кампанию в отсутствие какой-либо «консолидации», то есть совместного выступления на выборах, как это было в предыдущие годы.

Это вызывало с их стороны немалую обеспокоенность, поскольку, несмотря на гарантированные места в Рейхсрате, в целом ряде округов со смешанным населением представителям «русских» партий приходилось соперничать с поляками.

Несомненно, галицийские украинцы учитывали опыт политической деятельности, полученный украинским движением в России в ходе выборов и работы в I и II Государственных Думах. Помимо несомненных успехов украинского движения, прежде всего самой возможности заявить с парламентской трибуны о существовании в России украинского вопроса, создания Украинского блока, активных контактов с представителями общероссийских политических партий<sup>4</sup>, имелся и

<sup>4</sup> Михутина И.В. Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 197–209.

негативный опыт. О слабых сторонах украинского движения в России немало писал М. Грушевский, именно в эти годы стремившийся максимально объединить украинское движение по обе стороны австро-российской границы. По его мнению, «украинское общество ничего не сделало для своей политической организации в предвыборный период, и когда выборы привели в Думу достаточно многочисленный украинский элемент, они и в Думе ничего не сделали для своей консолидации»<sup>5</sup>.

В Галиции выборы состоялись в мае 1907 г. Проходили они сложно, отмечались многочисленные нарушения, столкновения представителей противоположных сторон. Безусловно, крупного успеха добились украинцы. Их представители получили больше голосов, нежели предполагалось (27 мест от Галиции и 5 от Буковины), депутатские мандаты получили среди прочих Ю. Романчук, Е. Олесницкий, С. Днистрянский. Для русофилов, напротив, результаты были неутешительны, они получили всего 5 мест в Рейхсрате, не был избран и их лидер В. Дудыкевич. Комментируя результаты выборов, украинский журналист М. Лозинский отмечал две их характерные черты — упадок «правительственного украинства», т. е. сторонников А. Барвинского, и упадок «москвофильства» (именно этим термином стали пользоваться украинские активисты для обозначения своих пророссийски настроенных оппонентов). Причину последнего Лозинский видел в отрыве Русско-народной партии от массы всего населения и непомерные амбиции ее лидеров, фактически сорвавших предвыборную «консолидацию»<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Грушевський М. З Державної Думи // ЛНВ. 1905. Т. 35. № 9. С. 95–101.

<sup>6</sup> Лозинський М. Вибори в Австрії // ЛНВ. 1907. Т. 38. Кн. 6. С. 527–536.

В другой статье тот же автор писал об общих тенденциях развития политических движений в Галиции. По его мнению, успех украинских партий на выборах объяснялся тем, что «украинское национальное сознание развивается параллельно с политическим и социальным сознанием народных масс... и лишь те украинские кандидаты имели успех, чьи программы носили прогрессивный характер»<sup>7</sup>. При этом Лозинский отметил, что именно благодаря своей прогрессивной политической программе в целом ряде округов кандидаты от радикальной и социал-демократической партий обошли представителей УНДП. Русофилы, по мнению Лозинского, не добились желаемого результата не только потому, что не признавали украинской национальной идеи, но и потому, что в их программе не было того социального компонента, который избиратели видели в политических программах других партий. Результаты выборов, по мнению Лозинского, сами по себе являются прямым руководством для украинских депутатов Рейхсрата: «стать ясно и недвусмысленно на основе украинской национальной идеи и наполнить свою деятельность социально-политическим содержанием»<sup>8</sup>.

Глобальные преобразования в Габсбургской империи не могли не привлечь внимание соседних держав, в том числе и России. Здесь хорошо осознавали важность тех изменений, которые должны были произойти во внутренней жизни Австро-Венгрии и, вероятнее всего, оказать существенное влияние на международные отношения в целом и на двусторонние контакты в особенности. Представители россий-

<sup>7</sup> Лозинський М. З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 7. С. 147.

<sup>8</sup> Лозинський М. Там же. С. 149.

ского внешнеполитического ведомства внимательно наблюдали за ходом и результатами выборов. Особый интерес российских дипломатов вызывала ситуация в Галиции. Положение в этом регионе польского и «русского» населения, политические программы тех партий, которые претендовали на победу в избирательной кампании, — все это должно было не только определить политический климат в самой Галиции, но и повлиять самым серьезным образом на развитие национальных движений в России. Изменения в польском парламентском представительстве, преобладание в нем представителей Национально-демократической партии произвели на российских дипломатов неоднозначное впечатление. Так, поверенный в делах российского посольства в Вене Сергей Николаевич Свербеев, активно занимавшийся анализом политических программ и деятельности австрийских партий, уделял особое внимание позиции польских национал-демократов, поскольку «перемены в сопредельной с нами Галиции могут отразиться и за пределами последней»<sup>9</sup>. Отмечая, что, в отличие от галицийских консерваторов, «вполне отказавшихся от мысли воссоздания польского королевства», Национал-демократическая партия «краеугольным камнем программы поставила единство всей польской нации, за которой она признает право и способность к самостоятельному политическому существованию, а также веру в неиспользованные, но с каждым днем растущие культурные и материальные силы польского народа»<sup>10</sup>, Свербеев отметил, что в программе партии прямо говорится о том, что «часть Польши, находящаяся в бо-

---

<sup>9</sup> С. Свербеев — А.П. Извольскому, 15/28 ноября 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 212–214.

<sup>10</sup> Там же. Л. 212.

лее благоприятных условиях, обязана поддерживать национальную работу в других частях и взять на себя исполнение тех общих национальных задач, которые другие части не в состоянии осуществить». В конце своего донесения поверенный в делах подчеркнул, что «наиболее влиятельная польская партия в Австрии открыто ставит одной из своих задач вмешательство во внутреннюю политику иноземных частей Польши, чем, несомненно, поставит себя во враждебные отношения с обеими соседними монархиями (т. е. Германией и Россией. — М. К.)<sup>11</sup>. В то же время российский дипломат не торопился с негативными оценками в отношении победившей партии, поскольку первые ее заявления были направлены против Германии, что в целом не противоречило российским интересам.

С не меньшим интересом российские наблюдатели отнеслись к усилению позиций «русских» представителей в парламенте. На их долю приходилась фактически треть мест, предоставленных Галиции в Рейхсрате (32 из 106). В «русском» представительстве посол в Вене князь Лев Павлович Урусов выделял три группы: «национал-демократическую или украинскую, старорусинскую или москалефильскую и радикальную»<sup>12</sup>. Посол высказывал предположение, что «в австрийском Рейхсрате русины, вероятно, сплотятся воедино и будут требовать совместно изменений в избирательной системе, установленной для Галиции национальной автономии с особым русинским сеймом во Львове и основания в этом городе украинско-русинского университета»<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> Там же. Л. 214.

<sup>12</sup> Л.П. Урусов — А.П. Извольскому, 31 мая (13 июня) 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 86–88.

<sup>13</sup> Там же Л. 86–88.

Вскоре после выборов Народный комитет УНДП возложил на своих депутатов обязанность «проявить инициативу по основанию единого клуба из тех депутатов, которые стоят на основе украинской национальной идеи»<sup>14</sup>, т. е. фактически отмежеваться от русофилов. Тем не менее 17 июня 1907 г. был создан единый парламентский клуб. В его состав вошли видные деятели как украинского, так и русофильского движения — Юлиан Романчук, Евген Олесницький и русофил Владимир Курилович, всего 30 депутатов «русской» национальности из Галиции и Буковины (социал-демократы Витык и Остапчук вступили в общеавстрийскую социал-демократическую фракцию). Клуб был назван «Руським (малоруським)», или же по-немецки «Ruthenen-klub». Задачей своей члены клуба объявили защиту интересов «малоруськой нации для ее самостоятельного развития, политического, экономического, общественного и культурного»<sup>15</sup>. Характерно, что название «малоруський» было принято как украинцами, так и русофилами, хотя они вкладывали разное содержание в это понятие. Например, депутат-русофил Николай Глибовицкий так обосновывал применение понятия «малороссийский» в статье, опубликованной в газете «Галичанин»: «Малорусское племя является только ветвью великого русского народа... Принимая терминологию, установленную немецкой теорией международного и общегосударственного права, не называем малороссов в их совокупности народом (Volk), а только малорусскою народностью (kleinrussische Volkstamm)»<sup>16</sup>. Далее Глибовицкий подчеркивал,

<sup>14</sup> Лозинський М. З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 7. С. 149.

<sup>15</sup> Там же. С. 150.

<sup>16</sup> Цит. по Лозинський М. З австрійської України. С. 151.

что русофилы признают за малорусским племенем право на его культурное развитие, «однако с тем ограждением, чтобы его развитие не было поддержано и направлено против остального русского мира — как продукта духовного творчества и создания всего русского народа»<sup>17</sup>. Излагая эту концепцию, Глибовицкий во многом повторяет идеи русофилов старшего поколения, в частности Б. Дедицкого, не раз с теплым чувством говорившего о «родной малорусчине».

Первой акцией общего «Русьского клуба» стали так называемые «правовые оговорки» (*Rechtsverwahrungen*), касающиеся общих вопросов работы парламента. Поступивший со стороны клуба протест «касался представленных соединенной с Буковиной русинской провинции, на основании конституции 1848 г., прав иметь свой особый провинциальный сейм, долженствующий содействовать будущей автономии русинского народа»<sup>18</sup>. Кроме этого, «русинские депутаты протестуют также против незаконного расширения компетентности галицийского Ландтага, против исключительного положения, в которое поставлен галицийский Штатгальтер, и произвола австрийской администрации»<sup>19</sup>. Такие требования были скорее характерны для украинцев, занимавших более активную политическую позицию и пользовавшихся определенной поддержкой со стороны австрийских властей, и совместное их выдвижение было дополнительным проявлением солидарности, которой в это время еще пытались достичь представители обоих направлений. Попытки эти оказались неудачными, и уже в июне 1907 г. «Русский

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Л.П. Урусов — А.П. Извольскому, 14/27 июня 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 99.

<sup>19</sup> Там же. Л. 99.

клуб» распался. Основная часть его украинских членов заняла открыто националистическую позицию, заявив, что «основным стремлением украинского народа является стремление к полной государственной независимости без оглядки на интересы держав, которые теперь господствуют над украинским народом. Одним из этапов достижения этой цели является национально-территориальная автономия украинского народа в Австрии»<sup>20</sup>. Тогда же, в июне 1907 г., состоялся съезд «мужей доверия» (уполномоченных представителей) Русско-народной партии, на котором было решено вывести русофильских депутатов из состава клуба и создать отдельное парламентское объединение. Несмотря на то, что съезд проходил достаточно бурно и не все депутаты-русофилы считали нужным окончательно разрывать парламентское соглашение, большинство настояло на окончательном расхождении с украинскими депутатами<sup>21</sup>. Таким образом, уже в конце июня «Ruthenen-klub» стал полностью украинским. Русофилы осенью того же года основали немногочисленный (4–5 человек) «Русско-народный клуб», или «Altrutenische Verband», закрепив за собою имя старорусинов.

«Украинский клуб», состоявший в основном из представителей Украинской национальной партии (УНДП), с самого начала своего существования позиционировал себя в качестве представителя всего «руського» населения Австро-Венгрии, что не вполне соответствовало действительности. Помимо русофилов, пусть и утративших часть своего политического влияния, но все еще весьма популярных в народе,

<sup>20</sup> Лозинський М. З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 8–9. С. 392–414.

<sup>21</sup> *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. S. 208.

самостоятельную позицию по многим вопросам занимали члены РУРП (радикалы). Собственной линии придерживались буковинские украинцы, значительно чаще склонявшиеся к возможности компромисса и с краевыми, и с центральными властями. К многочисленной и влиятельной социал-демократической фракции в Рейхсрате примкнули также депутаты — члены Украинской социал-демократической партии. Лишь с течением времени участники Украинского клуба сумели привлечь на свою сторону практически всех депутатов-украинцев.

С первых дней работы парламента украинские депутаты проявляли большую активность, добиваясь от центрального правительства и влиятельного «Польского коло» признания своих требований, среди которых основными были принятие нового закона о выборах в галицийский Сейм, определенные изменения в системе местного управления, создание украинского университета и увеличение числа украинских школ. При этом они не раз прибегали к оригинальным, но вполне популярным в новом парламенте методам борьбы. Так, в ответ на нежелание центрального правительства реформировать в соответствии с новым законом и провинциальные законодательные собрания, в первую очередь галицийский Сейм, депутаты-украинцы хором исполнили песни «Ще не вмерла Україна» и «Не пора»<sup>22</sup>. Эти усилия принесли определенные результаты. По словам министра-президента М. фон Бека, правительство, не признававшее до сих пор остроты вопроса, должно приложить все усилия для его скорейшего урегулирования. Со своей стороны, правительство согласилось

<sup>22</sup> *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 524.

на ряд мер, призванных способствовать достижению компромисса. К ним относились в первую очередь расследование нарушений в ходе выборов в Галиции и принятие соответствующих мер. Далее правительством был предложен ряд шагов относительно решения университетского вопроса, в частности расширение преподавания на украинском языке, создание нескольких новых украинских кафедр, предполагалось увеличение финансовой помощи просветительским организациям. Однако украинцы признали эти шаги недостаточными. При голосовании по новому проекту австро-венгерского соглашения украинские депутаты несколько раз отметили в своих выступлениях, что нежелание Вены признать и защитить интересы «руського» народа в обеих частях монархии не дает возможности Украинскому клубу голосовать за принятие нового варианта соглашения. Проявленная украинскими депутатами настойчивость побудила правительство вновь вернуться к переговорам с Польским колом и Украинским клубом. В результате к концу 1907 г. было достигнуто соглашение между украинским парламентским представительством, с одной стороны, и правительством, галицийским наместничеством и Польским колом — с другой. По условиям этого соглашения предполагалось расширение прав украинского языка в вопросах галицийского и местного управления, а также во Львовском университете создание; при польских гимназиях параллельных украинских классов; достижение польско-украинского компромисса в вопросе сеймовой реформы. Украинский клуб обязался не участвовать в парламентской оппозиции до осени 1909 г.<sup>23</sup> Таким образом, в первые месяцы работы Рейхсрата украин-

---

<sup>23</sup> *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego...* S. 214–215.

ские депутаты выработали свою линию взаимоотношений с имперским правительством, основанную, с одной стороны, на возможности реального влияния украинской фракции на работу парламента, а с другой — на необходимости поддержки украинских требований со стороны центрального правительства и, соответственно, лояльности украинцев. В целом подобная система взаимоотношений украинских политиков с имперскими властями сохранилась вплоть до 1914 г.

При созыве парламентской сессии 1909 г. Украинский клуб объявил о том, что он будет впредь придерживаться оппозиционной по отношению к правительству политики. Первым шагом в этом направлении стало голосование против нового призыва рекрутов, причем украинский депутат К. Трилёвский, редактор газеты «Діло», подверг критике действия австрийской армии в Боснии и заявил, что до тех пор, пока с русинами считаются недостаточно, они не дадут ни одного рекрута. Столь резкое заявление вызвало не только негодование австрийских военных, но и недоумение в среде самих украинских депутатов, не желавших заходить так далеко в своей критике правительства. Особенно негативно такая позиция была воспринята украинскими депутатами из Буковины. Летом 1909 г. буковинцы вышли из состава Украинского клуба. Поводом послужили разногласия в среде парламентариев относительно голосования по ряду вопросов, связанных с австрийской политикой в Боснии. Лидер буковинских украинцев Н. Василько потребовал для своих товарищей свободы в определении своей позиции по этому вопросу, а в ответ на требование большинства украинских депутатов голосовать солидарно против правительственных мер заявил о выходе буковинских украинцев из Клуба и о поддержке прави-

тельственной линии, «поскольку такая политика казалась им более выгодной для решения их буковинских вопросов»<sup>24</sup>.

Косвенным признанием успехов украинских депутатов стало избрание в феврале 1910 г. вице-президентом Палаты послов Рейхсрата одного из наиболее влиятельных украинских политиков Ю. Романчука. Впервые представитель «русского» населения занял столь высокое место в политической системе империи. Его преемником в качестве лидера Украинского клуба стал К. Левицкий. В парламенте нового созыва, выборы в который прошли в июне 1911 г., украинцам предстояло не только закрепить, но и развить свой успех, добившись в первую очередь от имперского правительства реальных мер по осуществлению своих основных требований. В ходе предвыборной борьбы УНДП не удалось создать единую коалицию украинских партий, тем не менее положение украинского представительства оставалось достаточно устойчивым. Вновь, как и в ходе выборов 1907 г., наиболее представительной была группа депутатов от УНДП — всего 18 человек. От радикальной партии в парламент прошли 5 депутатов, а также один социал-демократ. Были избраны также 5 депутатов-украинцев от Буковины. Таким образом, в новом Рейхсрате заседали 29 украинских депутатов, что было меньше, чем в предыдущем парламентском созыве. При этом в значительно большей степени утратили свои позиции политические конкуренты украинцев — галицийские русофилы. В новом парламенте их было всего двое. Изменился и состав польского представительства: ослабли позиции национальных демократов и заметно усилились консерваторы. Последние в значительно большей степени готовы были к компро-

---

<sup>24</sup> *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 516.

миссу с украинцами ради сохранения политической стабильности как в Галиции, так и в империи. Все это открывало перед украинцами новые перспективы.

Несмотря на желание УНДП создать единый парламентский клуб, эта идея первоначально не нашла понимания среди других украинских представителей, хотя, по словам К. Левицкого, четырехлетний опыт предыдущего парламента доказал, что реальным влиянием располагают крупные парламентские группы и наиболее успешными оказались именно национальные представительства<sup>25</sup>. 16 июля 1911 г. в Вене состоялось собрание представителей всех украинских партийных групп, на котором К. Левицкий выступил с предложением о создании консолидированного парламентского союза. С этим предложением согласился лидер буковинских украинцев Н. Василько и, после некоторых колебаний, представитель радикалов В. Лагодзинский. Представители трех украинских партий, входивших в союз, признали, что борьба за избирательную реформу в Сейм и украинский университет является общим делом всего украинского представительства. При открытии первой сессии Рейхсрата вновь созданный союз выступил с декларацией, в которой заявил, что выступает от лица самостоятельного украинского народа, целью которого является создание национально-культурной автономии в составе австрийской державы<sup>26</sup>. Это решение способствовало тому, что в Рейхсрате украинцы выступали солидарно и могли оказывать серьезное влияние на работу парламента. При этом следует отметить, что Украинский парламентский клуб заявлял о своей оппозиции правительству и активно прибегал к обструкции.

<sup>25</sup> Там же. С. 576.

<sup>26</sup> Там же. С. 581.

Перед депутатами — представителями «русского» населения империи стояла еще одна задача: выстроить систему взаимоотношений с иными парламентскими объединениями, прежде всего представителями славянских народов. В результате выборов 1907 г. славянское представительство в Рейхсрате заметно расширилось и стало значительно влиятельнее.

Первым поводом для парламентского представительства восточнославянского населения определить свою позицию по отношению к славянскому большинству в парламенте стал Славянский съезд, прошедший в Праге в 1908 г. Одним из наиболее активных сторонников идеи нового славянского движения стал лидер галицийских русофилов, депутат Рейхсрата Д.А. Марков, поднявший в конце 1907 г. в парламенте вопрос относительно проведения общеславянского съезда. На созванном по инициативе Маркова собрании славянских депутатов Рейхсрата Карел Крамарж, лидер славянского парламентского объединения, сформулировал программу нового славянского движения, в основе которой лежали принципы свободы, равенства и братства. Программа эта была с одобрением встречена большинством славянских депутатов<sup>27</sup>. В мае 1908 г. славянские депутаты Рейхсрата (К. Крамарж, И. Грибар, Н. Глибовицкий) посетили Петербург. Официальной их целью была организация летом 1908 г. в Праге торжеств, посвященных 60-летию первого славянского съезда. Визит проходил в очень теплой обстановке, необходимость начала нового этапа объединения славянства признавалась большинством встречавшихся с гостями общественных деятелей.

29 июня 1908 г. в Праге состоялось торжественное открытие Славянского съезда. В нем приняли участие

---

<sup>27</sup> Сератионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. М., 2006. С. 96.

представители большинства славянских народов Австро-Венгрии, а также многочисленная российская делегация, участниками которой, среди прочих, были 9 членов Государственного Совета и 23 члена Государственной Думы. Вопросы, обсуждавшиеся в Праге, касались различных аспектов экономического и культурного развития славянских народов. Так, был создан проект Славянского банка, призванного стать альтернативой Немецкому банку, чье влияние в Европе и Передней Азии стремительно увеличивалось. Также было выдвинуто предложение организации экскурсий русских учащихся по славянским землям Австро-Венгрии и славянских — по России, создания Славянского телеграфного агентства для обмена информацией между общественными организациями и партиями.

Несмотря на представительность делегаций, Пражский съезд не смог реализовать всех тех ожиданий, которые возлагали на него его участники. Скорее напротив, на съезде более очевидными стали противоречия, существующие между славянскими народами. Прежде всего, представители ряда славянских народов проигнорировали съезд. Практически не участвовали представители польского населения Галиции и Познаньщины (за исключением официальной делегации Национально-демократической партии), хотя в 1907 г. большинством польских депутатов Рейхсрата идея о целесообразности славянской политики была поддержана<sup>28</sup>. По мнению российского посла в Вене Л.П. Урусова, галицийские поляки решили «в политических видах воздержаться от всяких рискованных демонстраций, могущих скомпрометировать их солидное положение в Австрии»<sup>29</sup>.

<sup>28</sup> АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1907 г. Д. 133. Л. 214.

<sup>29</sup> Там же. Л. 196.

В свою очередь, негативно отнеслись к неославянскому движению украинские представители. В нем они видели скорее новую форму старого «панславизма», нежели новое явление в общественной мысли славянских народов. В украинских периодических изданиях основной акцент делался на том, что в организации и проведении съезда со стороны России активное участие принимали представители правых кругов, сам неославизм оценивался как элемент политической игры России на международной арене, в основе которой лежит «стремление заморочить народ и отвлечь его от внутренних болезней»<sup>30</sup>. Один из идеологов украинского движения, профессор Львовского университета М.С. Грушевский еще накануне Пражского съезда резко высказался о самой идее нового славянского движения, язвительно упрекая его активистов в отупении от «славянофильского гашиша» и слепой вере в то, что лидеры российского неославизма на самом деле обеспокоены натиском «тевтонов»<sup>31</sup>.

Лидер украинского парламентского представительства К. Левицкий писал, что основной причиной отказа австрийских украинцев от участия в Пражском съезде стал отказ от обсуждения украинского вопроса как в России, так и в Австро-Венгрии. В итоге Народный комитет Украинской Народно-демократической партии совместно с Грушевским как представителем российских украинцев выступили с заявлением о том, что украинская нация не будет принимать участия в пражских мероприятиях и никто не имеет права вы-

<sup>30</sup> *Мацевко І.* Російський неославизм в оцінці галицьких національних демократів (1908–1914) // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 309–316.

<sup>31</sup> *Грушевський М.* Українство і всеслов'янство // ЛНВ. 1908. Т. 42. Кн. 6. С. 544.

ступать от ее имени<sup>32</sup>. С разъяснениями своей позиции представители украинского движения выступили как в австрийской, так и в российской прессе.

Несомненно, одной из причин негативного отношения украинских политиков к неославянскому движению в целом и к съезду в Праге в частности было стремление большинства представителей русской делегации к достижению польско-русского компромисса. Благодаря требованию официального Петербурга не обсуждать на съезде никаких политических вопросов, а также нежеланию участников съезда рассматривать те или иные национальные противоречия, польско-русские отношения, в том числе и взаимоотношения поляков и русинов в Галиции, не стали предметом всеобщего обсуждения. Однако представители украинского движения в Галиции, несомненно, опасались, что под нажимом неославистов произойдет сближение галицийских поляков и галицийских русофилов.

Негативное отношение украинских лидеров к неославянскому движению стало причиной того, что и впоследствии украинское представительство весьма прохладно относилось к славянским объединениям в парламенте. Так, Украинский парламентский клуб не вступил в парламентский Славянский союз, основанный 17 февраля 1909 г. По мнению К. Левицкого, этот союз был порождением либо следствием неославянской пропаганды<sup>33</sup>. Позднее наметилось сближение между украинскими депутатами и Славянским союзом. Причиной стало противостояние Союза и польско-немецкого правительственного блока. Славянский союз поддержал требование украинских депутатов о применении украинского языка наравне с

<sup>32</sup> *Левицький К.* Історія політичної думки... С. 494.

<sup>33</sup> Там же. С. 509.

польским в галицийском судопроизводстве. В начале июня того же года Славянский союз и Украинский клуб заключили соглашение на следующих условиях: Украинский парламентский клуб выступает с тактической поддержкой Унии, ожидая в свою очередь от нее поддержки украинских национальных, культурных и экономических требований. Несмотря на то, что до полноценной консолидации украинских парламентариев и славянского большинства не дошло, представители обоих объединений несколько раз выступали с солидарными заявлениями относительно прав национальных меньшинств в монархии. Интересно замечание К. Левицкого относительно единого языка Славянского союза. Чехи считали, что общим языком может стать русский, однако на практике единым языком оставался немецкий<sup>34</sup>. Таким образом, представителям украинского движения, прежде всего украинским парламентариям, идеи славянской консолидации вовсе не были чужды. Однако единство это воспринималось ими прежде всего как тактическая консолидация славянских народов Габсбургской монархии, но ни в коей мере не как сближение этих народов с Россией.

---

<sup>34</sup> Там же. С. 521.

## НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНСТИТУЦИОННУЮ ЭПОХУ

**Н**овая система формирования общеимперского парламента одной из основных своих целей имела снятие напряженности в межнациональных отношениях. Участие в парламентской деятельности представителей практически всех национальностей, населяющих Австро-Венгрию, должно было способствовать урегулированию тех национальных противоречий, которые могли оказать существенное влияние на положение дел в империи. Однако, несмотря на то, что избирательная реформа имела огромное значение для развития многих национальных движений, противоречия в национальной сфере сняты не были. Напротив, некоторые из подобных конфликтов вышли на новый уровень развития, в том числе и польско-русинские противоречия. Имеющий длительную и сложную историю, этот конфликт приобрел новые формы с началом нового политического этапа. С выходом на политическую арену новых сил польско-русинский конфликт в Восточной Галиции приобрел принципиально иной характер.

Неслучайно и поляки, и украинцы, оценивая значение этой провинции для развития своей национальной идеи, использовали аналогию с итальянским Пьемон-

том — провинцией, вставшей во главе процесса объединения Италии. При этом обе стороны по-разному трактовали причину конфликта между польским и русинским населением. Так, многие польские публицисты подчеркивали, что конфликт этот имел прежде всего социальное происхождение, это столкновение «пана-поляка» и «холопа-русина». Всякая неприязнь к барину, вытекающая из их хозяйственных отношений, превращается в неприязнь ко всякому поляку, неприязни же между простыми людьми якобы не существует<sup>1</sup>.

В то же время часть польских авторов признавала и иные истоки польско-русинской неприязни. Так, В. Фельдман признавал, что в «польском обществе русины всегда воспринимались... как интегральная часть Польши. Невозможность осознания того, что существуют самостоятельные русинские стремления, была и есть основной проблемой в отношениях обоих народов»<sup>2</sup>. По мере того как польское национальное движение развивалось и все активнее стремилось к своей конечной цели — возрождению независимого государства, все большую неприязнь среди поляков вызывали украинские требования. Они имели право на существование только в том случае, если не затрагивали польские интересы<sup>3</sup>.

В свою очередь, резко антипольскую позицию заняли представители украинского движения. Для них также было чрезвычайно велико значение Восточной

<sup>1</sup> *Vasilevskij L.* Современная Галиция. СПб., 1900. С. 90.

<sup>2</sup> *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicji. Kraków, 1907. S. 334.

<sup>3</sup> *Suleja W.* Kresy Wschodnie w myśli politycznej polskiej irredenty w okresie popowstaniowym (1864–1914) // *Polska myśl polityczna XIX i XX wieku.* Т. II. Wrocław; Warszawa, 1988. S. 177.

Галиции как центра украинского национального движения. Роль Галиции как «духовной фабрики, где создается культура для всей соборной Украины»<sup>4</sup> особенно подчеркивал М.С. Грушевский. Неоднократно говоря о том, что «Львов является в настоящее время центром национальной жизни украинской народности Галичины», Грушевский видел суть национальных противоречий в том, что «русины домогаются, чтобы с ними считались как с национальностью, наравне с польской, и дали им то место в Восточной Галиции, какое поляки занимают на своей этнографической территории»<sup>5</sup>. При этом Грушевский настойчиво стремился развеять миф о культурном превосходстве польского населения в Галиции и о степени его влияния на культурное развитие самих русинов, указывая на ту большую культурную работу, которую галицийские украинцы проделали за последние десятилетия.

Особого накала польско-украинские противоречия достигли во второй половине 1907 г., когда соглашение между Украинским клубом в Рейхсрате, с одной стороны, и Польским колом и галицийской администрацией, с другой, заключенное при посредничестве венского правительства, провалилось. Одним из наиболее значимых противоречий стал вопрос о реформе избирательной системы в галицийский Сейм. Назначенные на конец 1907 г. выборы проводились по старой куриальной системе. Ее сохранение позволяло местничеству и фактически правящей в Галиции крупной польской аристократии проводить в Сейм приемлемых для них депутатов. Именно поэто-

<sup>4</sup> Грушевский М.С. Украинский Пьемонт // Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 116.

<sup>5</sup> Грушевский М.С. Из польско-украинских отношений в Галиции. СПб., 1907. С. 89.

му вопрос о том, кого поддерживают на выборах краевые власти, имел и для украинцев, и для русофилов огромное значение.

С момента заключения соглашения 1890 г. и вплоть до выборов 1908 г., т. е. 18 лет, реальной поддержкой властей пользовались представители украинских партий. Теперь же ситуация изменилась. Симпатии польских консерваторов обратились к более умеренным русофилам. Исследователи приводят разные версии такой перемены. Ч. Партач видит причины такого поворота в беспокойстве, которое вызывали у поляков рост украинского радикализма, прогерманские настроения украинских лидеров. Не менее значимым фактором он считает явную политическую слабость русофилов, которые не могли реально противостоять польскому господству в крае<sup>6</sup>. Другой польский историк, Я. Грухала, отметил связь между поддержкой русофилов со стороны польских консерваторов и заинтересованностью последних в урегулировании австро-русских отношений, что, по его мнению, имело не меньшее значение, чем общественно-политический консерватизм Русско-народной партии<sup>7</sup>.

На выборах, прошедших в конце февраля 1908 г., русофилам удалось существенно укрепить свое положение в Сейме. Их представители получили 10 мандатов и образовали Русский клуб, во главе которого встал Владимир Феофилович Дудыкевич (1861–1922). Победа Дудыкевича была тем важнее для Русско-народной партии, что победил он в округе Броды, где много лет подряд избирался А. Барвинский. Депутатом Сейма

<sup>6</sup> *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego... S. 216–218.

<sup>7</sup> *Gruchala J.* Polityka zagraniczna Austro-Węgier a stosunki polsko-ukraińskie (1908–1914) // *Studia z dziejów ZSRR i Europy Śródkowej.* Wrocław, 1988. T. XXIV. S. 35–53.

стал и другой лидер русофилов, М. Король, занимавший более умеренные «старорусинские» позиции. Украинские представители получили 12 мандатов, из них 8 досталось представителям УНДП, 3 — радикалам и 1 депутат был беспартийным. Все они заявили о единой позиции и создали «Украинско-русский клуб». В целом число депутатов-русинов увеличилось (в Сейме предыдущего созыва их было всего 14), но, как отмечал М. Лозинский в статье, посвященной результатам выборов, раньше существовал один «Русский клуб», теперь же существуют две враждебные группировки и «нельзя говорить ни о победе украинцев, ни о их особом проигрыше», настораживать должна лишь усиленная консолидация польских представителей в Сейме<sup>8</sup>. При этом автор объяснял успех русофилов исключительно поддержкой «польско-шляхетской власти». Того же мнения придерживались и более радикальные представители украинских партий. Будучи абсолютно уверенными в скором упадке русофильства, они в своем «провале» обвиняли исключительно галицийскую администрацию и лично наместника графа Анджея Потоцкого. Действительно, наместник, во многом под давлением восточногалицийских консерваторов, поддержал умеренных представителей Русско-народной партии против радикальных представителей УНДП<sup>9</sup>. Соответственно и украинцы всю вину за поражение на выборах возложили на наместника.

На страницах украинской прессы раздавались призывы к отмщению<sup>10</sup>. Кульминацией истерической

<sup>8</sup> Лозинський М. З австрійської України // ЛНВ. 1908. Т. 10. С. 185–195.

<sup>9</sup> Булахтин М.А. Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С. 107.

<sup>10</sup> *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego... S. 224.

кампании украинцев стало убийство 12 апреля 1908 г. наместника Галиции А. Потоцкого украинским студентом М. Сичинским. Этот акт террора произвел огромное впечатление на общественное мнение не только Галиции, но и всей Австро-Венгрии. Здесь политические убийства в то время были крайне редки, и выстрелы во Львове прозвучали неожиданно. Со стороны российских представителей в Австро-Венгрии последовала немедленная реакция. Выражая сожаления по поводу трагической гибели графа Потоцкого, посол в Вене Л.П. Урусов видел в произошедшем и толику вины самих галицийских властей: «Рассматривая беспристрастно данное преступление, нельзя не видеть в нем аналогию со столь многочисленными у нас политическими злодеяниями. Галиция полна бежавшими из России политическими преступниками, коих польская печать и общественное мнение окружают ореолом героизма». В заключение посол выразил надежду, что, возможно, «трагическая смерть гр. Потоцкого несколько изменит отношение польского общественного мнения к нашим политическим преступникам», а также повлияет на позицию австрийских властей в вопросе экстрадиции русских политических преступников<sup>11</sup>.

Говоря о личности убийцы и причинах, толкнувших его на преступление, Урусов упоминал в донесении, что тот «по своему рождению принадлежит к деятельным агитаторам украинофильской партии (Yungruthenen). Отец его, уже умерший, был униатским священником, депутатом сейма и выдающимся украинофильским деятелем. Одна из сестер замужем за депутатом Рейхсрата др. Левицким, представителем украинофильского национального комитета. Сам

<sup>11</sup> Л.П. Урусов — А.П. Извольскому, 3/16 апреля 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. 1908. Д. 136. Л. 122–124.

Сичинский еще с гимназической скамьи занимался политической агитацией, в прошлом году принимал деятельное участие в университетских беспорядках в Львове»<sup>12</sup>. Урусов считал, что именно позиция, занятая наместником по отношению к украинским партиям на выборах в Сейм, и стала причиной его гибели. По его словам, «убитый штатгальтер старался относиться ко всем политическим партиям с возможною в местных условиях объективностью. Однако, будучи одним из выдающихся представителей польских консерваторов, он, должно быть, невольно вызвал ненависть со стороны украинофилов. Последние, привыкшие к поддержке правительства в борьбе с русским элементом в Галиции, не могут простить консерваторам, решившим бороться с социалистическим направлением украинофилов и помогавшим в последних сеймовых выборах русским (т. н. староруссинам) увеличить число своих мандатов»<sup>13</sup>.

При этом соображения, по которым убитый наместник поддерживал русофилов, трактовались как сугубо прагматические. Несколькими годами позднее, в 1912 г., корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства С.П. Колосов в одной из своих записок высказал мысль, что «поддерживая старорусов против украинцев, граф Потоцкий не имел в виду поощрение русофильства в Галиции»<sup>14</sup>. Далее, со слов польской газеты «Rzecz Pospolita», он приводил слова покойного наместника: «Выборы кончились, дело улажено, но я не могу стоять на русофильской точке зрения, ибо как наместник я могу признавать в Галиции только тех

<sup>12</sup> Там же. Л. 122.

<sup>13</sup> Там же. Л. 122.

<sup>14</sup> Записка С.П. Колосова, 5/18 июля 1912 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 744/802. Л. 213–215.

русских, которые исповедуют национальную малорусскую обособленность»<sup>15</sup>. Таким образом, нельзя было говорить о каком-либо решительном изменении курса в политике польской краевой администрации.

После покушения на Потоцкого отношение к украинским представителям в Рейхсрате и в австрийском общественном мнении вообще значительно ухудшилось. Назначенное на апрель 1908 г. выступление известного юриста, доктора права Е. Олесницкого о положении и нуждах русинов в Галиции было встречено весьма прохладно. Способствовали укреплению подобного отношения к себе и некоторые украинские депутаты. Именно в 1908 г. одной из наиболее заметных действующих фигур в украинском движении стал буковинский депутат Николай Василько (1868–1924), занимавший достаточно радикальную позицию. Его резкие выступления нередко вступали в противоречие с выступлениями его же единомышленников. Так, уже в апреле 1908 г. «Василько обрушился на политику гр. Потоцкого», хотя «теперь, после трагической кончины штатгальтера, официальные представители украинского клуба отрицают всякое, хотя бы нравственное, сочувствие в преступлении»<sup>16</sup>.

По нарастающей развивались не только польско-украинские противоречия, но и противостояние между представителями украинского и русофильского национальных движений. Благодаря тому, что введение всеобщего избирательного права сделало для представителей «русского» населения возможным участие в общеимперской политической жизни, вопрос о том, насколько идеология этих движений

<sup>15</sup> Там же. Л. 215.

<sup>16</sup> Л.П. Урусов — А.И. Извольскому, 3/16 апреля 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 122–124.

отвечает вызовам времени, встал достаточно остро. Особенно болезненным вопрос этот был для русофилов. Развиваясь менее динамично, во многом сознательно игнорируя вопросы формирования партийной структуры и политической программы, русофильское движение оказалось во многом не соответствующим требованиям времени и потому не способным конкурировать с украинскими партиями. Внутри самого русофильского движения уже давно шла дискуссия между т. н. «молодыми» русофилами и представителями старшего поколения, не готовыми еще расстаться с политическими традициями XIX века.

Важнейшими стали вопросы об определении национальной принадлежности восточнославянского населения Австро-Венгрии. Одним из первых выступил с заявлением о начале новой эпохи публицист Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951). Будучи одним из ярких представителей пророссийской ориентации, он открыто заявил о «конце рутенства» в статье, опубликованной в органе Русско-народной партии «Галичанин» в 1907 г. Статья была написана в те дни, когда во Львове проходил съезд «мужей доверия» (полномочных представителей) Русско-народной партии, на котором, в частности, рассматривался вопрос о едином «Русском клубе». В связи с этим одним из признаков «рутенства» Вергун назвал и непонимание принципиальных различий в «русской» и «украинской» идеологии, которое позволило заключить союз между украинскими и русофильскими депутатами парламента. Вергун призывал русофилов перейти на открыто «русские» позиции и одновременно укорял «державную», т. е. официальную, Россию в том, что она забыла о русском народе в Галиции.

Выступление Вергуна не могло не вызвать ответной реакции в украинском лагере. Первым ответом

стала статья Грушевского<sup>17</sup>, в которой автор противопоставлял «москвофильское ренегатство» демократическому, борющемуся за народные права украинскому движению. Как и его оппонент Вергун, Грушевский резко осуждал попытки объединения обоих движений, указывая на то, что русофилы ведут дезорганизаторскую работу, подрывают влияние украинцев в народе и занимают в целом враждебную позицию. Постоянно упрекая русофилов в получении «московских рублей» из «питательных сфер России», Грушевский подчеркивал нежизнеспособность «русской идеи», предрекая ее скорое умирание. Особое внимание Грушевский уделил «молодым» русофилам. Их переход на открыто пророссийские позиции вызвал у украинского историка особую неприязнь. Он подчеркивал, что именно теперь «москвофилы предстанут перед нами без маски — не в роли жертв галицкой исторической традиции, не в роли “твердых” русинов, а в роли слуг панроссийской идеи, против народной стихии, представленной украинцами»<sup>18</sup>, и это станет началом конца русофильства как явления галицийской политической и культурной жизни. За обвинениями, которые Грушевский предъявлял русофилам, скрывалось явное беспокойство — идеолог «украинства», несомненно, опасался, что открытое обращение русофилов к идее общерусского единства найдет отклик в самой России, причем не только в кругах, традиционно имеющих контакты с галичанами, но и в более широких общественных кругах, и в то же время придаст новый импульс русофильству в самой Австро-Венгрии.

<sup>17</sup> Грушевський М. На українські теми. «Конец рутенства!» // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 10. С. 135–147.

<sup>18</sup> Там же. С. 140.

Действительно, опасения Грушевского имели под собой реальную почву. Выше уже отмечалось, что представители русофильского движения приняли активное участие в подготовке Славянского съезда в Праге. На самом Пражском съезде «представители Галицкой Руси открыто примкнули к русским представителям»<sup>19</sup>. По окончании съезда группа его участников из России по приглашению галичан (причем как поляков, так и русинов) совершила поездку по Галиции. В составе группы российских путешественников находился и активный деятель Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества граф В.А. Бобринский. Поездка произвела на него огромное впечатление. Являясь горячим сторонником идеи общерусского единства, которое он трактовал как «единство культурное, а не политическое, национальное, а не государственное»<sup>20</sup>, Бобринский одновременно был сторонником польско-русского примирения и, как многие участники неославянского движения, видел в нем реальную возможность к достижению подобного компромисса. В то же время реальное положение дел в Галиции было ему неизвестно. Следует отметить, что российские неослависты скептически относились к украинскому движению, причем как представители либерального крыла неославизма, в целом признававшие актуальность украинского вопроса в Российской империи, так и сторонники консервативного курса, твердо стоявшие на принципах общерусского единства. Руководствовались они, разумеется, различными соображениями.

<sup>19</sup> Л.П. Урусов — А.И. Извольскому, 29 мая / 11 июня 1910 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 130. Л. 121–122.

<sup>20</sup> *Бобринский В.А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб., 1909. С. 57.

Представитель «либералов» А.Л. Погодин подчеркивал, что необходимо «признать за малоруссами право свободного национального развития»; «содействовать развитию шовинизма... неразумно и негосударственно, но отсюда вовсе не следует, что малорусский народ не должен получить в школе, суде и администрации национальные права, принадлежащие ему как народу»<sup>21</sup>. Именно в своевременном удовлетворении культурных запросов малорусского населения в России Погодин видел разумное противодействие росту украинского влияния. Негативное отношение либералов вызывала чрезмерно подчеркиваемая лояльность галицийских украинцев по отношению к Габсбургам, и более того, постоянно циркулировавшие сведения о крупной финансовой поддержке, которая оказывалась украинским организациям из Берлина.

Представлявший правое крыло В.А. Бобринский, открыто признававший себя русским националистом, особенно негативно относился к двум важнейшим элементам политической программы украинского движения — социализму и сепаратизму. Резко критикуя за это украинских активистов, Бобринский с уважением отзывался о деятельности униатского митрополита Андрея Шептицкого, подчеркивая его объективность. Самих галичан он считал малороссами, отмечал красоту их малороссийского наречия, того же, «на котором говорили Шевченко и Котляревский», и не имеющего, по мысли графа, ничего общего с языком, насаждаемым активистами украинского движения<sup>22</sup>. В этом позиция Бобринского близка позиции самих галицийских русофилов, также в большинстве считавших себя

<sup>21</sup> Погодин А.Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 249–265.

<sup>22</sup> Бобринский В.А. Указ. соч. С. 73.

малороссами и настаивавших на русском культурном единстве при сохранении и развитии местной культуры. В.А. Бобринский прямо указывал на крупные субсидии, выделяемые украинским партиям из Берлина от германского правительства и пангерманских организаций<sup>23</sup>. Это в корне расходилось с общей направленностью неославянского движения, одной из основных задач которого была борьба с «воинствующим германизмом». Таким образом, «политическое украинство», т. е. национально-политическое украинское движение, оформившееся к 1908–1910 гг. в Галиции, российскими неославистами, вне зависимости от их ориентации, воспринималось негативно.

Посетив регион, Бобринский убедился в том, что жалобы русофилов на притеснения со стороны польской администрации края вполне обоснованны. Более того, он и его спутники неоднократно вынуждены были убеждать русофилов в том, что обоюдное согласие в разрешении польско-русинского спора необходимо обеим сторонам и пойдет на пользу всему славянскому движению. Бобринский выражал надежду, что ему удалось убедить своих собеседников, ожидавших, что «в Праге съезд превратится в общеславянский трибунал», на котором они смогут высказать все свои претензии к полякам, в том, что «в Праге был взят верный курс, что нельзя превращать съезд в судилище, а что касается вопроса, кто кого больше притесняет, то и его ставить не нужно»<sup>24</sup>. В целом граф пришел к убеждению, что «русское дело» в Прикарпатской Руси находится в упадке и без поддержки извне обречено на исчезновение.

Значение поездки Бобринского отмечалось впоследствии и российскими дипломатами. Л.П. Урусов

---

<sup>23</sup> Там же. С. 98.

<sup>24</sup> Там же. С. 61.

писал в одном из своих донесений, что «путешествие это произвело огромное впечатление на крестьянское население и дало возможность представителям русского общества наглядно убедиться в существовании в Австрии населения, признающего свою национальную и культурную связь с Россией»<sup>25</sup>. Установление тесных контактов с российскими представителями, теплое отношение к «русским» галичанам с их стороны были очень ценны для русофилов, стремившихся к культурному и духовному объединению с Россией.

Усиление контактов с Россией, тот эмоциональный подъем, который вызвал Пражский съезд 1908 г. и последующий визит российских участников съезда в Галицию, деятельность Галицко-русского общества оказали существенное влияние и на положение дел внутри Русско-народной партии. Многие из ее активистов под влиянием этих событий осознали себя частью единого русского народа. Некоторому усилению политического влияния русофилов способствовала и успешная для них избирательная кампания в Сейм в 1908 г. Как отмечал сменивший убитого наместника А. Потоцкого М. Бобжинский, «настала минута, благоприятная для русских»<sup>26</sup>. В то же время давно назревавшие в среде русофилов противоречия, которые возникли еще в ходе подготовки к выборам в Сейм 1908 г., в полной мере проявились уже в ходе его работы. В ответ на выступление В. Дудыкевича, представителя «молодых» русофилов, заявившего о том, что Русский клуб в Сейме будет работать на основе

<sup>25</sup> Депеша кн. Урусова, 29 мая / 11 июня 1910 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 156. Л. 1–3.

<sup>26</sup> *Bobrzyński M. Z moich pamiętników*. Wrocław; Kraków, 1957. S. 126.

единой русской национальной идеи «для культурного развития нашего народа», другой депутат-русифил, М. Король, заявил, что не признает себя ни россиянином, ни москалем и признает только родной язык своего народа<sup>27</sup>. Расхождения усилились в начале следующего, 1909 года.

На состоявшемся в феврале съезде «мужей доверия» Русско-народной партии фактически произошел раскол в рядах ее руководства. Народный совет (исполнительный орган партии) перешел в руки «молодых» русофилов во главе с Д. Марковым и В. Дудыкевичем. Таким образом, в начале 1909 г. в русофильском движении окончательно сформировались два направления: традиционное, во главе которого встали М. Король и о. И. Костецкий, и новое, более радикальное, во главе с В. Дудыкевичем<sup>28</sup>. 19 октября 1909 г. состоялся съезд новой «Русской народной организации» (РНО). 2 февраля 1910 г. старокурсниками было провозглашено создание политического общества «Галицко-русская рада»<sup>29</sup>, а 3 ноября 1910 г. ее организаторы сформировали свой временный комитет, председателем которого (а со временем и всего общества) стал И. Костецкий<sup>30</sup>. «Старые» русофилы сохранили за собой газету «Галичанин», органом «молодых» стала «Прикарпатская Русь», издававшаяся в

<sup>27</sup> *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. S. 128–129.

<sup>28</sup> *Аркуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині в середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 231–268.

<sup>29</sup> Галицко-русская Рада // Галичанинъ. 1910. № 153. II (24) июля.

<sup>30</sup> *Мельник В.* Розкол у рядах «Русско-народной» партії (1909 р.) // Вісник Прикарпатського університету. Історія. 2007. Вип. XII–XIII. С. 203.

Черновцах А. Геровским и занимавшая выраженные пророссийские позиции.

Раскол негативно отразился на русофильском движении, когда, по словам лидера «молодых» В. Дудыкевича, «наступило тяжелое время, время упадка народной дисциплины и полного застоя общественной деятельности», отмечались даже отдельные случаи выхода из Русско-народной партии<sup>31</sup>. Организационные проблемы, возникшие после раскола, существенно ослабили работу русофильских организаций, в том числе и хозяйственных, лишившихся тех немногочисленных дотаций, которые выделяла им венская администрация. Со стороны официальной Вены раскол в среде русофилов был воспринят скорее негативно. Власти опасались роста радикальных пророссийских настроений, предпочитая им проверенное «старорусинство»<sup>32</sup>.

Внутренние противоречия в среде русофилов, а также отказ галицийской администрации от их поддержки привели и к ослаблению их позиций в Сейме, а затем и в Рейхсрате. В отличие от украинских активистов, представители русофильского движения не стремились к его политизации, считая, что партийная деятельность окажет на него негативное влияние. В то же время русофилы активно участвовали в избирательной борьбе, сумев создать небольшие фракции как в галицийском Сейме, так и в Рейхсрате. Оживлению русофильского движения и в то же время углублению противоречий внутри него в немалой степени способствовало расширение контактов с представителями российских общественных кругов,

<sup>31</sup> Архуша О., Мудрий М. Русофіліство в Галичині... С. 254.

<sup>32</sup> «Stowarzyczenia o charakterze religijnym» – Archiwum Glywny Akt Dawnych (AGAD). Ministerium des Innern (Ministerstwo Spraw Wewnetrnych). 1900–1913. № 20184. Z. 894–1000.

причиной которого было активное участие русофилов в неославянском движении. Развитие контактов с «державной Русью» усилило позиции так наз. «молодых» русофилов, окончательно отказавшихся от традиционного «рутенизма» и вставших на открыто про-российские позиции. Одновременно более близкое знакомство российской общественности с ситуацией в Галиции способствовало усилению восприятия восточнославянских земель Австро-Венгрии как части общерусского этнокультурного и исторического пространства. Негативными последствиями раскола в русофильском движении стало ослабление его политического влияния, значительная утрата парламентского представительства как на общеимперском, так и на провинциальном уровнях. В целом усиление про-российской ориентации привело к ослаблению связей русофилов с имперским центром, постепенной его маргинализации.

Определенные проблемы испытывало и украинское движение. Прежде всего, несмотря на явное укрепление позиций самого движения в общеимперском и провинциальном масштабе, среди украинских деятелей Австро-Венгрии не было единства во взглядах относительно будущего ни самого движения, ни украинского народа в целом. Хотя основной целью украинского движения было провозглашено достижение единства украинского народа и создание культурно-национальной автономии, а в дальнейшей перспективе и достижение национальной независимости, конкретный путь к этой цели оставался пока невыясненным. В результате разногласия по целому ряду принципиальных вопросов привели к тому, что «соборность», единство украинского народа, о которой так много говорили и к которой так стремились в начале XX в. украинские активисты, оставалась недостижимой. Интересы пред-

ставителей российской и австрийской частей Украины практически не совпадали. Это, в частности, стало причиной острого конфликта одного из основных идеологов украинской «соборности» М.С. Грушевского с галицийскими украинцами.

Конфликт назревал давно. Еще в 1907 г. Грушевский с горечью констатировал, что надежды на помощь российской Украине со стороны Галиции, которая привыкла, что «украинцы интересуются ее культурной и общественной жизнью... и считала себя передовой частью украинского народа, которая далеко опередила бедную российскую Украину»<sup>33</sup>, столь же нереальны, как помощь «богатой людьми и капиталами Украины бедной несчастливой Галичине». Грушевский отмечал усиливающийся разлад между двумя частями Украины. Он предостерегал: «До сих пор Галичина шла, а Украина стояла или шла вместе с Галичиной... теперь Украина пойдет своей дорогой, и ее отдаление от Галиции будет усиливаться с каждым шагом»<sup>34</sup>. Первоначально основную ответственность Грушевский возлагал на тех представителей украинского движения в России, которые не только не стремились к объединению украинского движения, но, напротив, все чаще говорили о необходимости избавления от галицийского влияния. Но с течением времени усиливалось его недовольство и действиями украинских политиков в Австро-Венгрии. В результате это стало причиной последнего и самого крупного конфликта Грушевского с галицийским украинцами.

Прежде всего этот конфликт проявился в окончательном разрыве Грушевского с НТШ в 1911 г. Его причинами были как межличностные отношения, так

<sup>33</sup> Грушевський М.С. З бижучої хвилі. Київ, 1907. С. 126.

<sup>34</sup> Там же. С. 129.

и принципиальное несогласие Грушевского с тем курсом, который был избран украинскими политиками в австрийском Рейхсрате и галицийском Сейме<sup>35</sup>. Непосредственным поводом для разрыва Грушевского с галицийским политическим «бомондом» стал выход его брошюры «Наша политика», в которой он жестко критиковал беспринципность украинских политиков, их постоянную готовность к компромиссу с властями — имперскими и провинциальными. Именно украинских лидеров Грушевский обвинял в том, что в Галиции теперь «все мертво» и что царит «мерзость запустения» там, где несколькими годами ранее «перед удивленными глазами наших врагов встала могучей силой армия украинского народа... с которой можно было добиться многого»<sup>36</sup>. Выступление Грушевского вызвало гневную отповедь со стороны галицийских украинцев. В газете «Діло» был опубликован анонимный фельетон «Гльосси до брошюри проф. Грушевського», авторство которого впоследствии признал один из учеников Грушевского, С. Томашевский. Автор обвинял Грушевского в антипатриотизме<sup>37</sup>. Последовали взаимные обвинения, в том числе в финансовой нечистоплотности, и результатом этого конфликта стал практически полный разрыв Грушевского не только с НТШ, но и со всей галицийской украинской элитой. Этот конфликт, а также сохранение во внутренней политике Российской империи антиукраинского курса привели если не к ослаблению контактов между

<sup>35</sup> Горинь В. Останній конфлікт М. Грушевського в НТШ // Михайло Грушевський і Західна Україна. Львів, 1995. С. 35–40.

<sup>36</sup> Грушевський М. Наша політика. Львів, 1911.

<sup>37</sup> Шаповал Ю., Верба І. Михайло Грушевський. Київ, 2005. С. 122.

деятелями украинского движения обеих частей Украины, то к заметной их формализации.

Украинское движение в Австро-Венгрии также не было достаточно консолидированным. Три его группы — «народовцы», радикалы и буковинские украинцы — зачастую выступали самостоятельно. И хотя их позиции по принципиальным вопросам совпадали, консолидация украинского движения на уровне парламентского представительства шла трудно. Позднее, после выборов в Сейм в 1913 г., был создан также и единый Украинский клуб в Сейме, что, по мнению украинских лидеров, способствовало консолидации украинского общества в Галиции вообще и, в частности, преодолению давних противоречий между УНДП и РУРП. Таким образом, украинское движение в Галиции стремилось к объединению, и в значительной мере достижению этой цели способствовала та активная политическая борьба, которую вели украинские активисты. Двумя основными, принципиально важными моментами в этой борьбе стали требования об изменении избирательного закона, которая изменила бы принцип формирования, и о создании самостоятельного украинского университета.

Развитие национально-политических движений восточнославянского населения Галиции привело к росту национальных противоречий в крае, поскольку интересы и русофильского, и, в значительно большей степени, украинского движения вступали в противоречие с интересами динамично развивавшегося польского национального движения. Польско-русинские, а точнее, польско-украинские отношения в этот период достигли состояния острого конфликта, мирное разрешение которого в существующих условиях было крайне затруднительным.

## ГАЛИЦИЙСКИЙ СЕЙМ: КОНФРОНТАЦИЯ И КОМПРОМИСС

**В**ыше уже говорилось о том, какое значение имела для Галиции реформа местного избирательного закона. С начала 1860-х гг. Сейм в значительной степени определял внутреннюю политику в провинции. При этом сама структура Сейма была такова, что ведущую роль играли представители крупного польского землевладения. Это обеспечивалось в первую очередь куриальной избирательной системой, правовым обоснованием которой были Краевой статут и Избирательная ординация. Согласно этим правовым документам, 150 членов галицийского парламента представляли 6 общественных групп на основе их имущественного состояния. Первые две группы, т. н. «вирилистов», состояли из представителей церкви (7 архиепископов и епископов), а также ректоров львовского и краковского университетов. Остальные депутаты избирались от четырех курий — представителей крупного землевладения, крупной торговли и ремесла, городского населения и сельского населения. Всего в Галиции правом голоса обладало около 10% населения, что в целом соответствовало положению дел и в остальных частях Габсбургской монархии. Подобная система

гарантировала преобладание в Сейме представителей крупного землевладения (эту курию представляли 44 депутата)<sup>1</sup>. При этом, так или иначе отражая социальную структуру галицийского общества, избирательный закон практически игнорировал национальный фактор. Представителям «русского» населения гарантированы были лишь 3 депутатских места в категории «вирилистов» — представителей грекокатолического духовенства (львовский митрополит и перемышльский и станиславский епископы), остальные места добывались в сложной и нередко драматичной борьбе, и число депутатов-русинов всегда было непропорциональным относительно численности населения. Тем не менее для формирования национального самосознания парламентская и околопарламентская деятельность играли важнейшую роль, позволяя «русскому» населению принимать участие в политической жизни провинции и законными методами отстаивать свои права<sup>2</sup>.

Выборы как в Сейм, так и в Рейхсрат проходили в нервной, драматической обстановке, что было вызвано острым противостоянием польских и «русских» кандидатов. Уже в конце XIX в. существующая избирательная система все чаще подвергалась критике со стороны как представителей польских национально-демократических и либеральных движений, так и активистов украинского движения. Необходимость модернизации галицийского законодательного собрания осознавали и представители польской консервативной элиты. Так, например, наместник К. Бадени уже в 1894 г. решился на проведение ряда изменений

<sup>1</sup> Архуша О. Галицький Сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 10.

<sup>2</sup> Там же. С. 4.

в избирательной системе и учредил пятую, всеобщую курию, к которой относилось население мелких городов и сельской местности. От этой курии в Сейм проходили 72 депутата. Выборы при этом в последней курии были двухуровневыми. Однако вопрос о реформе Сейма не только сохранил свое значение, но, напротив, по мере развития национальных движений в регионе становился все более актуальным.

В начале XX в. проблема преобразований в области местного избирательного права была тесно связана с борьбой за либерализацию избирательного права в общеимперский парламент. Принятие нового избирательного закона и успех на выборах как польских демократических партий, так и партий, представляющих интересы «русского» населения, стали дополнительным стимулом к продолжению борьбы за преобразование местных законодательных органов. Кроме того, закон, принятый одновременно с избирательным, существенно расширял полномочия местных представительных учреждений, что сделало вопрос о преобразовании галицийского Сейма особенно актуальным.

Уже на осенней сессии Сейма 1907 г. М. Бобжинский, один из лидеров консервативной правой фракции, представил свой проект реформы, направленный прежде всего на то, чтобы сохранить за поляками большинство в Сейме, а консерваторам обеспечить ведущую роль в этом большинстве<sup>3</sup>. При этом проект предполагал демократизацию самой избирательной системы и участие в выборах широких слоев общественности. Однако

<sup>3</sup> Аркуша О. Міхал Бобжинський та українське питання в Галичині // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2000. Вип. 35–36. С. 168–207.

проект Бобжинского вызвал острую критику и со стороны демократических партий, и со стороны консерваторов, и первая попытка реформирования Сейма закончилась ничем.

В следующем, 1908 г. проходили очередные выборы в Сейм. Тогда польские консерваторы вновь попытались использовать свое положение для ослабления чрезмерно с их точки зрения радикальных украинцев, поддержав умеренных русофилов, т. н. «старорусинов», что, как уже говорилось, стало причиной покушения на наместника Галиции графа Анджея Потоцкого. Следует при этом отметить, что поддержка русофилов со стороны наместника была скорее тактическим шагом, нежели сменой курса администрации в отношении «русского» населения. Как сообщал представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПБТА) Сергей Колосов, «поддерживая старорусов против украинцев, граф Потоцкий не имел в виду поощрения русофильства в Галиции. После выборов он заявил нынешнему наместнику Бобжиньскому, что, как наместник, может признавать в Галиции только тех русских, которые исповедуют национальную малорусскую обособленность, поэтому... предложил назначить вице-маршалом Сейма Е. Олесницкого»<sup>4</sup>. Сам Бобжиньский отмечал в своих воспоминаниях, что Потоцкий предложил этот пост Евгению Олесницкому, известному правоведа и достаточно умеренному украинскому политику, еще до выборов, что являлось лишним свидетельством того, что наместник не был намерен разрушать сложившуюся систему отношений между администра-

---

<sup>4</sup> Записка С.П. Колосова «Из польской печати. Поляки об украинофильской политике». 5(18) июля 1912 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 744/802. Л. 213–215.

цией и украинскими партиями<sup>5</sup>. Однако Олесницкий отказался от предложения наместника, решив сохранить за собой пост председателя Украинского клуба в Рейхсрате. Вместо него вице-маршалом Сейма стал другой видный украинский политик — Константин Левицкий. Также галицийская администрация поддерживала украинцев и в другом важном вопросе — введении представителя «русского» населения в краевое (провинциальное) правительство. Наместник склонялся к избранию представителя украинского направления, хотя значительная часть польских консерваторов выражала готовность поддержать «старорусина», т. е. представителя умеренных русофилов. Этому способствовали также и надежды польских представителей на изменение политики российского правительства в польском вопросе, которые еще более усилились после Славянского съезда в Праге и последующей поездки русских делегатов по Галиции. С этих позиций поддержка умеренного русофила в качестве кандидата в краевом правительстве могла способствовать улучшению польско-русских отношений. Тем не менее на заседании польской фракции в Сейме большинство поддержало украинского кандидата. В поддержку подобного решения высказались и представители центрального правительства, опасавшиеся, что в противном случае украинские депутаты Рейхсрата прибегнут к обструкции. В результате одобрение получила кандидатура украинца И. Кивелюка<sup>6</sup>. Таким образом, в 1908 г. позиции украинцев в Галиции укрепились, чему во многом способствовала поддержка со стороны Вены. Это позволило

<sup>5</sup> *Bobrzyński M. Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków, 1957. S. 7.*

<sup>6</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 126.*

украинским активистам усилить борьбу за реализацию своих основных требований — создание украинского университета и увеличение числа украинских средних школ, реформу избирательного закона и введение в состав краевого правительства большего числа представителей украинских партий.

Необходимость преобразований понималась и в польском лагере. Во многом этому способствовали изменения в Сейме, произошедшие после выборов 1908 г. Польские консерваторы получили только 66 мест, «левая фракция», в которую входила Национально-демократическая партия и польские демократы, получила 30 мест, Партия сторонництва людового (ПСЛ) получила 20 мандатов. Украинские партии представляли 15 депутатов, русофилы смогли провести 9 представителей. Таким образом, ни одна из влиятельных политических сил в Галиции не получила преимущества. Более того, консерваторы были разделены на три фракции, что существенно ослабляло их позиции. При этом, как отмечал в своих воспоминаниях М. Бобжиньский, консерваторы «едины были только в составе правой фракции Сейма, на деле же расходились даже в самом принципе консерватизма»<sup>7</sup>. По его словам, восточногалицийские консерваторы, т. н. «подоляки», стремились к сохранению status quo, не признавая необходимости реформы Сейма, «русский» же вопрос считали исключительно местным, восточногалицийским. «Украинизм» вызывал у них опасения своей радикальностью, именно поэтому «подоляки» видели в украинцах исключительно враждебную силу. Благодаря тому, что ни одна из партий не получила большинства, Сейм был поставлен перед необходимостью формирования коалиций.

---

<sup>7</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 176.*

Еще в конце 1907 — начале 1908 г. был заключен тактический союз между ПСЛ и западногалицийскими консерваторами («станчиками»). Их объединяла готовность пойти на определенные уступки украинской стороне в вопросе избирательной реформы.

Важно отметить также, что о необходимости избирательной реформы говорили только представители украинского движения. Русофилы же практически устранились от политической борьбы, сосредоточившись на культурной работе. Это позволяет говорить именно о польско-украинских переговорах, на которых украинские представители выступали от имени всего «руського» населения. Они заняли жесткую позицию на переговорах, настойчиво добиваясь выполнения своих требований.

Деятельность Сейма в 1909–1910 гг. вызывала неудовольствие украинских партий, которым за эти годы не удалось добиться реализации ни одного из значимых для украинского движения пунктов. В то же время украинские избиратели (в массе своей — сельское население Восточной Галиции) настаивали на проведении заявленных реформ и неодобрительно относились к достаточно пассивной политике украинских депутатов Сейма и Рейхсрата. Это первыми почувствовали украинские радикалы, теснее других связанные с деревней. На партийном съезде, проходившем в феврале 1909 г., неоднократно высказывалось недовольство политикой украинских представителей в законодательных органах, раздавались призывы к созданию отдельного парламентского клуба<sup>8</sup>. Это заставило украинских представителей активизировать деятельность как в области борьбы за украин-

<sup>8</sup> *Buszko J. Sejmowa reforma wyborcza w Galicji 1905–1914. Warszawa, 1956. S. 142.*

ский университет и учреждение «русских» гимназий, так и в отношении избирательной реформы.

В 1910 г. наметились основы компромисса между польским и украинским национальным движением, базировавшегося прежде всего на обоюдной лояльности по отношению к Вене, а также на обоюдном стремлении ослабить русофильское движение, в котором начали преобладать более радикальные элементы. Это способствовало тому, что обсуждение избирательной реформы заметно оживилось. 3 октября 1910 г. на заседании комиссии по проведению избирательной реформы К. Левицкий от имени Украинского клуба в Сейме выступил с декларацией, в которой украинские депутаты требовали проведения реформы на основе демократических принципов, т. е. введения прямого тайного голосования, при этом настаивая на гарантии того числа мандатов для себя, которое соответствовало бы проценту «русского» населения. Левицкий подчеркнул, что «это, возможно, последняя минута, когда при подготовке реформы можно урегулировать и польско-русские отношения... а мы требуем такого избирательного права, чтобы на своей земле мы могли бы сами решать... вопросы, и чтобы против нашей воли в нашем крае ничего бы не происходило»<sup>9</sup>.

В свою очередь, польские представители, прежде всего «людовцы» и польские демократы, также настойчиво требовали начала подготовки реформы. В ноябре 1910 г. в комиссию Сейма по подготовке избирательной реформы были представлены предложения польской стороны, вернее, партий, объеди-

---

<sup>9</sup> *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 551.

нившихся в «левый блок» — эндеков и независимых демократов. Согласно этим предложениям, Сейм должен был состоять из 192 депутатов, число «вирилистов» должно было быть увеличено на 3 человека за счет включения в их состав проректоров университетов, 177 депутатов должны были избираться прямым тайным голосованием. О выделении какой-либо квоты для представителей «русского» населения в программе не говорилось. Таким образом, программа предполагала демократизацию Сейма в целом, без выделения национальных квот. На заседаниях Сейма разгорелась ожесточенная дискуссия. Украинские депутаты настаивали на гарантии не менее чем 31% мандатов для «русской» народности, участия своих представителей в работе краевых органов власти, прежде всего в Школьном совете. Требования украинцев, высказанные в ультимативной форме, вызвали резкое неприятие польской стороны, в результате переговоры зашли в тупик. В то же время необходимость достижения компромисса и начала преобразований в местной избирательной системе осознавалась всеми сторонами конфликта. Возможно, поэтому К. Левицкий высказывал позднее мысль о том, что именно осенняя сессия 1910 г. стала переломным моментом в ходе подготовки избирательной реформы<sup>10</sup>.

Заметное влияние на дальнейшее развитие переговорного процесса оказали выборы в парламент, проходившие в 1911 г. В ходе их заметно изменилось как положение польских партий, так и положение украинцев и русофилов. Прежде всего, частично утратила свои позиции польская Национально-демократическая партия, уступив свое влияние ПСЛ и консерваторам. Украинские представители сумели провести

<sup>10</sup> Там же. С. 559.

в парламент 24 депутата от Галиции и 5 от Буковины, что на 3 места меньше, чем в 1907 г. Сами украинцы причину этого видели в том, что выступали на выборах не солидарно, а двумя группами — УНДП с одной стороны, РУРП и социал-демократы — с другой<sup>11</sup>. Ослабили также позиции русофилов, на долю которых пришлось всего 2 мандата. Новое распределение сил в Рейхсрате отметил посол в Вене М.Н. Гирс, по словам которого Национально-демократическая партия, «преследовавшая утопическую идею воссоздания Польши... и в своих сношениях с австро-венгерским правительством нередко жертвовавшая экономическими и насущными интересами страны ради ее политической самостоятельности»<sup>12</sup>, утратила значительную часть своих мандатов, и первенство перешло к представителям ПСЛ и консерваторам, «которые хотя и не лишены националистической тенденции, будут добиваться экономических выгод для Галиции»<sup>13</sup>. Очевидно, что в сокращении влияния польской национальной демократии дипломат видел благоприятное для России явление. Говоря о положении «русских» национально-политических движений, Гирс отмечал рост радикализма украинских партий, поддерживаемый центральными властями, которые, в свою очередь, рассматривают украинское движение как «способ получить влияние в Русской Украине»<sup>14</sup>. Также посол обратил внимание на то, что русофильское (русское) движение переживает кризис, вызванный расколом в его среде, который если и не

<sup>11</sup> Там же. С. 573.

<sup>12</sup> Н.Н. Гирс — А.А. Нератову. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 137–140.

<sup>13</sup> Там же. Л. 137.

<sup>14</sup> Там же.

был спровоцирован, то достаточно умело был использован поляками. Они, поддерживая «умеренных» русофилов, сумели ослабить позиции и их более радикальных единомышленников, и частично украинцев. О подобных «противоестественных комбинациях» писал в своих воспоминаниях и М. Бобжиньский. Он отмечал, что «некоторые (восточногалицийские) консерваторы, видя перед собой только украинский радикализм... готовы были выбить клин клином еще худшим — украинцев приверженцами российской пропаганды и православия»<sup>15</sup>. Сам Бобжиньский как представитель другого, западногалицийского крыла консерватизма опасался усиления «молодых» русофилов и был склонен к поискам компромисса с более умеренными «старорусинами», видя в них «консервативный элемент». Однако позицию наместника разделяли далеко не все, и в результате компромисса, заключенного представителями польской фракции в Рейхсрате во главе с представителем польской национальной демократии Гломбиньским и парламентского же Украинского клуба, а также польского Национального совета (Рады Народовой), представители умеренных русофилов были практически вытеснены из Рейхсрата. Как отметил наместник, «с этого времени роль старорусинов в Галиции закончилась, и в общественной жизни остались только москвофилы и украинцы»<sup>16</sup>. Таким образом, уже в 1911 г. украинские партии, прежде всего УНДП, становятся основными политическими представителями интересов «русского» населения Галиции, что во многом способствовало активизации их усилий как в вопросе проведения избирательной реформы, так и в борьбе

<sup>15</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 243.*

<sup>16</sup> *Ibid. S. 253.*

за университет. При этом следует подчеркнуть, что в дискуссию о преобразованиях внутри провинций, в особенности в Галиции, практически пользовавшейся полной самостоятельностью, центральные власти, как правило, не вмешивались. Однако украинская сторона стремилась привлечь к разрешению конфликта Вену, активно используя приемы парламентской борьбы, в том числе обструкции. Опасаясь того, что работа в общеавстрийском парламенте будет парализована, имперское правительство вмешивалось в польско-украинский конфликт, что оказывало на течение переговоров серьезное влияние.

В 1911 г. активизировалось формирование двух противоборствующих блоков в Сейме. Важную роль в этом процессе играл внешнеполитический фактор, прежде всего рост напряженности в австро-российских отношениях. В среде как польских, так и «русских» партий все заметнее обозначались две ориентации — проавстрийская и пророссийская. Выше уже говорилось о том, что в 1909–1910 гг. на открыто пророссийские позиции перешла значительная часть русофилов. К необходимости урегулирования отношений с Россией, причем не только на государственном, но и на общественном уровне, склонялись и влиятельные польские партии — Национально-демократическая и восточногалицийские консерваторы. Напротив, проавстрийские позиции занимали западногалицийские консерваторы, людовцы, независимые польские демократы. Безусловно, на проавстрийских позициях стояли и украинцы. В 1910–1911 гг. проавстрийски настроенный «блок наместника», прежде всего под влиянием позиции самого Бобжиньского, заметно усилил свои позиции. Входившие в него польские политики осознавали необходимость консолидации внутри проавстрийской ориентации и выступали

за достижение скорейшего соглашения с украинской стороной в вопросе избирательной реформы<sup>17</sup>. При этом сложность состояла в том, что большая часть польских депутатов Сейма готовы были принять только тот вариант реформы, который способствовал бы урегулированию отношений и был бы принят украинской стороной, но при этом не ущемлялись бы польские интересы.

На рубеже 1911–1912 гг. переговоры между представителями польских и украинских партий вышли на новый уровень. Большинство польской фракции Сейма, прежде всего представители «Блока наместника», высказались за начало переговоров с украинской стороной с целью согласования требований. Первым шагом в этом направлении стало обращение председателя Польского коло Л. Билиньского к председателю Украинского клуба К. Левицкому 9 ноября 1911 г. с предложением принять участие в переговорах, на которых должны были бы обсуждаться принципы мирного сосуществования обоих народов<sup>18</sup>. Левицкий ответил согласием, но при условии, что вопрос об избирательной реформе не будет на переговорах увязываться с другими спорными вопросами. Украинские требования к концу ноября 1911 г. были сформулированы следующим образом: 33% мандатов, создание отдельной национальной курии, создание одномандатных национальных округов, увеличение числа представителей сельской курии, сохранение существующего числа «вирилистов», введение 3 украинских представителей в состав краевого правительства<sup>19</sup>. Таким образом,

<sup>17</sup> *Зашильняк Л., Крижун М.* Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002. С. 419.

<sup>18</sup> *Buszko J.* Sejmowa reforma wyborcza. S. 188.

<sup>19</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 591.

основной смысл украинских требований заключался в максимальном увеличении своего представительства и, вместе с тем, твердых гарантиях относительно числа мандатов.

Сами переговоры начались в январе 1912 г. при участии министра-президента Штюргга и заместника Бобжиньского. Переговоры эти выявили основные разногласия. Со своей стороны поляки готовы были предложить 25% мандатов, создание двухмандатных округов, от которых выдвигались бы и польские, и украинские кандидаты. Также выражалась готовность ввести в состав краевого правительства двух представителей «русского» населения, при условии, что кандидатура одного из них будет одобрена большинством голосов в Сейме. Также польская сторона настаивала на том, что украинцы поддержат в Вене требования о расширении автономии Галиции. Несогласованным оставался и ряд других вопросов<sup>20</sup>. Несмотря на то, что сторонам все же удалось достичь определенных договоренностей, причем, по мнению заместника, «важнейшим было соглашение о том, что... мандаты не могут быть отобраны поляками у украинцев и наоборот»<sup>21</sup>, переговоры зашли в тупик.

Украинцы вновь прибегли к своему излюбленному средству — обструкции Сейма. Как писал один из украинских активистов Л. Цегельский, «двенадцать украинских депутатов довели до абсурда все заседания польского парламента»<sup>22</sup>. Цегельский с воодушевлением повествовал в своей статье о «музы-

<sup>20</sup> Архуша О. Міхал Бобжинський та українське питання... С. 196.

<sup>21</sup> Bobrzyński M. Ibid. S. 263.

<sup>22</sup> Цегельський Л. По сесії галицького сойму // ЛНВ. 1912. Т. 57. Кн. 2. С. 363–378.

кальной» сессии галицийского законодательного собрания, когда украинские депутаты, производя невероятный шум с помощью дудок и других подручных средств, практически парализовали его работу. При этом автор пояснял позицию украинской стороны, подчеркивая, что она не хотела «вдаваться в детальные переговоры, пока польская сторона не обозначит число мандатов, которые она согласна предоставить украинцам». Таким образом, переговоры велись параллельно с обструкцией, что, несомненно, затрудняло переговорный процесс.

Тем не менее он продолжался. В сентябре 1912 г. и польские, и украинские партии провели ряд собраний, на которых уточнили свои требования. Одним из спорных моментов стал т. н. «национальный кадастр», на основе которого украинская сторона предполагала создание национальных избирательных округов. В целом к принятию «национального кадастра» склонялись и представители польской национальной демократии, пессимистично оценивавшие силы польского элемента в Восточной Галиции. В свою очередь, польские консерваторы негативно относились к этой идее, опасаясь, что ее реализация приведет к эскалации национального конфликта и ослаблению польских позиций. Со своей стороны консерваторы предлагали пропорциональную систему, при которой от одного округа могли выдвигаться несколько кандидатов. По их мнению, это лишило бы предвыборную борьбу характера межнационального конфликта<sup>23</sup>. Негативно относились консерваторы и к идее создания отдельной национальной курии, что было принципиальным для украинской стороны. В сентябре

---

<sup>23</sup> Архуша О. Міхал Бобжинський та українське питання... С. 198.

1912 г. наместник заявил на встрече с К. Левицким, что при сохранении куриальной системы, как настаивали украинские представители, увеличение числа «русских» мандатов представляет большие сложности. Поскольку польская сторона настаивала на том, что в курии сельских обществ соотношение мандатов должно соответствовать соотношению национальностей, это не давало бы возможности украинским представителям получить даже те 26,4% мандатов, на которые была согласна польская сторона. Учитывая, что поляки выступали против увеличения числа «русских» представителей от курий крупной земельной собственности и городов, Бобжиньский предложил создать отдельную курию средней собственности, в которой «русские» представители могли бы претендовать на половину мандатов<sup>24</sup>.

В октябре 1912 г. президиум УНДП ответил официальным отказом на предложения наместника. Прежде всего, украинскую сторону не устраивали требования введения пропорциональной системы выборов и двухмандатных округов, на которых настаивала польская сторона. Л. Цегельский, поясняя позицию украинской стороны, указывал прежде всего на то, что официальная статистка, на основе которой должен был быть составлен «национальный кадастр», не отражала подлинного соотношения польской и «русской» национальностей в крае. Введение двухмандатной системы, с его точки зрения, лишь способствовало бы сохранению власти польской аристократии в крае. При этом в своей статье, помещенной в октябрьском номере «ЛНВ», Цегельский подчеркивал, что основной помехой переговорному процессу является позиция польских консерваторов, которые вообще не

---

<sup>24</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 276–278.*

выдвинули своих предложений относительно процента украинских мандатов, то есть проявили нежелание вести переговоры в принципе. Напротив, польские демократические партии, утверждал Цегельский, «заняли позицию, отличающуюся от украинской лишь количеством украинских мандатов»<sup>25</sup>. Тем самым, очевидно, украинский публицист стремился подчеркнуть, что польско-украинская полемика носит не национальный, а скорее социальный характер. Безусловно, это не вполне соответствовало действительности. Именно польская Национально-демократическая партия наиболее последовательно выступала против уступок в переговорах с украинскими партиями, и, напротив, западногалицийские консерваторы («станчики»), к числу которых принадлежал и наместник М. Бобжиньский, выступали за углубление переговорного процесса. Таким образом, отношение польских партий к переговорам с украинскими представителями в значительно большей степени зависело от их стратегической задачи — создания независимого польского государства, включавшего бы в себя также земли с непольским населением, или же сохранения привилегированного положения Галиции в качестве коронного края Австрийской монархии.

Под нажимом центральных властей (М. Бобжиньский отмечал, что именно украинцы охотнее и чаще апеллировали к центральному правительству) в декабре 1912 г. при переговорах между руководителями фракций в целом было достигнуто соглашение по основным принципам избирательной реформы<sup>26</sup>. В феврале 1913 г. в Вене состоялась встреча намест-

<sup>25</sup> *Цегельський Л.* Справа виборчої реформи для галицького сойму // ЛНВ. 1912. Т. 60. Кн. 11. С. 357–380.

<sup>26</sup> *Bobrzyński M.* Ibid. S. 284.

ника с представителями Рейхсрата, настаивавшими на окончательном согласовании требований сторон. Наместник и представители партий «блока» подчеркивали, что для выполнения требований украинской стороны необходимо выделить им всего два дополнительных мандата, что не может принципиально повлиять на политический расклад в Сейме. Как заявил один из лидеров консерваторов Д. Абрагамович, ради двух мандатов не стоит разрывать соглашение<sup>27</sup>, с чем согласились и остальные участники встречи. Вопрос вновь был передан в комиссию по избирательной реформе Сейма для выработки окончательного варианта. В конце февраля комиссия собралась на заседание, где развернулась продолжительная дискуссия, в ходе которой члены комиссии, опираясь на позицию своих партий, стремились внести в проект свои поправки. Тем не менее переговоры об избирательной реформе, несомненно, продвинулись вперед.

Соглашение, достигнутое в феврале 1913 г., вызвало недовольство партий «антиблока», прежде всего восточногалицийских консерваторов и национальных демократов. По их мнению, невозможность компромисса с украинскими партиями была обусловлена стремлением самих украинцев вытеснить из Восточной Галиции польский элемент, поэтому любое подобное соглашение представляло для польского движения опасность. При этом консерваторы-«подоляки» не оставляли надежду на постепенную полонизацию «русского» населения, в то время как эндеки, осознавая нереальность этого, основной акцент делали на необходимости противодействия усилению украинского движения. Неожиданную поддержку партии «антиблока» получили со

---

<sup>27</sup> Ibid. S. 318.

стороны польского епископата, выступившего против соглашения по реформе<sup>28</sup>. В результате польское большинство Сейма отказало в поддержке проекту реформы, что стало причиной отставки М. Бобжиньского с поста наместника Галиции. Критика, которую обрушили на него противники соглашения, прежде всего национальные демократы, сделала невозможным его дальнейшее пребывание на посту наместника, и 14 мая 1913 г. он подал в отставку. Новым наместником Галиции стал В. Корытовский, также принадлежавший к партии западногалицийских консерваторов, однако более лояльно относившийся к позиции «антиблока».

С целью интенсифицировать переговорный процесс указом императора Франца Иосифа Сейм был распущен и назначены новые выборы, состоявшиеся в июне 1913 г. Комментируя их результаты, российский посол Н.Н. Гирс отметил, что их нельзя назвать очень утешительными для правительства, которое надеялось, что «выборы дадут большинство сторонникам нового избирательного закона»<sup>29</sup>, чего не произошло. «Главным же результатом оказалось увеличение числа украинцев в Сейме и обострение отношений между поляками, сочувствующими реформе и ей не сочувствующими»<sup>30</sup>, что, по мнению Н.Н. Гирса, могло лишь усугубить ситуацию в крае. Посол отметил, что поскольку количество украинских мандатов возросло с 21 до 35, а «такое соотношение, пожалуй, выгоднее, чем то, которое устанавливалось соглашением... то можно ожидать предъявления украинцами новых

<sup>28</sup> *Buszko J. Sejmowa reforma wyborcza w Galicji...* S. 244–250.

<sup>29</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 4/17 июля 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470, 1913 г. Д. 2. Л. 10–11.

<sup>30</sup> Там же. Л. 11.

претензий»<sup>31</sup>. Оценивая соглашение, «достигнутое минувшей зимою в Вене при деятельном участии министра-президента ф. Штюргка и заместника Бобжиньского»<sup>32</sup>, Гирс писал, что оно удовлетворило «по-видимому украинцев, а также более прогрессивные польские партии»<sup>33</sup>. Гирс отметил, что, согласно договоренности, «рутенам» предоставлялось 27% мест в Сейме, а также представительство в Земской управе (Ausshuss). Но при обсуждении этого соглашения во львовском Сейме против него резко выступили консерваторы, прежде всего восточногалицийские, так называемые подоляки, чьи интересы ущемлялись даже такими незначительными уступками, что и стало причиной переноса переговоров в Вену<sup>34</sup>.

При этом посол отмечал, что соглашение это, безусловно, не окончательное, поскольку «с одной стороны русины упорно отстаивают то, что им удалось выговорить соглашением, с другой консерваторы... упорно отказываются допустить принцип отдельной для русинов курии и вообще таких уступок, которыми нарушался бы принцип целостности Галиции как польской земли»<sup>35</sup>. Подводя итоги, посол делал вывод о том, что «дело о выборной реформе в Галиции сводится к конфликту между двумя течениями среди поляков по отношению к русскому элементу в Галиции. При этом центральное правительство и, насколько известно, сам монарх стоят за частичное удовлетворение национальных вожделиний русинов, которые им

<sup>31</sup> Там же. Л. 11.

<sup>32</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 11/24 апреля 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 14. Л. 31–32.

<sup>33</sup> Там же. Л. 31.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Там же. Л. 31.

особенно любезны в виде украинцев. От того, в каком направлении разрешится настоящий кризис, в значительной мере будет зависеть дальнейшая участь Галиции и взаимное соотношение населяющих ее двух народностей»<sup>36</sup>.

Осенью 1913 г. переговоры между польскими и украинскими представителями возобновились при активном участии центральных властей. В донесении поверенного в делах посольства в Вене Н.А. Кудашева сообщалось о приезде в Вену нового наместника Галиции Корятовского для доклада о ходе дела во вверенной ему провинции самому императору и для совещания с австрийским премьером и лидерами Польского кола и Украинского клуба. При этом в подтверждение своего мнения об искусственности украинского движения Кудашев привел слова самого Корятовского, сказанные якобы в ответ на вопрос императора о том, на каком языке говорит местное население: «Наместник будто бы ответил, что на одном из наречий русского языка и что термин “украинский” не прививается среди червонорусского населения и поэтому во время последних выборов в Сейме даже лидеры “украинской партии” твердили везде о “руськом” народе и “руських” интересах»<sup>37</sup>. Говоря о перспективах избирательной реформы, Кудашев отмечал, что «единственный способ сделать Сейм работоспособным — это провести избирательную реформу, а для того чтобы добиться этого, необходимо примирить украинцев с поляками». Тем самым Кудашев вынужден был косвенно признать растущее влияние украинской партии на внутреннее положение Галиции.

<sup>36</sup> Там же. Л. 32.

<sup>37</sup> Н.А. Кудашев — А.А. Нератову, 24 октября / 6 ноября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 52–54.

Польско-украинские переговоры осени 1913 г. продвигались крайне медленно, обе стороны конфликта не хотели отступать от своих требований, и император Франц Иосиф в ноябре 1913 г. прекратил переговоры и созвал избранный летом Сейм для проведения реформы. По мнению того же Кудашева, такой шаг правительства лишний раз доказывал его решимость во что бы то ни стало прекратить польско-украинский конфликт. Оценивая перспективы такого урегулирования, Кудашев писал, что «если избирательная реформа будет принята Сеймом, то только благодаря искусному давлению правительства, которое уже выразилось в факте созыва Сейма, не дожидаясь окончания польско-русинских переговоров»<sup>38</sup>.

Устав от неудач в переговорном процессе, и центральные власти, и представители сторон, участвовавших в переговорах, начали поиск человека, обладающего достаточным авторитетом, прежде всего в украинской среде, который мог бы повлиять на ход переговоров. Таким человеком стал митрополит Галицкий А. Шептицкий. Как правило, он избегал непосредственного участия в политическом процессе, особенно если тот был инициирован украинскими радикальными политиками, однако на этот раз лидер Украинского клуба К. Левицкий сумел убедить Шептицкого в необходимости такого шага. Сам Шептицкий участие в переговорах оценивал как свой общественный долг<sup>39</sup>.

<sup>38</sup> Н.А. Кудашев — С.Д. Сазонову, 21 ноября / 2 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133 Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 67–69.

<sup>39</sup> *Расевич В.* Нові матеріали до історії українсько-польської Сеймової угоди 1914 року // *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність.* Львів, 2001. С. 529–542.

26 января 1914 г. митрополит выступил на заседании Сейма с речью, которая содержала ряд компромиссных предложений, прежде всего относительно участия украинских представителей в провинциальном правительстве и создания двухмандатных округов в тех частях провинции, где численность польского населения не превышала 35%. В заключение своей речи, часть которой он произнес на польском, а часть на украинском языке, Шептицкий коснулся также вопроса о создании украинского университета, призвав польскую сторону проявить в этом вопросе добрую волю. Посредничество Шептицкого сыграло положительную роль, и переговорный процесс возобновился. Под нажимом правительства, стремившегося разрешить кризисную ситуацию в Галиции, уже 14 февраля проект соглашения был вынесен на сессию Сейма, где получил одобрение. В целом проект ничем не отличался от предлагавшегося М. Бобжиньским, хотя и не предусматривал создания дополнительной курии средних хозяев. Согласно принятому проекту, Сейм должен был состоять из 231 депутата, из них 61 — русины. В курии «вирилистов» им принадлежали 3 мандата, в курии крупных землевладельцев — 1, в курии городского населения — 6, во всеобщей курии — 3 и в курии сельских гмин — 48. Относительно участия украинских представителей в провинциальном правительстве договоренности предусматривали, что их будет двое.

По замечанию корреспондента СПбТА В. Сватковского, «любопытным показателем сути этого соглашения является особенное удовлетворение тех самых консервативных и клерикальных польских кругов, которые были главными виновниками недавнего провала первого проекта соглашения». Причину такой перемены в настроении консерваторов Сватковский

видел в том, что «поляки ограничились национальными уступками, и украинцы этими уступками вполне удовлетворились»<sup>40</sup>.

Таким образом, в начале 1914 г. вопрос об избирательной реформе в галицийский Сейм был практически решен. Сейм сохранял куриальную систему, при этом представительство от «русского» населения значительно возросло. При этом само оно стало практически полностью украинским. Тем самым украинское движение фактически оказалось основным представителем интересов восточнославянского населения Галиции.

---

<sup>40</sup> Донесение Сватковского «Внутреннее скрепление Австро-Венгрии», 23–26 февраля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 67–70.

## ЦЕЛЬ — УКРАИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Е**ще одной целью, поставленной перед собой деятелями украинского движения, было создание самостоятельного украинского университета.

Выше уже говорилось о том, что уже в начале XX в. студенческие выступления стали одними из первых массовых акций, прошедших под руководством УНДП. Первоначально речь шла о создании в стенах Львовского университета ряда украинских факультетов, что вызывало резкую неприязнь со стороны польской общественности. Не было ни одной польской партии, готовой пойти на уступки в этом вопросе. В 1903 г. на съезде польских политиков, проведенном по инициативе польской Национально-демократической партии, основной задачей была провозглашена борьба против «украинизма» и «германизма». В ответ на это на проведенном в то же время украинском съезде было заявлено о необходимости вести массовую работу для защиты национальных прав «русского» народа. Львовский университет оказался в эпицентре национальной борьбы<sup>1</sup>. При этом борьба эта носила драматический

---

<sup>1</sup> *Зашильняк Л., Крикун М. Історія Польщі. Львів, 2003. С. 418.*

характер, неоднократно происходили столкновения между студентами обеих национальностей<sup>2</sup>.

Если для польского общества сохранение польского характера Львовского университета имело принципиальный характер и было важной составляющей в борьбе за сохранение «польскости» Галиции, то и для украинских активистов этот вопрос имел не меньшее значение. В концепции одного из главных идеологов украинского движения М. Грушевского создание полной системы национального образования, включающего начальную и среднюю школу, а также высшие учебные заведения, имело первоочередное значение. Грушевский много писал о необходимости образования на родном языке, об открытии украинских школ в Российской империи, о необходимости создания национальных кафедр в российских университетах<sup>3</sup>. Однако первым реальным шагом могло бы стать открытие украинского университета в австрийской части Украины, и поэтому Грушевский придавал этому вопросу особое значение.

На протяжении всего первого десятилетия XX в. борьба за университет была скорее делом студентов-украинцев и поэтому носила характер молодежного движения, нередко принимая экстремистские формы. Тот же Грушевский писал, что «украинский университетский вопрос... идет от одного конфликта до другого, от одной катастрофы к другой»<sup>4</sup>. «Когда в крае воцарялось спокойствие, в университете про-

<sup>2</sup> Щеголев С.П. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 368.

<sup>3</sup> Грушевский М. Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 68.

<sup>4</sup> Грушевський М. Над свіжою могилою // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157–159.

исходила какая-нибудь авантюра», — писал другой непосредственный свидетель и участник происходившего, М. Бобжиньский<sup>5</sup>. Действительно, практически ежегодно происходили стычки между украинскими и польскими студентами, которых поддерживала польская университетская коллегия. О сецессии (выходе из университета) в 1901 г. около 600 студентов-украинцев уже говорилось выше. Стычки отмечались и в 1904 г., когда польские студенты избили группу студентов-богословов, требовавших преподавания на «руськом» языке<sup>6</sup>, и в 1905 г., когда состоялось настоящее побоище между польскими и украинскими студентами в стенах университета, и в 1907 г., когда студенты-украинцы забаррикадировались в аудиториях, подняв над университетом украинский флаг<sup>7</sup>. Затем наступил «спокойный период “органической работы”, которую нам так рекомендуют поляки, а в последнее время и некоторые голоса в украинской прессе», — так не без иронии писал «Літературно-науковий вісник»<sup>8</sup>, хотя Бобжиньский считал покушение на заместника Потоцкого также результатом чрезмерной радикализации студенческого движения.

Новый виток борьбы вокруг университетского вопроса начался в 1910 г. На этот раз инициатором конфликта стала польская сторона. В начале года сенат университета выступил с заявлением, в котором говорилось о необходимости сохранения и защиты польского характера университета. Это вызвало острую ответную реакцию со стороны Украинского клуба в

<sup>5</sup> *Bobrzyński M. Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków, 1957. S. 302.*

<sup>6</sup> *Левицький К. Указ. соч. С. 550.*

<sup>7</sup> *Щеголев С.П. Указ. соч. С. 368.*

<sup>8</sup> *Spectator. Процес 101 // ЛНВ. 1911. Т. 54. Кн. 5. С. 362–377.*

Рейхсрате и Сейме, против выступали профессора-украинцы, вновь прозвучали требования о создании украинского университета. 24 апреля 1910 г. состоялось «великое вече русинов города Львова», выступая на котором депутат Александр Колесса также призвал к созданию украинского университета<sup>9</sup>.

В апреле того же года польские студенты организовали т. н. «блокаду» университета, не допуская проведения студентами-украинцами никаких собраний и постоянно устраивая против них провокации. Ситуация постепенно накалялась, и 19 мая украинские студенты провели в стенах университета собрание, на котором потребовали от правительства скорейшего разрешения университетского вопроса, а от сената — снятия блокады и обеспечения студентам-украинцам возможности спокойно посещать занятия<sup>10</sup>. Напряжение усилилось, когда в конце июня украинские студенты организовали всеобщее собрание, на которое, помимо львовян, съехалось несколько десятков, даже сотен студентов из других городов<sup>11</sup>. В свою очередь польские студенты, большинство из которых принадлежало к национально-демократической партии, вступили с украинцами в настоящее сражение, забаррикадившись скамьями выход из аудитории, в которой те собрались. Следует отметить, что полиция не имела права входить на территорию университета, однако наместник Бобжиньский, зная заранее о проведении мероприятия, поскольку, как он писал, «речь могла идти о криминале... уполномочил полицию войти безотлагательно на территорию университета, если события примут таковой оборот»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> *Левцицький К.* Указ. соч. С. 557.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> *Spectator.* Процес 101 // ЛНВ. 1911. Т. 54. Кн. 5. С. 362–377.

<sup>12</sup> *Bobrzyński M.* Ibid. S. 206.

Действительно, и украинские, и польские студенты явились в университет с оружием, и драка между ними закончилась перестрелкой, в которой погиб украинский студент А. Коцко, также были раненые с обеих сторон. Поляки и украинцы обвиняли друг друга в развязывании перестрелки, причем польские студенты уверяли, что с их стороны выстрелов не было, и украинский студент погиб от случайного выстрела, и даже что он был убит своими товарищами. Однако украинская сторона указывала на явную предвзятость властей, вставших на сторону поляков. Арестованы были только украинские участники конфликта, поляки же проходили как свидетели, территория университета, где произошла драма, не была осмотрена полицией, не было найдено оружие, которое могло бы принадлежать польским студентам. Опасаясь, что похороны убитого будут превращены украинцами в демонстрацию, наместник предпринял все возможные меры безопасности. Никаких инцидентов не произошло, однако сам трагический случай красноречиво свидетельствовал о том, насколько накалена обстановка в университете.

Посол России в Вене Л.П. Урусов, с большим вниманием следивший за событиями в Галиции, отметил в своем донесении, что «эти беспорядки не явились неожиданностью. Взаимные отношения между польскими и украинскими студентами всегда были враждебными, и между ними неоднократно происходили более или менее серьезные столкновения»<sup>13</sup>. Оценивая политическое значение произошедших во Львове беспорядков, Урусов отмечал, что хотя они и не приведут к созданию отдельного украинского высшего учебного заведения, но создают новые затруднения

---

<sup>13</sup> Л.П. Урусов — А.И. Извольскому, 23 июня / 6 июля 1910 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 133–135.

правительству, которому приходится учитывать позиции обеих сторон<sup>14</sup>. Очевидно, по мнению Урусова, что правительство постарается найти компромиссное решение, поскольку «ему одинаково невыгодно вооружить против себя и поляков, и украинцев. От первых зависит правительственное большинство в парламенте. Украинцы же необходимы австро-венгерскому правительству как противовес влиянию поляков в Галиции, а кроме того, из Вены должны поддерживать эту искусственно созданную Австрией партию, в особенности после того, как русская партия получила политическое значение»<sup>15</sup>. В конце донесения посол приходил к выводу, что позиция центральных властей, от которых и зависело в итоге решение проблемы, была непосредственно связана с политическим расчетом. Необходимость сохранить политическое равновесие в Галиции, с одной стороны, и не допустить усиления здесь пророссийских настроений, с другой, вынуждала правительство приложить все возможные усилия для урегулирования конфликта. Посол отмечал также, что за последнее время, несмотря на усилия со стороны властей как-то сгладить ситуацию, противостояние между польским и украинским студенчеством только усилилось: «Не дожидаясь результата переговоров между вождями украинской партии и правительством по этому вопросу, радикально настроенная университетская молодежь решила на месте доказать невозможность сожительства представителей обеих национальностей в стенах одного и того же университета»<sup>16</sup>. Основную вину за кровавый

<sup>14</sup> Л.П. Урусов — А.И. Извольскому, 23 июня / 6 июля 1910 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 133.

<sup>15</sup> Там же. Л. 133.

<sup>16</sup> Там же. Л. 133.

оборот посол возлагал на украинцев, поскольку именно они первыми пустили в ход огнестрельное оружие, отмечая при этом, что польское студенчество «тоже виновно в этом прискорбном событии, своим нетерпимым отношением всячески раздражая студентов других национальностей»<sup>17</sup>.

Острота университетского вопроса в полной мере осознавалась украинскими политиками, которые, однако, долгое время не могли оказывать реального влияния на ситуацию, поскольку его решение, как и большинства других, связанных с внутренним устройством Галиции, находилось в ведении провинциальных органов власти. Вена не желала вмешиваться во внутренние дела провинции, и неоднократные попытки украинских активистов вынести на обсуждение Рейхсрата вопрос об университете заканчивались ничем. Так, в феврале 1907 г. депутат Сейма Е. Олесницкий и митрополит А. Шептицкий выступили с предложением о создании во Львове отдельного украинского университета, отмечая, что существующий университет полностью узурпирован поляками, и создание нового позволит разрешить ситуацию. Однако провинциальная Школьная комиссия дала проекту негативную оценку<sup>18</sup>. В марте 1907 г. делегация польских профессоров побывала в Вене с декларацией о польском характере Львовского университета и получила поддержку Министерства просвещения. В ответ через некоторое время Вену посетила делегация украинских профессоров и членов Научного общества им. Шевченко, которые также встретились с премьер-министром Максимилианом фон Беком

<sup>17</sup> Там же. Л. 133.

<sup>18</sup> *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908.* Toruń, 1996. S. 140.

и министром просвещения Г. Маркетом, которым были представлены предложения о расширении прав украинских студентов и развитии национальной украинской науки. Однако делегация не получила сколько-нибудь конкретного ответа, лишь пожелания о мирном разрешении конфликта. Очевидно, что с точки зрения центрального правительства университетский вопрос должен был оставаться внутренним вопросом Галиции.

Новые возможности перед украинскими активистами открыла конституционная эра. Уже в первые дни работы Рейхсрата известный юрист, профессор Львовского университета, депутат Рейхсрата Станислав Днистрянский (1870–1935) предложил проект создания самостоятельного украинского университета во Львове, который состоял бы из трех отделений — правового, теологического и философского. С аналогичными предложениями выступали и представители НТШ, и профессора-украинцы Львовского университета<sup>19</sup>. При этом основной акцент в предложениях делался на том, что университет необходим не только для развития национальной жизни австрийских украинцев, но и для всего украинского народа. Тем не менее это предложение, явно указывавшее на возможность влияния Австро-Венгрии на российских украинцев, в 1907 г. не встретило поддержки центрального правительства. Аналогичный проект создания отдельного украинского университета был вновь представлен Днистрянским в январе 1909 г. Украинский политик особо подчеркнул, что создание университета положит конец студенческим волнениям. Его выступление вызвало негативную реакцию польских парламентариев, которые в свою очередь угрожали тем, что в том случае, если не будет

---

<sup>19</sup> *Partacz Cz.* Ibid. S. 146.

оговорен польский характер Львовского университета, могут возникнуть волнения среди польских студентов<sup>20</sup>. Таким образом, разрешение университетского вопроса вновь зашло в тупик. После этих неудач интерес украинских политиков к университетскому вопросу заметно уменьшился. Как саркастически заметил М. Грушевский, «украинские представители, как и раньше, могли лишь призывать молодежь к пассивности и терпению, обещая достижения на пути парламентаризма, чтобы потом... заявить, что они бессильны»<sup>21</sup>.

События 1910 г. сделали университетский вопрос вновь актуальным. Еще в начале марта состоялось совещание у бывшего в то время министром просвещения Карла фон Штюргка (1859–1916), на которое были приглашены украинские депутаты Рейхсрата А. Колесса и Ю. Романчук. На совещании украинские представители заявили, что принципиальное согласие с их стороны на признание польского характера Львовского университета может быть получено лишь при условии одновременного создания отдельного украинского университета. Министр отметил, что разрешение университетского вопроса возможно лишь при обоюдном согласии сторон, и одностороннее разрешение этого вопроса исключено<sup>22</sup>.

Вопрос о необходимости удовлетворения в той или иной форме украинских требований одновременно обсуждался и на заседаниях Рейхсрата. Здесь вопрос об учреждении украинского университета оказывался связанным с аналогичными требованиями относительно итальянского и словенского университетов. Так, С. Днистрьянский на заседании, посвященном созданию

<sup>20</sup> *Bobrzyński M.* Op. cit. S. 306.

<sup>21</sup> *Грушевський М.* Над свіжою могилою...

<sup>22</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 538.

итальянского юридического факультета в Триесте, заявил, что русины имеют преимущественное право на аналогичные меры, поскольку являются наиболее многочисленным народом империи, не имеющим собственного университета<sup>23</sup>. При этом, по словам украинского публициста Л. Цегельского, «как словенцы, так и украинцы понимают, что с основанием итальянского университета их позиции ослабнут»<sup>24</sup>, а потому они настойчиво требовали одновременного учреждения всех трех новых национальных университетов.

По плану, предложенному Украинским парламентским клубом, для разрешения конфликта одновременно с законодательным признанием польского характера Львовского университета должна была бы быть создана из уже существующих украинских кафедр отдельная университетская коллегия с правом учреждения новых кафедр, на основе которых впоследствии был бы основан украинский университет, а за Львовским университетом окончательно был бы признан польский характер<sup>25</sup>. Первоначально этот план был одобрен не только министром-президентом Калом фон Бинертом, но и председателем Польского парламентского клуба Станиславом Гломбиньским, однако резкое неприятие его партией Гломбиньского (Национально-демократической) вынудило его отказаться от соглашения<sup>26</sup>.

Как и в случае с итальянским университетом, основание которого в Триесте служило не только внутри-, но и внешнеполитическим интересам Австро-Венгрии,

---

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> *Цегельський Л.* З австрійської України // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 172–179.

<sup>25</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 541.

<sup>26</sup> *Цегельський Л.* З австрійської України...

основание украинского университета во Львове не только изменило бы соотношение национальных сил в самой Галиции, укрепив положение украинцев, но также имело и внешнеполитическое значение и могло бы способствовать усилению австрийского влияния в российской Украине. По свидетельству К. Левицкого, министр иностранных дел А. Эренталь, отвечая на вопрос украинского политика о значении украинского университета, прямо заявил, что необходимо удовлетворить основные требования украинцев, с тем чтобы у них не было бы оснований тяготеть к России, а также и у России не было бы оснований вмешиваться во внутренние дела Австрии, что могло бы послужить *casus belli*, и что открытие университета — это первое, что должна сделать Австрия, дабы опередить Россию<sup>27</sup>.

На принципиально новый уровень университетский вопрос вышел в 1912 г. Считая, что «университет украинцы должны получить из рук центрального правительства, вопрос же реформы Сейма — это предмет переговоров с поляками»<sup>28</sup>, украинские активисты основную борьбу по этому вопросу развернули в общеимперском парламенте. В апреле 1912 г. К. Левицкий созвал совещание Украинского парламентского союза, на котором представители входивших в него объединений (УНДП, РУРП и буковинские украинцы) единогласно пришли к выводу, что университетский вопрос является важнейшим для всего украинского народа. При этом украинцы подчеркивали, что создание украинского университета необходимо и для самой Австро-Венгрии. Как заявил несколько позднее, в мае того же года, украинский депутат Ярослав Окуневский, если Россия

<sup>27</sup> Левицкий К. Указ. соч. С. 606.

<sup>28</sup> *Ignotus*. З австрійської України. Деякі підрахунки // ЛНВ. 1913. Т. 62. Кн. 3. С. 557–564.

одумается, изменит свою национальную политику и «начнет собирать свои народы», положение Австрии заметно осложнится<sup>29</sup>. При этом украинские представители резко выступали против того, чтобы университетский вопрос рассматривался в связи с подготовкой избирательной реформы. Таким образом, украинская сторона стремилась избежать нажима со стороны правительства, которое по традиции не вмешивалось во внутругалицийские дела, в том числе и в подготовку избирательной реформы, но могло бы увязать выгодное для украинцев решение университетского вопроса со смягчением их позиции по вопросу реформы.

В борьбе за самостоятельный университет украинцы прибегли к своему излюбленному приему — обструкции, которая грозила сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Как отметил украинский публицист, «украинское представительство могло не допустить принятия ни одного из них и вынудить правительство и связанных с ним поляков к разрешению университетского вопроса», добавляя при этом, что момент был «настолько выгодным, что вряд ли он может наступить еще раз»<sup>30</sup>. Это, несомненно, побудило правительство пойти на встречу украинским требованиям и ускорить принятие решения по университетскому вопросу. В начале мая министр-президент К. фон Штюргк пригласил к себе К. Левицкого и в доверительной беседе сообщил ему, что правительство вскоре предложит свой проект разрешения университетского вопроса<sup>31</sup>. Вскоре

<sup>29</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 613.

<sup>30</sup> *Ignotus.* З австрійської України. Деякі підрахунки... С. 560.

<sup>31</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 612.

начались переговоры об условиях создания украинского университета.

Согласно проекту, представленному правительством, а точнее, министром по делам Галиции В. Залесским, император направил бы министру просвещения письмо, в котором русинам было бы обещано создание университета, состоящего из трех факультетов, в течение десяти лет. За эти годы министр просвещения должен был бы подготовить преподавательские кадры путем предоставления стипендий для научных поездок за границу. По мнению авторов, проект этот реально разрешал существующие противоречия. Поляки не могли бы протестовать против него, поскольку он не ущемлял их интересов, а украинцы (русины) должны были бы направить свои усилия на подготовку научных кадров и отказаться от политических авантюр<sup>32</sup>. В целом обе стороны были согласны с тем, чтобы украинский университет был создан по инициативе Вены и при этом были учтены пожелания как польской, так и украинской сторон. Определенную сложность, надолго затормозившую процесс подготовки послания императора, представляло то, что текст письма должен был быть полностью одобрен обеими сторонами, с тем чтобы впоследствии можно было бы избежать дальнейшего противостояния. Кроме того, правительство настаивало на окончательном согласовании сторонами не только основных положений, но и общего стиля императорского письма, что, в свою очередь, требовало согласования сторонами буквально каждого его положения.

Участие правительства в ведении переговорного процесса во многом способствовало тому, что стороны перешли к конкретному обсуждению пунктов

---

<sup>32</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 310.*

соглашения, однако сохранялись и те непримиримые противоречия, которые не позволяли процессу сдвинуться в мертвой точки. С одной стороны, польские партии, прежде всего Национально-демократическая, всегда последовательно выступавшая против создания украинского университета, в целом одобрительно отнеслись к проекту. С другой — поляками были выдвинуты следующие неприемлемые для украинцев требования: университет должен находиться в другом городе, одновременно должен быть признан польский характер Львовского университета, профессора-русины не будут иметь права голоса при обсуждении дел университета. Также предлагалось отменить преподавание на «руськом» языке.

В мае 1912 г. правительство выступило с предложением, согласно которому в послании императора не будет говориться о месте создания украинского университета. Кроме того, правительство предложило профессорам-русинам принимать участие в обсуждении лишь тех вопросов, которые непосредственно касаются подготовки к созданию самостоятельного университета. Согласно предложениям правительства, польский характер университета признавался бы в отдельном положении письма императора, поскольку ранее польский язык уже был признан языком управления, преподавания и экзаменов во Львовском университете. Преподавание же на «руськом» языке сохранялось «в виде исключения» до создания самостоятельного украинского университета<sup>33</sup>. Представители парламентского Украинского клуба подобные предложения отвергли, расценив их как провокацию с польской стороны. Российский посол М.Н. Гирс отметил, что «Украинский парламентский клуб категориче-

---

<sup>33</sup> Ibid. S. 312.

ски отверг такие условия как неприемлемые, считая, во-первых, что вопрос об университете нельзя ставить в связь с обструкцией, так как последняя будет продолжаться до тех пор, покуда не будет проведена угодная украинцам выборная сеймовая реформа, отказываясь от обструкции, они тем самым соглашались с желаемой польским большинством Сейма реформой, что невозможно. Во-вторых, 10-летний срок, т. е. переходное время, есть не что иное, как требование польского клуба, имеющего в виду за этот срок окончательно ополычить существующий ныне университет, причем украинцам не дается никаких гарантий, когда, где и как будет учрежден их самостоятельный университет. Что же касается месторасположения оного, то он не может быть иным, как тот же Львов, столица Червонной Руси, иначе, по мнению клуба, и самый университет не имеет смысла. Соглашаясь на какой-либо другой город Галиции, украинцы тем самым уступили бы полякам все права как на Львов, так и на всю провинцию»<sup>34</sup>. Таким образом, с точки зрения российского дипломата, украинцев не устраивал вариант, фактически исходящий из польских кругов и защищающий в большей степени польские национальные интересы. Важно отметить, что М.Н. Гирс был уверен в том, что украинцы увязывают решение университетского вопроса и вопроса о проведении избирательной реформы в Сейм. В свою очередь, украинские представители рассматривали эти вопросы в отдельности, не обуславливая их взаимное решение<sup>35</sup>.

Таким образом, обе стороны продолжали настаивать на тех пунктах, которые каждая из них считала

<sup>34</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 24 мая / 6 июня 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.

<sup>35</sup> *Ignotus*. З австрійської України. Деякі підрахунки...

принципиальными. В первую очередь это относилось к месту открытия нового университета, а также к тому, какой статус будет до того момента иметь в Львовском университете «руський» (украинский) язык. 4 июня правительство представило Польскому коло и Украинскому клубу свой проект письма, в котором содержались положения, согласно которым польский язык в университете Львова являлся административным, а также языком преподавания и экзаменов. Одновременно предполагалось, что постановления относительно прав «русского» языка будут правомочны до момента основания самостоятельного университета с преподаванием на украинском языке<sup>36</sup>. Также в представленном проекте письма император поручал подготовить законодательные меры для выделения в 1920–1921 гг. из Львовского университета кафедр и научных институций с преподаванием на украинском языке и организации на их основе самостоятельной высшей школы. Украинский клуб отверг эти условия как неприемлемые, поскольку признание польского характера Львовского университета откладывалось до момента официального открытия украинского университета. Таким образом, едва начавшись, переговоры зашли в тупик.

Для центрального правительства такой ход событий был нежелателен. Прежде всего, его беспокойство вызывала продолжавшаяся украинская обструкция, которая тормозила принятие в том числе военных законов, столь важных для монархии в условиях роста международной напряженности. Именно с целью вынудить Украинский клуб прервать обструкцию 18 июня 1912 г. с письмом к украинцам обратился император Франц Иосиф. В письме император указывал на их патриотизм и выражал огорчение, что они

<sup>36</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 618.

тормозят ход военной реформы. При этом император впервые употребил термин «украинский» вместо традиционного «рутенский» (Ruthenen), что многими наблюдателями было расценено как официальное признание нового этнонима<sup>37</sup>. Письмо императора произвело нужное впечатление, и Украинский клуб приостановил обструкцию.

Употребление нового этнонима вызвало негодование польской стороны, и министр внутренних дел барон Гейнольд вынужден был извиниться за «ошибку». Кроме того, другой австрийский сановник, граф Тун, подчеркнул, что «поведение правительства относительно русинов вызывалось интересами внешней политики». То, что университетский вопрос имел не только внутривластическое значение, но мог оказать большое влияние и на русско-австрийские отношения, было очевидно и для российских наблюдателей. Посол в Вене М.Н. Гирс в своей весьма подробной записке, посвященной переговорам по университетскому вопросу, подчеркивал, что «учреждение такого высшего учебного заведения в столице Червонной Руси было бы для интересов императорского правительства крайне нежелательным, так как могло бы в будущем послужить могучей опорой растущему у нас украинскому сепаратизму и привлекло бы к себе симпатии нашей малорусской квази-интеллигенции. Рассадник “украинского просвещения”, конечно, не имел бы других целей, кроме политических и притом революционных по отношению к нашему отечеству»<sup>38</sup>. Позицию центрального австрийского правительства в университетском вопросе Гирс оценивал достаточно скептически, от-

<sup>37</sup> Щеголев С. Указ. соч. С. 369.

<sup>38</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 24 мая / 6 июня 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.

метив, что она, несомненно, во многом определяется внешнеполитическими факторами, а именно желанием Вены усилить влияние украинской идеи не столько в самой Австро-Венгрии, сколько в Российской империи. Так, сообщая о прекращении Украинским клубом обструкции военным законам, Гирс отметил, что «поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»<sup>39</sup>. При этом посол высказал уверенность в том, что «австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем. Нельзя отрицать вреда, который может принести нам создание малороссийского университета в Галиции, в виду несомненно существующего в России сепаратистического течения. Я не берусь судить о степени опасности, представляемой им для нас, хотя убежден, что расчеты наших недоброжелателей в этом вопросе очень преувеличены»<sup>40</sup>. Рассуждая о том, какую линию поведения следует выбрать российской дипломатии, посол отметил: несмотря на то, что «воздействовать против учреждаемого университета мы не можем, но от нас зависит не слишком подчеркивать в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»<sup>41</sup>. Очевидно, дипломат имел в виду ряд публикаций в российских изданиях, в которых обращалось внимание на явный внешнеполитический подтекст университетского вопроса<sup>42</sup>.

<sup>39</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 16/29 июня 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> Щеголев С. Указ. соч. С. 369.

Новый этап переговоров по университетскому вопросу начался осенью 1912 г. после окончания парламентских каникул. На открытии сессии министр-президент Штюргк подчеркнул, что для империи в равной степени необходимы как чешско-немецкое, так и польско-украинское примирение. Это говорило прежде всего о том, что урегулирование польско-украинских противоречий расценивалось официальной Веной как одна из первоочередных задач внутренней политики. Вскоре министр просвещения М. Гуссарек вновь предложил украинским и польским участникам переговоров прийти к окончательному соглашению относительно содержания императорского письма. По словам М. Бобжиньского, это становилось все сложнее из-за возросшего сопротивления польского общественного мнения. При этом наместник отмечал, что к польской оппозиции в университетском вопросе присоединились и представители польской аристократии, в том числе и «бывший наместник, бывший профессор Львовского университета, депутат Сейма и Рейхсрата граф Л. Пининьский»<sup>43</sup>, которого, как и графа В. Дзедушицкого, отличали «не только социальное положение и обширные владения на Руси, но и широкие взгляды, и европейские культура и образование». И хотя, как отмечал М. Бобжиньский, «оба они были гораздо больше, нежели обычные “подоляки”»<sup>44</sup>, все же они трактовали свою политическую задачу как сохранение «польскости» края и, соответственно, борьбу с «украинизмом». В результате объединение в борьбе против украинского университета и национальной демократии, и восточногалицийских консерваторов, в других вопросах, в том числе и ре-

---

<sup>43</sup> *Bobrzyński M. Z moich pamiętników... S. 313.*

<sup>44</sup> *Ibid.*

формы Сейма, занимавших противоположные позиции, существенно осложнило переговоры по университетскому вопросу.

Против создания, пусть даже в отдаленном будущем, украинского университета выступали все новые польские представители, основным аргументом большинства из которых была угроза утраты «польскости» Львовского университета в переходный период<sup>45</sup>. Теперь и представители широкого спектра польских политических партий, и представители руководства Львовского университета не протестовали против самой идеи создания «русского» (украинского) университета, но настаивали, что в императорском послании должен быть закреплён польский характер существующего университета, причем не после создания украинского, а немедленно. При этом закрепление польского характера существующего университета предполагало практически полное прекращение преподавания на «русском» языке, ликвидацию существующих кафедр и т. д. Это, разумеется, вызывало среди представителей украинского движения недовольство и опасения, что процесс создания украинского университета может зайти в тупик, и украинское движение утратит те завоевания, которые удалось приобрести за десятилетия борьбы.

Центральное правительство в лице нового министра просвещения Макса Гуссарека, опасаясь того, что решение университетского вопроса, а следовательно, и польско-украинское примирение, будут отложены на неопределенный срок, выступило с новыми предложениями, согласно которым предполагалось ускорить создание украинского университета и открыть

---

<sup>45</sup> Ibid.

его уже в 1916 г., с тем чтобы сохранить за Львовским университетом польский характер.

29 ноября 1912 г. министр-президент передал украинским депутатам новый вариант письма императора относительно создания университета. На основе этого проекта 1 декабря начался новый тур польско-украинских переговоров. Принципиальным пунктом, который оставался основным предметом дискуссии между сторонами, по-прежнему было признание польского характера Львовского университета. При этом украинская сторона была воодушевлена благосклонным отношением к ее представителям императора на его встрече с депутатами в Будапеште в ноябре того же года. На этой встрече К. Левицкий в беседе с Францем Иосифом настойчиво подчеркивал, что лояльность украинского населения Австро-Венгрии во многом зависит от того, насколько Вена будет склонна удовлетворить его культурные потребности, в том числе и в сфере высшего образования. Со своей стороны, поляки активно отстаивали свою позицию, стремясь доказать, что «польскость» не только университета, но и самого Львова находится под угрозой. Несмотря на эти постоянные противоречия, к концу декабря в деле переговоров наметился определенный прогресс. В ответ на высказанные польскими представителями опасения о том, что 10-летний переходный период пагубно отразится на польском характере Львовского университета, министр просвещения выдвинул предложение сократить переходный период до четырех лет, и, таким образом, украинский университет должен был быть создан уже к 1916 г. И хотя, по мнению наместника Бобжиньского, это было для украинцев «даром данайцев», поскольку за столь короткое время они не могли бы подготовить достаточное количество квалифицированных

преподавательских кадров, украинские представители в целом согласились с предложениями и прервали свою обструкцию в парламенте<sup>46</sup>.

Анализируя результаты переговоров, посол в Вене Гирс, несмотря на то, что вопрос «является принципиально решенным», отмечал все же некоторые различия в польских и украинских формулировках. В изложении посла условия украинской стороны звучали следующим образом: до учреждения «рутенского» университета (Гирс отметил, что слово «рутенский», то есть официальное название восточнославянского населения Австро-Венгрии, не без умысла употребляется вместо слова «украинский») во Львовском университете никаких перемен не предстоит. В 1914 г. правительство обязалось внести в Рейхсрат закон об учреждении самостоятельного «рутенского» университета. Если до октября 1916 г. законопроект не станет еще законом, то будет основана декретом правительства самостоятельная высшая школа с преподаванием на «рутенском» языке. Одновременно с созданием «рутенского» университета или такой высшей школы состоится признание за ныне существующим Львовским университетом исключительно польского его характера<sup>47</sup>. При этом последствия создания украинского высшего учебного заведения «близ нашей границы» Гирс оценивал как негативные, поскольку «каковы ни будут научные достоинства этого университета, он главным образом станет центром сепаратистической политической пропаганды, могущей, особенно при шумном, слишком резком к ней отношении наших властей, производить самое вредное действие

<sup>46</sup> Ibid. S. 315.

<sup>47</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 18/31 декабря 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 131–132.

на умы населения наших юго-западных губерний»<sup>48</sup>. Еще более негативную оценку перспективе создания украинского университета давал поверенный в делах посольства в Вене Н.А. Кудашев. Будучи активным противником украинского движения, он писал, что «нетрудно будет себе представить, во что обернется такое quasi-научное учреждение, как высшая украинская школа во Львове, если она в самом деле возникнет. В умелых руках австрийского правительства и, конечно, тех же поляков она будет орудием борьбы с Россией и со всем русским»<sup>49</sup>.

Подобное отношение к возможности возникновения на территории соседнего государства украинского университета высказывали и представители других российских ведомств. Так, в сводке агентурных сведений разведывательного отделения Киевского военного округа также высказывалось твердое убеждение, что «львовский украинский университет построен не для украинцев-австрийцев. Он имеет целью дать возможность украинцам русским... поступить в родной национальный университет и там дополнить свое политическое воспитание. Таким образом, Львовский университет будет служить постоянным связующим звеном между украинцами русскими и австрийскими»<sup>50</sup>.

Несмотря на то, что российские наблюдатели говорили об украинском университете как о решенном вопросе, участники переговорного процесса к концу 1912 г. еще не пришли к соглашению. Наибольшие противоречия вызывал вопрос о том, как будет гаран-

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Н.А. Кудашев — А.А. Нератову, 24 октября / 6 ноября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 52–54.

<sup>50</sup> Агентурные сведения 30 янв. 1912 г. / 3 янв. 1914 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1388. Л. 55.

тирована в императорском послании «польскость» львовского университета и как при этом будут гарантированы права украинцев. Наместник М. Бобжиньский отметил в своих воспоминаниях, что в проекте письма, предложенного в декабре 1912 г., польские права гарантировались следующим образом: новые профессора-украинцы (в официальном документе — русины) не будут входить в состав университетской коллегии; вплоть до открытия украинского университета все права «русского» и польского языков сохраняются без изменений, после же открытия нового учебного заведения польский язык станет официальным языком в Львовском университете. Это не в полной мере удовлетворяло польскую сторону, которая стремилась добиться того, чтобы польский характер университета был констатирован уже в послании императора, то есть до фактического создания украинского университета. Кроме того, польская сторона продолжала настаивать на том, чтобы украинский университет был создан не во Львове. Бобжиньский не без раздражения вспоминал о том, что представители польской общественности, в том числе и ректор и деканы Львовского университета, требовали от него гарантий того, что украинского университета во Львове не будет, что было практически невыполнимо. Наместник отказался каким-либо образом обсуждать вопрос о месте будущего университета, а в отношении гарантий «польскости» Львовского университета предложил компромиссный вариант, который одновременно предусматривал и удовлетворение потребности русинов в создании нового университета, и сохранение польского характера ныне существующего<sup>51</sup>. Свой вариант Бобжиньский обсудил и с предсе-

---

<sup>51</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 315.*

дателем Польского коло Юлиушем Лео, и с председателем Украинского клуба Константином Левицким, которые оба высказались одобрительно о предложении наместника. Этот вариант был представлен министру просвещения М. Гуссареку. На основании достигнутого компромисса переговоры возобновились в начале января 1913 г.

Первая попытка возобновления переговоров оказалась неудачной. Несмотря на то, что руководитель польской парламентской фракции Лео высказал согласие с компромиссным вариантом письма, значительная часть членов фракции в категорической форме настаивала на том, чтобы в более определенной форме обозначить необходимость сохранения и утверждения польского характера университета. Министр просвещения выразил согласие с требованиями поляков, однако это вызвало неприятие с украинской стороны. Украинцы выражали согласие на упоминание в письме признания польского характера Львовского университета только при условии гарантии открытия университета украинского. На совещании у министра просвещения польских и украинских представителей с участием наместника Бобжиньского стороны не пришли к компромиссу. Наместник вспоминал о том, как Гуссарек обратился к Левицкому, указывая на лежащий перед ним проект письма, со словами: «Чтобы получить университет, вам нужно лишь протянуть руку»<sup>52</sup>. В ответ на это Украинский клуб выступил с заявлением, в котором говорилось, что правительство приняло сторону поляков, поэтому украинская сторона от переговоров на таких условиях отказывается<sup>53</sup>. По мнению Бобжиньского, неуступчивость

---

<sup>52</sup> Ibid. S. 316.

<sup>53</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 642.

украинской стороны объяснялась тем, что университетский вопрос в тот момент был ключевым пунктом их политической программы, в том числе и потому, что рассчитан был не только на австрийских украинцев, но и на украинскую молодежь из России. Эти соображения, как и политическая неуступчивость польской стороны, прежде всего национальных демократов, делали соглашение по университетскому вопросу практически недостижимым. М. Бобжиньский также высказывал предположение, что украинская сторона намеренно тормозила переговорный процесс, поскольку в реальности еще не была готова к созданию высшей школы<sup>54</sup>. Поскольку обе стороны проявляли полную неготовность к достижению компромисса, правительство практически устранилось от участия в переговорном процессе, в результате чего процесс создания украинского университета практически был приостановлен.

На протяжении 1913 г. украинские представители в Рейхсрате неоднократно пытались вернуться к вопросу о создании университета. Основной акцент теперь ими делался на том, что именно удовлетворение справедливых требований украинского народа (при этом неоднократно подчеркивалось, что в пределах Австро-Венгрии проживает именно украинский народ, обладающий развитым самосознанием) делает его неуязвимым для русофильской агитации<sup>55</sup>. При этом украинцы практически отказались от своего прежнего намерения не связывать решение университетского вопроса с подготовкой избирательной реформы и все чаще говорили об одновременном решении этих важнейших для украинского движе-

---

<sup>54</sup> *Bobrzyński M. Ibid. S. 317.*

<sup>55</sup> *Левицький Л. Указ. соч. С. 678.*

ния вопросов. Новый импульс процессу его создания был придан уже в начале 1914 г., когда митрополит А. Шептицкий, приняв участие в переговорах по избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Успешное окончание переговоров по избирательной реформе сделало возможным и компромисс по университетскому вопросу. Польская сторона выразила согласие на возобновление переговоров, более того, выразила согласие смягчить свои требования<sup>56</sup>. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война превратила создание украинского университета в дело далекого будущего.

Таким образом, основным содержанием общественно-политической жизни Галиции в 1910–1914 гг. стало польско-украинское противостояние в двух важнейших для провинции вопросах. Для украинского движения борьба за преобразование Сейма и создание украинского университета стала практически первым опытом политического соперничества с польским национальным движением. Именно в ходе этих двух кампаний представители украинской стороны не только начали апеллировать к центральным властям с целью привлечь их на свою сторону, но и нередко применяли приемы политического давления. В свою очередь официальная Вена, вопреки сложившейся традиции, согласно которой внутренние проблемы Галиции оставались предметом компетенции провинциальной

---

<sup>56</sup> Там же. С. 686.

администрации, заняла достаточно активную позицию как в вопросе избирательной реформы, так и в вопросе создания украинского университета. По мнению российских дипломатов, очевидная заинтересованность Вены в урегулировании польско-украинского конфликта была свидетельством существенных перемен во внутренней политике Габсбургской монархии.

Галицийские украинцы сумели утвердить себя в качестве выразителей интересов всего восточно-славянского населения Габсбургской империи. Это позволило им заметно продвинуться по пути консолидации украинского движения Австро-Венгрии. Одновременно украинцы Восточной Галиции позиционировали себя как авангард национального движения украинского народа по обе стороны австро-российской границы. Это в полной мере осознавалось и российскими дипломатами. По их мнению, если успех в вопросе сеймовой реформы позволял украинцам заметно укрепить свое положение в Галиции, то создание украинского университета имело конечной целью распространение их влияния на территорию российской Украины, что имело бы нежелательные для России последствия. В то же время следует отметить, что единство украинского народа, несмотря на несомненные успехи австрийских украинцев, оставалось все еще недостижимым. Более того, та активная, даже иногда агрессивная интеграция в общеимперскую политическую систему, которую проводили представители украинского движения в Австро-Венгрии, препятствовала их сближению с единомышленниками в России. В конечном итоге успех борьбы за реформу Сейма и создание украинского университета был успехом именно украинского движения в Австро-Венгрии, но не украинского движения в целом.

## УКРАИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**Н**ачало 1910-х гг. стало началом нового этапа в развитии системы международных отношений. Определелись контуры военно-политических блоков — Антанты и Тройственного союза, обозначились «болевые точки» европейской политики. В отношениях России и Австро-Венгрии, принадлежавших к противоположным блокам, нарастала напряженность. Несмотря на то, что основной узел австро-российских противоречий находился на Балканах, Галиция, в том числе национальные движения населявших ее народов, все чаще оказывалась в центре внимания как российских, так и австро-венгерских властей, поскольку способна была оказать существенное влияние на взаимоотношения держав. Следует еще раз подчеркнуть, что спецификой польского, украинского и русофильского (русского) движений, отличавшей их от других национально-политических движений Габсбургской империи, было то, что значительная часть населения, чьи интересы они представляли, проживала на территории соседней Российской империи. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность их использования в своих интересах в случае возникновения

вооруженного конфликта. Сразу оговоримся, что вопрос о поддержке антироссийских тенденций в польском национальном движении лежит за пределами нашего исследования, и наше внимание будет сосредоточено на судьбах украинского и русофильского (в следующей главе) движений.

Нет сомнений, что в Вене учитывали возможность использования украинского движения в Галиции против России. Не случайно в первый раз открытая поддержка украинскому движению была оказана на рубеже 1870–80-х гг., когда на Балканах столкнулись интересы России и Австро-Венгрии. Тогда же интерес к украинскому направлению проявили и в Берлине, где также увидели в нем инструмент давления на Россию<sup>1</sup>.

Реалии внешней политики XX века вновь сделали украинское движение предметом интереса австрийского правительства, причем не только в качестве противовеса польскому влиянию в Галиции, но и как возможный инструмент внешней политики в ходе аннексионного кризиса 1908 г. По выражению поверенного в делах посольства в Вене С. Свербеева, австрийское правительство «сочло снова необходимым задобрить враждебный нам элемент на нашей границе и идет навстречу украинофильским вождениям»<sup>2</sup>. Свербеев высказывал убежденность, что это напрямую связано с кризисом в австро-российских отношениях, поскольку «за последние годы, вместе с улучшением наших отношений с Австро-Венгрией,

<sup>1</sup> Кураев О.О. Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна (1843–1914) // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 43–61.

<sup>2</sup> С. Свербеев — А.П. Извольскому, 28 мая / 10 июня 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Лл. 177–180.

центральное венское правительство решилось было лишить своего покровительства радикальную пропаганду младорусин»<sup>3</sup>, теперь же украинцы вновь обрели поддержку Вены. Также поверенный в делах отметил, что подобная политика поддерживалась и Германией, которая «не доверяя России и опасаясь ее, видела в революционных тенденциях украинцев, стремящихся к объединению с нашей Малороссией, своего естественного союзника»<sup>4</sup>.

Восприятие украинского движения как результата «польской интриги» было вполне традиционным и возникло даже несколько ранее, нежели концепция интриги венской. Подобные взгляды широко были распространены в российских консервативных кругах, к которым принадлежала немалая часть сотрудников внешнеполитического ведомства. Так, бывший консул во Львове К.П. Пустошкин считал «создание украинства» результатом совместных усилий «трех государственных мужей: графа Бадени, нынешнего наместника Галиции Бобжинского и кардинала Сембратовича»<sup>5</sup>, когда им потребовалось «еще больше ослабить русскую партию, вселить в ней раздоры, чтобы окончательно стереть само имя русское [...] в Галиции»<sup>6</sup>.

Пустошкин весьма едко интерпретировал научную концепцию Грушевского: «Украинцы, по заявлению почтенного ученого, совершенно не русские; это особенный народ [...] слово “русский” — понятие

<sup>3</sup> Там же. Л. 177.

<sup>4</sup> Там же. Л. 178.

<sup>5</sup> Записка бывшего консула во Львове Пустошкина «19 лет среди поляков». 24.05.1909–2 (15).01.1911 // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

<sup>6</sup> Там же. Л. 6.

собирабельное, так как состоит из двух совершенно отличных народов: из москалей, у которых преобладает монгольская кровь, и украинцев, чистых славян. Украинцы всегда воевали с Москвой и только благодаря предательству Хмельницкого присоединены в 1654 г.»<sup>7</sup>. Интересно отметить, что Пустошкин в своей записке увязывал конечную цель украинского движения — создание самостоятельного государства — с реализацией аналогичной польской задачи. По его мнению, «приложены всяческие старания, чтобы оторвать малороссов от России миражами “Самостийной Украйны” под эгидой восстановленной Польши»<sup>8</sup>.

С подобных позиций рассматривал украинское движение и российский консул в Черновцах А.И. Доливо-Добровольский: «В сущности эта партия всегда была орудием в чужих руках. Впрочем, и самое происхождение ее иноземно. Кулешовка была переброшена в Прикарпатскую Русь. Смерть свою они, украинофилы, носят в груди»<sup>9</sup>. Крайне негативно расценивал Доливо-Добровольский украинскую идеологию: «Совершенная беспочвенность, кощунственный атеизм, грубые коммунистические мечтания переходят частью в пропаганду открытого разбоя, в площадные издевательства над русским государственным строем и в возмутительные оскорбления священной особы Его Императорского Величества»<sup>10</sup>. Консула беспокоило динамичное развитие

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. Л. 8.

<sup>9</sup> Донесение консула в Черновцах Доливо-Добровольского // АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Секретные дела. Оп. 456. I отделение. 4 стол. 1903 г. Д. 29. «Украинофильство в Австрии». Л. 16–41.

<sup>10</sup> Там же. Л. 22.

украинского движения и, в еще большей степени, развитие контактов между украинскими активистами в Австро-Венгрии и их единомышленниками в России: «...как можно считать уже установленным тот факт, что центральный комитет украинской социалистической партии, действующий в районе Волынской и Подольской губернии, вступил в переговоры с ЦК Украинской революционной партии, развивающейся на левом берегу Днепра и в Киевской губернии, в целях всеобщей организации всех социалистических сил на Украине»<sup>11</sup>. Доливо-Добровольский настойчиво обращался в российское посольство в Вене, указывая на необходимость противодействовать развитию подобных контактов. Однако посол в Вене П.А. Капнист воспринял призывы консула в Черновцах с раздражением, посчитав его беспокойство преувеличенным: «По мнению нашего консула, все должно происходить на австрийской территории и стараниями австрийских властей, которым отнюдь не подобает стесняться конституционными установлениями у себя или ожидать, чтобы мы сами охраняли свою границу»<sup>12</sup>.

Все чаще усилия правительства в Вене были направлены на то, чтобы, удовлетворив часть требований украинцев в Галиции, сделать, по выражению министра иностранных дел Австро-Венгрии Алоиса Эренталя, «Галицию центром притяжения всей украинской национальности». Как отметил германский исследователь А. Миттер, «ко всей украинской национальности принадлежало и более 20 млн. живущих в России украинцев... которых стремились сделать опорой Дунайской монархии в случае ее конфликта

---

<sup>11</sup> Там же. Л. 34.

<sup>12</sup> Там же.

с Россией»<sup>13</sup>. Эренталь был одним из первых австрийских политиков имперского масштаба, осознавших возможность использования украинского движения для решения не только внутри-, но и внешнеполитических задач в условиях роста напряженности в отношениях с Россией<sup>14</sup>. Летом 1911 г. состоялась его встреча с К. Левицким. Последний вспоминал, что был удивлен, насколько хорошо осведомлен Эренталь о ситуации в Галиции, в том числе и о польско-русинских отношениях. Как с сожалением отмечал Левицкий, со смертью Эренталья подобные контакты практически прекратились<sup>15</sup>.

Мысли о внешнеполитическом значении украинского вопроса в Габсбургской монархии периодически высказывали и видные украинские политики. Так, еще в 1908 г., желая подчеркнуть симпатии к Габсбургам не только галицийских и буковинских украинцев, но и их малороссийских соплеменников, один из лидеров РУРП Кирилл Трилёвский заявлял, что центр украинского движения, «находящийся теперь в Киеве, может быть перемещен во Львов»<sup>16</sup>. Позднее, в связи с обсуждением вопроса об украинском университете в Австро-Венгрии, украинский ученый и политик Александр Колесса отметил в одном из своих парламентских выступлений, что «правительство должно понимать, что путем создания украинского университета во

---

<sup>13</sup> *Mittler A.* Польский вопрос в отношениях Германии с Австро-Венгрией и Россией // Исследования по истории германского империализма. М., 1978. С. 214–224.

<sup>14</sup> *Кураев О.О.* Указ. соч. С. 50.

<sup>15</sup> *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 612.

<sup>16</sup> Записка С.П. Колосова «Поляки об украинофильской политике», 5/18 июля 1912 г. // АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 213–215.

Львова и присвоения НТШ статуса Академии... центр культурной жизни всего украинского народа переносится на галицкую почву»<sup>17</sup>. Тем не менее интерес австрийских верхов к украинскому движению как фактору внешней политики был еще непостоянным.

Ситуация постепенно начала меняться в 1912 г., когда с ростом международной напряженности, и в данном контексте — напряженности в австро-российских отношениях, Вена вновь обратила внимание на украинское движение, преследуя, очевидно, несколько целей. С одной стороны, в подобных условиях Габсбургской империи необходима была внутренняя консолидация, которой мешали и постоянные обструкции в Рейхсрате, в том числе и те, которые организованы были Украинским клубом. С другой — лояльность австрийских украинцев могла сделать Австро-Венгрию более привлекательной, нежели Россия, в глазах российских украинцев. Наконец, сохраняла актуальность и традиционная причина поддержки украинского движения Веней — создание противовеса польскому влиянию в Галиции.

Несмотря на то, что основная часть украинских депутатов заявляла о своей оппозиции правительству, с их стороны все чаще раздавались антироссийские высказывания, находившие поддержку у части австрийских политиков. Наиболее последовательно выступал с этих позиций лидер буковинских украинцев Николай Василько, еще недавно заверявший русского консула в Черновцах, что лично он является искренним другом русского народа<sup>18</sup>. Посол в Вене М.Н. Гирс в одном из

<sup>17</sup> *Левецкий К.* Указ. соч. С. 543.

<sup>18</sup> Донесение консула в Черновцах Доливо-Добровольского, 4/11 ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф. 155. 1–4. Оп. 456. 1903. Д. 29. Л. 16–41.

своих донесений подробно передал содержание речи Василько, который в начале марта 1911 г. «заявил, что он приветствует стремление австро-венгерского правительства поддерживать хорошие отношения с Россией в интересах сохранения общего мира, но он должен объявить себя врагом существующего в России государственного строя, так как под покровительством русского правительства в Галиции происходит русская пропаганда среди местных украинцев»<sup>19</sup>. Василько обвинил российские власти в поддержке русофильских настроений среди местного населения с целью «увлечь его на путь национального и государственного соединения с русским народом, с которым украинцы ничего общего не имеют»<sup>20</sup>. Оратор высказал надежду, что австрийское правительство предпримет самые энергичные меры против русской пропаганды в Галиции и Буковине. Сочтя, что «подобная речь представителя партии, пользующейся поддержкой Австрийского правительства, не может способствовать улучшению отношений между обоими государствами», Гирс обратился в австрийское министерство иностранных дел «с просьбой передать министру... сколь я поражен и огорчен речью г-на Василько, которая отнюдь не может способствовать улучшению отношений между обоими правительствами, к которому, насколько мне известно, стремиться г-н Эренталь»<sup>21</sup>. Несмотря на то, что представитель министерства с сочувствием выслушал слова российского посла и заверил его, что австрийский министр иностранных дел А. Эренталь огорчен провокационной речью депутата Василько не

<sup>19</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 16 февраля / 1 марта 1911 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69–72.

<sup>20</sup> Там же. Л. 69.

<sup>21</sup> Там же. Л. 70.

меньше его, посол с горечью отметил, что вряд ли все в Вене разделяют подобную позицию, поскольку «в газетах появилось известие о том, что император Франц Иосиф в Будапеште на приеме... обратился к г-ну Василько и благодарил его за патриотическую деятельность в Делегациях»<sup>22</sup>.

Следует отметить, что основной акцент в своих антироссийских выступлениях украинские политики делали на противодействии усиливавшейся, по их мнению, российской агитации в регионе, которая могла бы нанести вред Габсбургской империи. При этом они прямо обвиняли как российских представителей в Австро-Венгрии, так и Санкт-Петербург в инспирировании и поддержке русофильского движения, представляя его, таким образом, исключительно как российскую креатуру. Примером может служить речь Ю. Романчука по вопросу о русской агитации в Галиции. Романчук, будучи одним из наиболее умеренных украинцев, заявил, что русины имеют полное основание желать добрых отношений Австрии с Россией, но в России в последнее время в газетах было заметно враждебное Австрии течение, имеющее целью внушить русинам, что они не составляют отдельной народности, а должны соединиться с русскими и перейти в православие. Депутат подчеркнул, что «эта пропаганда причиняет в Галиции немалый вред, тем более что в Галиции существует русофильская партия, которая желает слиться с русской национальностью вследствие недостатка веры в самое себя и вследствие способа обращения с нею правительства и господствующей партии»<sup>23</sup>.

---

<sup>22</sup> Там же. Л. 72.

<sup>23</sup> Выдержки из некоторых речей, произнесенных в Делегациях в мае // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 59–61.

Наметившаяся тенденция вызывала недовольство со стороны российских наблюдателей. Поддержка украинцев в Галиции и Буковине рассматривалась как одновременное содействие украинскому сепаратизму в России. Анализируя позицию официальной Вены, посол в Вене Гирс писал, что «остаётся допустить, что поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»<sup>24</sup>. По его словам, в последние дни «в газетах и журналах все чаще появляются статьи, разъясняющие публике, что такое украинцы, а что малороссы. При этом делаются самые неожиданные, но не лишённые находчивости подтасовки общеизвестных исторических фактов. От чтения этих статей остаётся впечатление, будто Малороссия — своего рода Польша, покоренная Россией окраина, не примирившаяся со своею неволей и ждущая лишь случая, чтобы освободиться от русского владычества»<sup>25</sup>. Особое внимание Гирс обратил на то, что такие статьи, нередкие для галицийской прессы, появлялись в эти дни в близких правительству органах, как, например, «Oesterreichische Rundschau», что произвело на него весьма негативное впечатление. Посол неоднократно подчеркивал, что «поощряя украинофильство в Галиции, австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем»<sup>26</sup>. Именно с этой точки зрения Гирс предлагал рассматривать содействие центрального правительства украинцам

<sup>24</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 16/29 июня 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 24 мая / 6 июня 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64.

в вопросе создания национального университета во Львове «ввиду несомненно существующего в России сепаратистического течения»<sup>27</sup>.

Касаясь позиции самой России в этом вопросе, Гирс отмечал, что, не имея возможности вмешиваться во внутренние дела Габсбургской монархии, она, тем не менее, может существенно ослабить позицию украинцев, «не слишком подчеркивая в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»<sup>28</sup>. Таким образом, российский посол придерживался традиционного для российской дипломатии подхода к становившемуся все более актуальным вопросу использования националистических движений народов Австро-Венгрии во внешнеполитических целях. При этом значительно большее значение российские наблюдатели придавали активизации польского движения и контактам с ними представителей австрийских верхов. Особое беспокойство вызывала поддержка австрийскими властями польских военизированных формирований — «Сокола» и «Стрелецкого союза», в которых видели реальную силу, способную нанести Российской империи чувствительный удар<sup>29</sup>. Следует отметить, что параллельно с польскими вооруженными формированиями создавались и украинские. В декабре 1912 г. Л. Цегельский и С. Томашевский приступили к организации «Украинского стрелецкого общества», а РУРП приступила к созданию «Украинского сичевого союза». Одновременно в Австро-Венгрии началась

---

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Там же.

<sup>29</sup> Донесения, обзоры, записки Сватковского за 1912–1914 гг. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 745/802.

мобилизация, таким образом, создание польских и украинских военизированных формирований можно расценивать как элемент общеимперской подготовки к возможной войне с Россией<sup>30</sup>.

В октябре 1912 г. произошел еще один инцидент, вызвавший недовольство не только представителей дипломатического ведомства, но и военного агента в Австро-Венгрии полковника Михаила Ипполитовича Занкевича (1872–1942), сменившего на этом посту Митрофана Константиновича Марченко (1865–1932). На заседании парламентских делегаций один из представителей УНДП, Степан Смаль-Стоцкий, выступил с обвинениями в адрес России и российских представителей в Австро-Венгрии. Он обращал внимание военного министра на полученные им сведения о продолжающейся пробной мобилизации русских войск у австрийской границы. Полковник Занкевич привел почти полностью слова Смаль-Стоцкого: «Россия в широких размерах мобилизует свои силы в Галиции, Буковине, северной Венгрии, что представляет серьезную опасность для монархии. Целое войско русских шпионов и агентов разгуливает по этим землям. Такая пропаганда идет со времени поездки в Галицию члена русской Государственной Думы гр. Бобринского»<sup>31</sup>. Австрийский военный министр Мориц Ауффенберг не стал отрицать обвинения Смаль-Стоцкого, а, напротив, подтвердил, что военное министерство располагает подобными сведениями. В заключение министр выразил сожаление, что подобное явление имеет место, и заявил, что армия может сделать лишь очень немного для борьбы с этим явлением, однако

<sup>30</sup> Кураев О.О. Указ. соч. С. 53.

<sup>31</sup> Рапорт военного агента в Австро-Венгрии Занкевича, 11 окт. 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7305. Л. 71–72.

компетентным властям следовало бы обратить серьезное внимание на борьбу с этой опасностью. И посол в Вене Гирс, и военный агент Занкевич немедленно отреагировали и на обвинения Смаль-Стоцкого, и, в особенности, на слова военного министра Ауффенберга. Посетив помощника начальника канцелярии военного министра, Занкевич заявил, что «последняя речь генерала Ауффенберга произвела неприятное впечатление на нашего посла. Посол убежден, что такое же впечатление она произведет и в России вообще, тем более что австрийская пресса, несмотря на официальное опровержение с нашей стороны, продолжает обсуждать выдумку о будто бы сказанной нашим военным министром воинственной речи по поводу Австрии»<sup>32</sup>. Со своей стороны М.Н. Гирс, посетив министра иностранных дел Отто фон Берхтольда, также заявил о негативном впечатлении, произведенном на него не столько выступлением «мазепинского» депутата, сколько ответом военного министра. Посол высказал мнение, что такой инцидент ни в коей мере не может способствовать улучшению отношений двух держав<sup>33</sup>. Со стороны австрийских властей последовали формальные выражения сожаления, однако Гирс пришел к выводу, что антироссийские высказывания ряда украинских представителей находят поддержку в австрийских верхах.

Осенью 1912 г. состоялось несколько важных встреч руководителей украинского движения с первыми лицами империи. Так, в ноябре 1912 г. в Будапеште состоялась встреча императора Франца Иосифа с представителями парламентских групп, в ходе

<sup>32</sup> Там же. Л. 72.

<sup>33</sup> М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 3/16 сентября 1912 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 110.

которой не раз были затронуты вопросы внешней политики. Представлявший «Украинский клуб» Константин Левицкий заявил, что в России преследуют украинцев за их мнимую симпатию к Австрии, в то время как население Галиции и Буковины испытывает затруднения, поскольку австрийское правительство не может удовлетворить его культурные запросы, прежде всего открыть украинский университет<sup>34</sup>. Это вызывает недоверие украинского населения к политике властей в целом. Говоря о международном положении, он отметил, что, с его точки зрения, складывающаяся ситуация невыгодна для Австрии, поскольку очевидно, что Англия и Франция поддерживают позицию России, и неочевидно, что Германия и Италия окажут поддержку Австрии. Он заявил, что украинцы поддерживают Тройственный союз, но союз этот должен быть действенным. Левицкий подчеркнул, что украинский народ с симпатией относится к борьбе балканских народов за свободу и считает австрийскую политику недалекновидной, поскольку необходимо установить дружеские отношения с балканскими народами. Именно независимость балканских государств положит конец российскому панславизму. При этом украинским лидером было высказано опасение, что благоприятный момент может быть упущен. Несколькими днями позднее, выступая в Рейхсрате, Левицкий вновь отметил, что украинский народ поддерживает борьбу балканских народов. Он подчеркнул, что без поддержки со стороны народов Австрийской монархии ее внешняя политика обречена на поражение. При этом центр тяжести внешней политики неизбежно будет перенесен на отношения с Россией. Эти отношения необходимо упорядочить. Австрия име-

---

<sup>34</sup> Кураев О.О. Указ. соч. С. 52.

ет право требовать, чтобы Россия не поддерживала русофильское движение в австрийских землях, но и Австрия должна иначе трактовать украинский народ, если хочет избежать этой опасности<sup>35</sup>.

Позднее министр-президент Карл фон Штюргк лично представил Левицкого императору. В ходе беседы Франц Иосиф подчеркнул необходимость примирения обоих народов Галиции. Левицкий в ответ указал на два важнейших условия этого примирения — «сеймовую» избирательную реформу и создание украинского университета. Также Левицкий подчеркнул, что личное письмо императора усилило неприязнь украинского народа Галиции к «русофильским махинациям», и отметил, что было бы крайне желательно, чтобы правительство как можно скорее удовлетворило справедливые чаяния украинцев, для того чтобы украинские депутаты «могли бы предложить нашей нации позитивные успехи». Император ответил уклончиво, но достаточно благожелательно, что позволило Штюргку обратить внимание Левицкого на то, что правительство заинтересовано в позитивном разрешении конфликта<sup>36</sup>. Таким образом, Левицкий, подчеркнув косвенное внешнеполитическое значение урегулирования университетского вопроса, встретил понимание со стороны как императора, так и премьер-министра.

Эта встреча не была единичным случаем. В ноябре того же 1912 г. состоялась беседа одного из украинских лидеров, Евгена Олесницкого, с министром иностранных дел Леопольдом фон Берхтольдом, во время которой Олесницкий особенно подчеркивал проавстрийскую ориентацию не только галицийских,

<sup>35</sup> *Левицкий К.* Указ. соч. С. 630–632.

<sup>36</sup> Там же. С. 633.

но и российских украинцев, что, по его мнению, должно было облегчить организацию восстания против России в случае войны. При этом украинский политик обращал внимание на то, что пассивное отношение австрийских властей может перечеркнуть это, поскольку «возникнет сомнение в том, что австрийские власти заинтересованы в поддержке украинского движения»<sup>37</sup>. Реформа избирательного закона в галицийский Сейм и создание украинского университета — вот условия, которые позволяют Австро-Венгрии использовать украинское движение. Олесницкий пытался убедить Берхтольда, что монархия стоит перед выбором — польский вопрос или украинский, утверждая, что русины немедленно выступят против Австрии, если возникнет хоть малейшее подозрение в том, что будет восстановлено независимое польское государство. После разговора с Олесницким Берхтольд в письме к министру-президенту К. фон Штюргку высказал соображение, что если не удовлетворить требования украинцев об избирательной реформе и университете, их лояльность окажется под вопросом<sup>38</sup>. Все это свидетельствовало о том, что в Вене достаточно серьезно рассматривали возможность использования украинцев в борьбе против России.

Благожелательность, с которой в Вене относились и к украинским заверениям в лояльности, и к украинским требованиям, заметно повлияла на усиление антироссийской позиции украинцев. 7 декабря 1912 г. во Львове было проведено собрание представителей всех украинских партий, на котором было принято ре-

<sup>37</sup> Кураев О.О. Указ. соч. С. 54.

<sup>38</sup> Gruchala J. Polityka zagraniczna Austro-Więgr a stosunki polsko-ukraińskie (1908–1914) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Śródkowej. Wrocław, 1988. T. XXIV. S. 35–53.

шение, что «ради блага и будущего всего украинского народа по обе стороны границы» в случае вооруженного конфликта между Россией и Австро-Венгрией все украинское общество займет сторону Австрии против России «как наибольшего врага Украины»<sup>39</sup>. Позднее К. Левицкий еще раз подчеркнул, выступая в парламенте, что украинцы Галиции и Буковины ориентируются не на Россию, где преследуется украинский народ, а на Австрию, и в случае австро-российского военного конфликта все они встанут на сторону Австрии. Эта же мысль была отражена и в резолюции Национального съезда УНДП, состоявшегося в конце 1912 г.<sup>40</sup>

М. Бобжиньский в своих воспоминаниях отметил, что реакция Вены на эти декларации была весьма благожелательной, поскольку давала основания надеяться на то, что на сторону Австрии встанут и миллионы российских украинцев. Сам Бобжиньский относился к этим уверениям скептически. Он неоднократно подчеркивал в беседах с членами австрийского кабинета, что не все «рутенское» население Галиции разделяет точку зрения украинских политиков и здесь сильны русофильские тенденции. Наместник стремился доказать, что горстка украинских политиков в Киеве и тем более во Львове не имеет значительного влияния на многомиллионный украинский народ, который хранит верность царю и православию. Те же аргументы привел Бобжиньский и на встрече с императором Францем Иосифом и наследником Францем Фердинандом. Император подтвердил, что никогда не рассчитывал на поддержку украинцев по ту сторону границы<sup>41</sup>. Таким образом, правящие круги Габсбургской

<sup>39</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 634–635.

<sup>40</sup> Там же. С. 638.

<sup>41</sup> *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników... S. 297–298.

монархии не рассматривали идею привлечь на свою сторону украинское население Российской империи в случае войны в качестве реального плана. Скорее, благожелательное отношение вызывала постоянно подчеркиваемая лояльность австрийских украинцев, которая была в определенном смысле гарантией того, что в регионе в случае войны не возобладают пророссийские настроения.

Следует отметить, что украинские политики, заверяя Габсбургов в своей лояльности и подчеркивая угрозу, исходящую из России, преследовали свои прагматические цели. Они полагали, что Вена, желая сохранить и развить лояльность «русинов», поддержит их требования, в первую очередь о создании украинского университета, именно потому, что этот шаг имел бы важное внешнеполитическое значение. При этом улучшение австро-российских отношений было для украинских политиков очевидно нежелательным. Именно поэтому они с большим опасением восприняли назначение в конце 1913 г. нового российского посла в Вене Николая Николаевича Шебеко (1863–1953). В австрийской прессе активно обсуждались предположения, что одной из задач нового посла является достижение соглашения между Австро-Венгрией и Россией, в том числе и по вопросу о статусе русского языка в Галиции<sup>42</sup>. Это вызвало обеспокоенность со стороны украинских представителей в Рейхсрате, в результате чего К. Левицкий и Н. Василько обратились с запросом о полномочиях вновь назначенного российского посла Н.Н. Шебеко. В запросе содержались сведения о миссии, якобы возложенной на Шебеко, «достигнуть соглашения с

---

<sup>42</sup> Н.А. Кудашев — С.Д. Сазонову, 16/29 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 31.

Австрией по вопросам, касающимся Галиции»<sup>43</sup>. Выступая 12 декабря 1913 г. на заседании парламента с запросом, К. Левицкий заявил, что «критическая точка внешней политики лежит теперь не на юге, в Албании, а на востоке, в Галичине, где существует реальная опасность войны». Он обратил также внимание на жалобы российского премьер-министра В.Н. Коковцова по поводу притеснений русских в Галиции, «хотя их тут нет», а также на назначение волынского архиепископа Антония (Храповицкого) главой православной церкви в Галиции. В конце Левицкий подчеркнул, что основной заботой Австрии должен быть не страх перед Россией, а улучшение положения ее собственных народов, и предложил заменить краевую автономию автономией народов. В том же ключе прозвучало и выступление лидера буковинских украинцев Н. Василько<sup>44</sup>. Министр иностранных дел Берхтольд категорически опроверг подобные слухи, однако сама постановка вопроса вызвала недовольство российских представителей в Вене. Сообщивший об этом запросе поверенный в делах в Вене Николай Александрович Кудашев (1868–1925) заметил, что «инцидент этот, по существу своему не имеющий никакого значения, интересен лишь как иллюстрация обычных в Вене приемов... Чуть ли не в самый день приезда нового посла в Вену дать ему понять, как относится общественное мнение и правительство ко всякому вмешательству в дела Австрии»<sup>45</sup>.

<sup>43</sup> Секретная телеграмма поверенного в делах в Вене Н.А. Кудашева, 3/16 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 27.

<sup>44</sup> *Левицкий К.* Указ. соч. С. 676.

<sup>45</sup> Н.А. Кудашев — С.Д. Сазонову, 16/29 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 31.

В апреле 1914 г. Василько и Левицкий вновь обратились к министру иностранных дел Берхтольдусу с запросом по поводу обложения в России особой таможенной пошлиной книг и газет на малороссийском языке, что было расценено ими как попытка прямого вмешательства во внутренние дела иностранного государства<sup>46</sup>. Позднее теми же делегатами-украинцами внесен был по адресу министра иностранных дел другой запрос. Поводом стали слова российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Сазонов в своей речи в Государственной Думе в мае 1914 г. выразил надежду, что «австрийское правительство не допустит, чтобы замеченное в последнее время среди антирусски настроенных элементов в Галиции враждебное движение, стремящееся создать затруднения в русских пограничных губерниях, нарушало добрососедские отношения обеих держав»<sup>47</sup>. Эти слова дали украинским лидерам повод заявить, что «в Галиции не существует русофобского движения, и что, напротив того, из соседнего государства ведется русофильская и австрофобская агитация»<sup>48</sup>, и обвинить Сазонова в том, что «эта часть речи русского министра может быть понята следующим образом: противодействие этому движению министр считает русофобией, с одной стороны отождествляя с этим себя самого, с другой — требуя его спокойного допущения австрийским правительством»<sup>49</sup>. Далее депутаты

<sup>46</sup> Н.Н. Шебеко — С.Д. Сазонову, 17/30 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

<sup>47</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II. 10 мая 1914 г. Ст. 338.

<sup>48</sup> Н.Н. Шебеко — С.Д. Сазонову, 17/30 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

<sup>49</sup> Там же. Л. 4.

заявили, что «слова русского министра можно понять и в том смысле, что стремление нашего народа к культуре и экономическому развитию Галиции он называет русофобией, потому что оно противоречит желанию России и требует как условие дружбы обеих сторон противодействия этому стремлению»<sup>50</sup>. В конце украинцы обратились к министру иностранных дел графу Берхтольду с рядом вопросов, сводившихся к тому, были ли известны министру эти заявления до изложения их в Думе и не считает ли он эти заявления попыткой вмешательства во внутренние дела монархии. В ответ на запрос украинцев гр. Берхтольд не без раздражения заявил: «Те разъяснения, которые я дал комиссии делегаций о наших отношениях с Россией, делегаты Левицкий и Василько признали недостаточными. Возможность проявления влияния России на характер наших внутренних отношений естественным образом исключается, поэтому все высказанные в этом смысле опасения необоснованны»<sup>51</sup>. В конце Берхтольд заверил украинских депутатов, что австрийское правительство с величайшим интересом относится к культурным достижениям австрийских украинцев.

Вскоре в австрийском Рейхсрате прозвучали новые обвинения в адрес России со стороны украинских депутатов. По сообщению посла Н.Н. Шебеко, «большинство ораторов резко критиковали заявления гр. Берхтольда касательно отношений Австро-Венгрии к России. При этом указали на усиление вооружения России, на антиавстрийскую агитацию в Галиции и Буковине, а также на наводнение будто бы страны целой армией русских шпионов как на весьма тревожные

---

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> Там же.

симптомы, противоречащие заявлениям министра иностранных дел»<sup>52</sup>. Граф Берхтольд вновь не отрицал «прискорбного факта антиавстрийской агитации в Галиции», заверив, что «правительство со своей стороны зорко следит за этим движением, источник которого кроется в известных политических течениях в соседнем государстве»<sup>53</sup>. В качестве примера министр сослался на недавний процесс над русофилами во Львове. Важно отметить, что один из непосредственных участников этих событий, гр. В.А. Бобринский, обвинявшийся в разжигании антиправительственной агитации на территории «русских» земель Австро-Венгрии, заявил позднее в своем выступлении в Государственной Думе, что слова Берхтольда призваны подчеркнуть весомость обвинений<sup>54</sup>.

В это же время в ходе дискуссии о бюджете Министерства иностранных дел 8 мая 1914 г. К. Левицкий заявил, что русско-австрийские отношения в данный момент являются важнейшим моментом для украинского народа. Он подчеркнул, что в Австро-Венгрии нет россиян, а в Галиции, Буковине, Угорской Руси живут украинцы, и заявил, что Россия, парализовав каждый шаг Австро-Венгрии на Балканах, мобилизует силы на австро-российской границе, а пропаганда православия есть подготовка русской национальной идеи и является шагом на пути отрыва Галиции и Буковины от Австрии. Это, по словам Левицкого, явилось следствием недальновидной политики австрий-

<sup>52</sup> Секретная телеграмма посла в Вене Н.Н. Шебеко, 27 апреля / 10 мая 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 163. Л. 19–20.

<sup>53</sup> Там же. Л. 19.

<sup>54</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, 10.05.1914. Ст. 382.

ских властей, отдавших украинский народ под власть поляков, а российское правительство смогло использовать это недоверие в своих интересах. При этом Левицкий высказал требование, вновь появившееся в программе украинских партий, — о создании национальной автономии в составе Восточной Галиции и Буковины<sup>55</sup>.

Российские наблюдатели, оценивая современный этап развития украинского движения, с заметным беспокойством отмечали укрепление его связей с австрийскими верхами. При этом, несмотря на то, что традиционное восприятие его как польской или же австрийской креатуры сохранялось, все чаще об украинском движении говорилось как о самостоятельной политической силе. В то же время, видя в нем одного из своих главных противников в Галиции, российские дипломаты не могли не отметить внутренних противоречий в украинском движении в период, непосредственно предшествовавший началу мировой войны. Особое внимание на это обратил в июле 1914 г. российский консул во Львове Михаил Сергеевич Верховцев, направивший в МИД обширную записку о политической ситуации в Галиции в целом и о современном положении всех существовавших в это время национальных партий<sup>56</sup>. Верховцев, хорошо знавший галицийские реалии, отмечал падение украинского влияния буквально в последние месяцы «отчасти вследствие значительного падения интереса сельского населения к политической жизни вообще, отчасти потому, что парламентская политика украинцев в течение последних лет сделалась явно оппортуни-

---

<sup>55</sup> *Левицький К.* Указ. соч. С. 706.

<sup>56</sup> Н.Н. Шебеко — С.Д. Сазонову, 17/30 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

стической и потому не соответствует больше нуждам крестьянского населения»<sup>57</sup>. Он также отметил, что политическая деятельность украинцев в последнее время сводилась главным образом к более или менее удачным политическим комбинациям с венским кабинетом и Польским клубом, что не могло не привести к падению ее популярности в народе. Таким образом, по мере развития украинского движения в Австро-Венгрии отношение российских дипломатов подвергалось некоторой корректировке. Оценка его как движения революционного, социалистического уступила место восприятию его как движения националистического, сепаратистского. При этом особое беспокойство вызывала возможность использования украинской идеологии для привлечения симпатий малороссийского населения Российской империи в случае военного конфликта с Австро-Венгрией.

Следует отметить, что возрастающее влияние украинцев в Австро-Венгрии как самостоятельной политической силы отмечали не только сотрудники российского внешнеполитического ведомства. О том, что украинский вопрос имеет прежде всего политическое значение, не раз говорилось с трибуны российской Государственной Думы. Так, зимой 1914 г. при обсуждении вопроса о праздновании юбилея Шевченко, вызвавшего жаркие споры, депутаты не раз обращались к обсуждению международного аспекта украинского вопроса. Например, представитель правых В.М. Пуришкевич заявил в своем выступлении по этому поводу, что именно активное разви-

---

<sup>57</sup> Копия с донесения императорского консула во Львове в императорское российское посольство в Вене от 9/22 июля 1914 г. за № 86. Секретно // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 19–29.

тие украинского движения в соседней монархии не позволяет либерально отнестись к вопросу о праздновании юбилея. По его словам, «в данный момент это движение тем опаснее, что и у соседа нашего, с которым мы, по-видимому, находимся в добрососедских отношениях, но если покопаться поглубже, то будет видно нечто совсем иное, за рубежом, в Австрии, самым усиленным образом пропагандируется идея украинофильской самостоятельности»<sup>58</sup>. В заключение Пуришкевич подчеркнул, что политика Вены в этом вопросе — не что иное, как «желание раздуть то движение, которое может, перекинувшись в Россию и охватив народные массы, создать благоприятную почву для нашего соседа в минуты ожидаемых боевых схваток, которые, может быть, не за горами»<sup>59</sup>. О том, что поддержка, явно оказываемая Веней украинскому движению в Австро-Венгрии, имеет несомненный внешнеполитический аспект, говорили также лидер кадетов П.Н. Милюков и ряд других депутатов. Милюков отметил, что «когда австрийское правительство поняло великое значение украинского культурного центра в пределах Австрии, то сам император повлиял известным образом на хозяев этого края... на поляков»<sup>60</sup>. Депутат Александров напомнил о том, что «в прошлом году в рескрипте австрийского императора говорилось об украинстве»<sup>61</sup>, отметив, «что этот момент совпал

<sup>58</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, заседание 37, 1 февраля 1914 г. Ст. 722.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, заседание 37, 19.02.1914. Ст. 914.

<sup>61</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, заседание 37, 19.02.1914. Ст. 925.

с тем моментом, когда мы думали, что мы накануне войны с Австрией»<sup>62</sup>. Этому же мнению придерживались и меньшевик Чхеидзе, согласившийся, что украинское движение в Австро-Венгрии есть движение политическое, и многие другие депутаты.

Таким образом, в годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне, явная антироссийская направленность украинского движения стала определяющим фактором в его оценке как представителями официального Петербурга, так и представителями российских общественных кругов. В Вене также все чаще рассматривали украинское движение как потенциального союзника в будущей войне с Россией. В свою очередь, лидеры украинского движения, стремясь использовать в своих целях сложившуюся политическую конъюнктуру, активно подчеркивали лояльность украинского населения по отношению к Габсбургам.

---

<sup>62</sup> Там же.

## РУСОФИЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕГО СУДЬБЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Эскалация напряженности в австро-русских отношениях не могла не сказаться и на судьбе русофильского, или, как его все чаще называли, русского, движения в Австро-Венгрии. Выше уже отмечалось, что русофильское движение было заметно ослаблено в 1909–1910 гг., когда в результате внутренних противоречий, а также усиления негативного отношения со стороны галицийской и общеимперской администрации русофилы лишились сколько-нибудь заметного политического влияния, сосредоточившись на культурной и религиозной пропаганде. Во многом это отвечало изначальным установкам русофилов, считавших политическую борьбу вредной для культурного развития «русского» населения Австро-Венгрии. Также углублению именно культурно-религиозного направления в работе русофилов способствовали их контакты со своими единомышленниками в России. Основное место в поддержании контактов с «русскими» деятелями в Габсбургской монархии принадлежало «Галицко-русскому благотворительному обществу», созданному в 1902 г. с целью «оказывать всякого рода нравственную и материальную поддержку русским

галичанам и их семействам, временно или постоянно проживающим в С.-Петербурге»<sup>1</sup>.

Первым председателем общества стал видный ученый-славист Антон Семенович Будилович, имевший тесные личные и научные связи с участниками русофильского движения в Австро-Венгрии. В 1904 г. членами общества состояли 270 человек — жители С.-Петербурга, Москвы, Киева, Варшавы. Были и иностранные члены: подданные Австро-Венгрии, Германии, Соединенных Штатов Америки. Среди членов общества было немало иерархов православной церкви — митрополит Московский Владимир, митрополит Киевский и Галицкий Флавиан, епископ Волынский Антоний (Храповицкий), епископ Казанский Димитрий, монахи Свято-Успенской Почаевской лавры. В 1903 г. почетным членом общества был избран обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев<sup>2</sup>. Участие деятелей церкви обуславливалось тем, что одним из основных направлений деятельности общества было распространение и поддержание православия в «русских» землях Австро-Венгрии. Через несколько лет именно православная пропаганда стала рассматриваться Веной как наиболее опасный элемент пророссийской пропаганды.

Несмотря на участие многих влиятельных особ, бюджет общества был достаточно скромным и составлял около 3 тыс. рублей в год<sup>3</sup>. Основные траты

---

<sup>1</sup> Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества за 1911 г. СПб., 1912. С. 26.

<sup>2</sup> Диплом об избрании К.П. Победоносцева почетным членом Галицко-русского благотворительного Общества в С.-Петербурге // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–3.

<sup>3</sup> Кассовый отчет Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге. СПб., 1905. С. 5–6.

общества, помимо текущих расходов, шли на проведение публичных лекций о положении русинов Галиции, покупку литературы для отправки ее во Львов, оказание скромной материальной помощи русинам, оказавшимся на территории Российской империи. Как признавались сами участники общества, события эпохи — русско-японская война, революция — «вынудили отложить исполнение многих намеченных им (обществом. — М.К.) задач до более благоприятного времени»<sup>4</sup>.

Ситуация изменилась в 1908 г., когда на волне интереса к обновленному славянскому движению общество получило новый импульс к развитию. В это время после смерти А.С. Будиловича во главе «Галицко-русского благотворительного общества» встал граф Владимир Алексеевич Бобринский (1867–1927). После путешествия по Галиции, состоявшегося после Пражского съезда, Бобринский по возвращении в Петербург активно приступил к работе в Галицко-русском благотворительном обществе. Будучи по натуре своей человеком энергичным и деятельным, он вскоре стал одним из основных вдохновителей общества, а после смерти Будиловича возглавил его работу.

Бобринский настойчиво стремился сделать поддержку «русского дела» в Прикарпатской Руси государственной задачей, особенно подчеркивая, что речь идет о достаточно коротком временном отрезке, поскольку «ныне вся борьба в Галиции и Буковине ведется между русской и украинской партиями из-за обладания интеллигенцией и учащейся молодежью»<sup>5</sup>,

---

<sup>4</sup> Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. СПб., 1905. С. 2.

<sup>5</sup> *Бобринский В.А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб., 1909. С. 101.

и необходимо быстрее предпринимать решительные меры. Во многом благодаря связям и положению В.А. Бобринского, который имел немалый политический опыт работы в Государственной Думе и был хорошо знаком не только с премьер-министром П.А. Столыпиным, но и императором Николаем II, деятельность Галицко-русского общества приобрела совершенно иной характер. Прежде всего, основной задачей Общества стала поддержка, как духовная, так и материальная, сторонников русофильского движения в Австро-Венгрии. Сам Бобринский неоднократно совершал поездки в Галицию, Буковину и Угорскую Русь, поддерживал тесные контакты с участниками русофильского движения. Общество достаточно динамично развивалось, и в январе 1910 г. было создано московское отделение, чуть позднее — киевское. В 1911 г. были созданы отделения в Одессе и Астрахани. В 1913 г. было создано отделение в Житомире.

Резкая активизация деятельности «Галицко-русского общества» и, что существенно, перенос основного акцента в его деятельности на поддержку про-русских симпатий среди русинов Австро-Венгрии вызвали серьезные опасения со стороны австрийских властей. Уже в декабре 1910 г. австрийской полицией было издано распоряжение о розыске и задержании В.А. Бобринского. Российский посол в Вене Н.Н. Гирс сообщил, что согласно официальной версии причиной такого распоряжения стала речь, произнесенная Бобринским в 1908 г. в Сенате в поддержку русского дела в Галиции, которая была расценена австрийскими властями как направленная против императора Франца Иосифа<sup>6</sup>. Однако очевидно было, что основ-

<sup>6</sup> Н.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 4/17 декабря 1910 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 265–266.

ной причиной враждебного отношения к Бобринскому была его энергичная деятельность по поддержанию пророссийских настроений среди «русского» населения Австро-Венгрии.

Несмотря на то, что столь динамичное развитие Галицко-русского общества, прежде всего появление в течение короткого времени целого ряда новых отделений, было бы невозможно без доброжелательного отношения официального С.-Петербурга, открытой поддержки ему не оказывалось<sup>7</sup>. Для реализации своих задач обществу была необходима более существенная финансовая помощь.

Официальный Петербург сдержанно относился к идее субсидирования русофильских организаций, не желая осложнений в отношениях с Австро-Венгрией. На поднимавшийся неоднократно вопрос о необходимости оказания помощи, в том числе и материальной, представителям русофильского движения в Петербурге, как правило, отвечали отказом. Так, еще в 1903 г. российский консул в Черновцах А.И. Доливо-Добровольский (1866–1932) сообщал в МИД о бедственном положении сторонников русофильского направления в Буковине<sup>8</sup>. По его словам, русофилы здесь представляют собой малочисленную «группу запуганных лиц»<sup>9</sup>, не пользующихся сколько-нибудь весомым авторитетом среди местного населения. Выделял он лишь дочь А.И. Добрянского Александрию Геровскую (1857–1916),

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 3.

<sup>8</sup> Гриценко І.А. Матеріали російського консульства в Чернівцях як джерело історії Буковини // Вісник центру буковинознавства. Серія Історична. Чернівці. 1993. Вип. І. С. 78–92.

<sup>9</sup> Донесение консула в Черновцах Доливо-Добровольского, 4/17 ноября 1903 г. // АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Секретные дела. Оп. 456. Д. 29. Л. 16–41.

одну из руководительниц Общества русских женщин Буковины. Он писал, что Геровская «жаловалась мне на равнодушие к русскому делу со стороны моего предшественника»<sup>10</sup>. Отвечая на ее упреки, консул объяснил, что его положение исключает возможность активного участия «в поддержке русского элемента», однако признал такую поддержку целесообразной и имеющей важное государственное значение, причем «средства на нее надо ассигновать щедро, так как этого требуют насущные государственные интересы»<sup>11</sup>. В поддержке русофильского движения в Буковине и в других провинциях Австро-Венгрии Доливо-Добровольский видел один из способов противодействия развивающейся «украинофильской пропаганде», которая, по его убеждению, представляла собой реальную опасность для российских государственных интересов. Предложения консула в Черновцах не встретили поддержки ни в МИДе, ни в российском посольстве в Вене. По словам посла в Вене П.А. Капниста, это было бы недопустимым вмешательством во внутренние дела соседней монархии<sup>12</sup>.

Позднее, в 1905 г., Доливо-Добровольский вновь обратился к вопросу поддержки русофильских организаций в Буковине. По его словам, «некоторые из членов старорусской партии весьма недовольны образом действий императорского консульства, игнорирующего, по их отзывам, их существование»<sup>13</sup>. Далее он сообщал, что «они уже однажды обращались ко мне перед выборами с ходатайством о выделении

<sup>10</sup> Там же. Л. 36.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Консул Доливо-Добровольский, 1/14 октября 1905 г. // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 456. 1903 г. Д. 29. Л. 135–140.

им 20 тыс. рублей на подкупы и иные расходы избирательной кампании. Получив отказ, они обратились за содействием в Священный Синод»<sup>14</sup>. Очевидно, вопрос о целесообразности таких мер был задан и Министерству внутренних дел, поскольку к Доливо-Добровольскому обратились из этого министерства с соответствующим запросом. Консул, порекомендовал соблюдать осторожность, отметил, что такая позиция «возбудила против меня много горечи [...] от сторонников упомянутой партии, противопоставивших мне одного из моих предшественников, статского советника Лодыженского, открыто покровительствовавшего этой партии и разъезжавшего по деревням чуть ли не с целью ее организации, после чего со стороны австрийского правительства следовали обыски и аресты»<sup>15</sup>. Таким образом, официальный Петербург и его представители в Австро-Венгрии предпочитали оставаться в стороне от деятельности русофильских организаций, хотя и относились к самим русофилам с явной симпатией. Стремление сохранить добрососедские отношения с Австро-Венгрией было на данном этапе более важной задачей для российской внешней политики, нежели поддержка пророссийских симпатий среди русинов.

Активизация контактов между русофилами Австро-Венгрии и их российскими единомышленниками, произошедшая после 1908 г., вновь сделала актуальным вопрос о позиции государства в связи с поддержкой этого движения. Оценивая возможные последствия деятельности Галицко-русского общества для состояния австро-российских отношений, посол в Вене М.Н. Гирс выразил согласие со словами своего

---

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же.

предшественника, Л.П. Урусова: «Если благоразумная и духовная поддержка Русской народной партии желательна и может принести ей пользу, то, напротив, всякая пропаганда соединения с Россией, которую делают в Галиции некоторые наши общественные деятели и некоторые органы нашей прессы, обращающиеся с угрозами к австрийскому правительству, могут при нынешних условиях лишь повредить русскому национальному движению, и мы будем бессильны защищать единомышленников от строгих репрессивных мер здешнего правительства»<sup>16</sup>. В целом представители российского внешнеполитического ведомства предпочитали дистанцироваться от деятельности Галицко-русского общества и воздерживаться от личных контактов как с его участниками, так и с представителями русофильского движения.

Ситуация начала меняться по мере роста напряженности в австро-русских отношениях. Чем явственнее становилась угроза столкновения, тем активнее шел поиск возможных союзников в этой войне. Русофилы Австро-Венгрии теперь все чаще воспринимались именно как потенциальные союзники. Оценивая с этой точки зрения состояние «русского дела» на австрийских землях, в Петербурге все чаще рассматривали его как противовес украинскому движению.

Именно на то, что русофильское (его все чаще и в официальных документах называли русским) движение является единственной альтернативой растущему и активно развивающемуся при поддержке австрийских властей украинскому движению, указывал В.А. Бобринский в своей обширной докладной записке, представленной им в МИД в мае 1913 г. Он под-

<sup>16</sup> Н.Н. Гирс — С.Д. Сазонову, 4/17 декабря 1910 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 265.

черкивал, что «защита русского дела на Днестре и Сане есть защита его на Днепре, и, работая в Галиции, мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса воссоединения с нами Червонной Руси» и что «в Австрии сильно рассчитывают на украинский народ в России в случае войны с нами»<sup>17</sup>. При этом Бобринский подчеркивал, что «мазепинцы не только в Галиции, но и в России» пользуются денежной поддержкой из Берлина, ссылаясь на разоблачения Раковского, отставного агента прусского правительства, живущего в Париже<sup>18</sup>. Следует отметить, что сведения Раковского вызвали серьезные сомнения, в том числе и у противников украинского движения<sup>19</sup>, однако в целом сведения Бобринского были верными. Идея предоставить финансовую поддержку представителям украинского движения в Австро-Венгрии не раз обсуждалась в Берлине<sup>20</sup>. Сообщая о финансировании немецким правительством враждебного по отношению к России украинского движения, Бобринский стремился убедить российское правительство в необходимости адекватных ответных мер. Бобринский представил конкретные предложения, касающиеся прежде всего материальной помощи. Предлагая существенно расширить ее, он подчеркивал, что и прежде русофильские организации пользовались поддержкой российских властей, но «финансовые тяготы

<sup>17</sup> Докладная записка гр. В.А. Бобринского, 26 мая 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 152/118. Л. 5–32.

<sup>18</sup> Там же. Л. 12.

<sup>19</sup> Щеголев С.И. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 374.

<sup>20</sup> Кураев О.О. Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна. (1843–1914) // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 50.

русско-японской войны заставили почти совершенно прекратить эти расходы впредь до 1909 г., когда вновь эта помощь принимает довольно значительные размеры, хотя пока еще далеко недостаточные»<sup>21</sup>. К 1913 г. суммы, выделяемые российскими правительственными учреждениями русофильским организациям, достигли 100 тыс. рублей в год. Основными кредиторами русофилов являлись, по сведениям Бобринского, Министерство финансов, выделяющее ежегодно 25 тыс. руб., и Министерство внутренних дел, также ежегодно выделяющее 60 тыс. руб. При этом средства выделялись при непосредственном содействии руководителей соответствующих министерств. Кроме того, Бобринский привел сведения о выделении ряда единовременных пособий и частных пожертвованиях. Однако эти суммы, по его мнению, не удовлетворяют потребности русофильских организаций, вынужденных постоянно соперничать с украинскими конкурентами, пользующимися поддержкой австрийского правительства.

Будучи убежден в том, что поддержка пророссийских настроений в «русских» землях Австро-Венгрии является делом государственной важности, Бобринский внес несколько предложений относительно финансирования русофильских организаций. Прежде всего, он предлагал довести объем выделяемых средств до 200 тыс. рублей в год. Кроме того, убеждал в необходимости «изыскать постоянный и нормальный источник денежных средств путем ассигнования в законодательном порядке достаточных сумм в виде секретных средств МИДа»<sup>22</sup>. Далее он

---

<sup>21</sup> Докладная записка гр. В.А. Бобринского, 26 мая 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 152/118. Л. 5–32.

<sup>22</sup> Там же. Л. 16.

высказал мнение, что «расходовать плодотворно эти средства можно только путем постоянных сношений преданных частных лиц в России с русскими патриотами Прикарпатья». Бобринский хорошо понимал, что открытое оказание помощи со стороны официального Петербурга может привести к осложнениям в австро-русских отношениях, что не может не беспокоить Министерство иностранных дел, поэтому он предлагал передавать выделенные деньги русским учреждениям Галиции, Буковины и Угорской Руси под видом пожертвований российских частных лиц и обществ. По его мнению, «таким образом не только Австро-Венгерское правительство, но и получатели денег не будут знать о причастности нашего правительства к этому делу, а посему деньги должны находиться в непосредственном распоряжении центральных установлений МИДа, а отнюдь не посольств или консульств»<sup>23</sup>.

Чуть позднее, в августе 1913 г., в МИД была представлена записка коллежского асессора М.М. Казанского, главы Одесского отделения Галицко-русского общества. Казанский констатировал, что степень влияния русофилов определить достаточно сложно, поскольку «какой-либо политической роли в государственном и местном представительстве партия играть не может, т. к. имеет всего лишь два депутатских кресла в парламенте и одно в Сейме»<sup>24</sup>. Горячо поддерживая усилия представителей «русской партии», Казанский не мог не отметить наиболее слабые стороны самого русского движения. Это прежде всего его экономическая слабость, а также отсутствие какой-либо сплоченности и нехватка «просвещенных

---

<sup>23</sup> Там же. Л. 18.

<sup>24</sup> Там же. Л. 11.

руководителей», что неизбежно приводит к тому, что «взаимное обливание грязью местных русских деятелей и обвинение друг друга чуть ли не в государственной измене разжигают страсти и вредят русскому делу»<sup>25</sup>. Основным же недостатком, который наносит несомненный ущерб не только самим деятелям русофильского движения, но и русскому влиянию в регионе в целом, Казанский считал их «отчуждение от общей русской политики и проистекающий от того недостаточно продуманный, неосторожный и вообще не всегда соответствующий нашим интересам образ действий»<sup>26</sup>. Все это, по мнению автора записки, свидетельствовало о необходимости корректировки политики русофилов из России: «Совершенно иначе стояло бы русское дело в Галиции, если бы правительство, с помощью общественных сил, взяло на себя почин в деле руководства политикой Галицко-русской партии в духе, соответствующем интересам России»<sup>27</sup>. Он, по сути, сформулировал концепцию поддержки русофильского движения из России, которая разрабатывалась российским правительством в последние предвоенные годы. Основными положениями этой концепции были поддержка экономических и культурно-просветительских учреждений при сохранении определенной дистанции в отношениях с ними.

М. Казанский настаивал на необходимости в «самом сердце мятежной и политиканствующей Польши создать оплот против польского и украинского сепаратизма». Указывая на то, что в случае активизации российской политики в регионе «необходимо было бы соблюдать величайшую осторожность», поскольку, с

---

<sup>25</sup> Там же. Л. 18.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же. Л. 22.

одной стороны, «радикальная часть галицко-русской партии, не чувствуя над собой из России никакой сдерживающей силы, проповедует явный сепаратизм», а с другой — польско-украинская печать не перестает кричать (без всяких оснований), что «миллионы русских рублей» через посредство русского консульства идут на пропаганду русской идеи в Галиции», Казанский тем не менее считал, что «не только не следует опасаться скомпрометировать наше правительство, а также и Галицко-русскую партию, но, напротив, можно было бы, умело распределяя субсидии и руководя партией, заставить последнюю сплотиться и действовать более осторожно»<sup>28</sup>.

Конкретное проявление поддержки русского дела, по мнению Казанского, могло бы выражаться, во-первых, в увеличении отпускаемых на эти цели сумм (как и в записке Бобринского, называлась сумма в 200 тыс. рублей) и строгом контроле за их распределением, а во-вторых, в «направлении галицко-русской партии в желательном для нас смысле»<sup>29</sup>. При этом если Бобринский понимал, что положение российско-го консула во Львове, и без того щекотливое, только осложнится его участием в поддержке русофильского движения, то Казанский, напротив, считал, что именно консульство должно контролировать выделяемые средства. При этом Казанский полагал необходимым создание сети специальных агентов, которые находились бы под непосредственным руководством жандармского ротмистра в Радзивиллове, через которого осуществлялась бы связь с консулом. Кроме того, под

---

<sup>28</sup> Секретная записка коллежского асессора Казанского о русском влиянии в Галиции. Август 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 9–38.

<sup>29</sup> Там же. Л. 22.

контролем консула должны находиться и периодические издания русофилов<sup>30</sup>.

Вопрос об экономической поддержке русофильских организаций неоднократно обсуждался в течение 1913 г. Еще в феврале в МИД была представлена записка «О кредитных, хозяйственных и промышленных учреждениях в Галиции». В ней был дан подробный анализ финансового состояния украинских и русофильских кредитно-хозяйственных учреждений. По мнению автора записки, бедственное положение русских экономических учреждений напрямую связано с позицией в этом вопросе австрийского правительства. Поскольку «существование русского народа в Австрии считается в Вене вредным для Австрии, то венское правительство обрекло русский народ в Галиции на гибель и препятствует его экономическому развитию»<sup>31</sup>. Далее автор записки привел данные, свидетельствующие о том, что в отличие от образованного в 1909 г. Русского экономического союза, не получающего никаких правительственных субсидий, украинские финансовые учреждения, такие как ссудно-сберегательная касса «Щадниця» в Перемышле и Украинский ипотечный банк во Львове, учрежденный в 1911 г. при государственном участии, а также страховое общество «Днестр», в полной мере пользуются поддержкой правительства. Так, по приводимым сведениям «около 7 млн крон попало в распоряжение украинской партии. В последнее время правительство снабжает своими средствами мазепинский сельскохозяйственный союз “Сельский господарь”, который

<sup>30</sup> Там же. Л. 36.

<sup>31</sup> Записка ОПО о кредитных, хозяйственных и промышленных учреждениях в Галиции. Февраль 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154/117. Л. 2–4.

получает ежегодно из государственного бюджета 130 тыс. крон. Кроме того, в 1912 г. получил единовременное пособие 200 тыс. крон»<sup>32</sup>. Наиболее разумным в подобной ситуации автор записки считал предоставление дешевого кредита русофильским финансовым учреждениям. Предупреждая возможные обвинения в экономической нецелесообразности предоставления кредита, автор подчеркивал в заключение, что «всегда национально бодрствующий русский народ, объединенный солидной экономической организацией, не просит жертв или пособий, только кредита, вполне обеспеченного и за надлежащий процент»<sup>33</sup>.

Председатель Совета министров Владимир Николаевич Коковцов (1859–1943), которому предназначалась записка Бобринского, в своем письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову подтвердил, что «русским правительством расходуется ежегодно некоторая сумма на поддержание и развитие прикарпатских славян, причем дело это ведется исключительно через посредство нескольких частных лиц, в том числе членов Государственной Думы гр. Бобринского и камергера Гижицкого, которым правительство доверяет распределение и передачу отпускаемых сумм подлежащим учреждениям и лицам, не контролируя их и не требуя отчета в израсходовании денег»<sup>34</sup>. При этом Коковцов счел нужным представить предложения Бобринского на рассмотрение министра иностранных дел с просьбой высказать свое мнение по этому вопросу. Прежде всего премьер-министра интересовало мнение Сазонова о необходимости и

---

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Там же. Л. 4.

<sup>34</sup> В.Н. Коковцов — С.Д. Сазонову, 29 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 152. Л. 37–38.

рациональности оказания финансовой поддержки «прикарпатским славянам» «на изложенных в упомянутой записке основаниях», а также вопрос о том, сможет ли МИД взять на себя организацию настоящего дела и руководство им и возьмет ли на себя Сазонов инициативу в «испрошении в законодательном порядке кредита в сумме 200 000 р. для отпуска на указанные в докладной записке надобности»<sup>35</sup>.

В ответе на письмо Коковцова С.Д. Сазонов согласился с тем, что «усилия, прилагаемые к уничтожению русской национальности и культуры в Прикарпатье как австро-венгерским правительством, так и польскими и немецкими организациями, и в особенности делаемые с этой целью материальные траты, вполне оправдывают продолжение и даже расширение негласно оказываемой нашим правительством денежной поддержки русской народности в Австро-Венгрии»<sup>36</sup>. Целесообразным считал Сазонов и «доведение до 200 тыс. рублей ассигнуемых на эти цели средств». При этом министр подчеркивал, что «по соображениям международного характера» причастность к оказанию русофилам финансовой поддержки российского правительства, в том числе и Министерства иностранных дел, должна сохраняться в секрете. Поэтому «возложить это дело на заграничных агентов МИДа является решительно невозможным». Более рациональным Сазонов считал передачу выделенных средств в Министерство внутренних дел и Священный Синод, соглашаясь лишь на общее руководство их распределением. Кроме того, Сазонов соглашался выступить с инициативой испрошения кредита «ввиду

<sup>35</sup> Там же. Л. 38.

<sup>36</sup> С.Д. Сазонов — В.Н. Коковцову, 06 августа 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 6–8.

того, что проведение этого ассигнования через законодательные учреждения легче осуществить в условиях секретности в случае исходатайствования его через МИД». Министр финансов согласился с доводами Сазонова, высказав, кроме того, пожелание, чтобы «расходование вышеуказанной суммы производилось по соглашению не только Министерств иностранных, внутренних дел и обер-прокурора Священного Синода, но и Министерства финансов»<sup>37</sup>.

Поскольку развитие русофильского движения в Прикарпатской Руси затрагивало интересы не только МИДа, но и Министерства внутренних дел и Священного Синода, необходимо было точно определить размеры необходимых сумм, находившихся в распоряжении того или иного ведомства. Обер-прокурор Синода Владимир Карлович Саблер (1845–1929) сообщил Сазонову в декабре 1913 г., что это сделать затруднительно, поскольку потребность в подготовленных для работы среди русинов Австро-Венгрии священниках постоянно растет. При этом он высказал мысль, что «особенно желательно иметь в числе православных священников в Галиции несколько человек из наиболее выдающихся священников, пока пребывающих в уни, но готовых перейти в православие, если они будут материально обеспечены»<sup>38</sup>. В год примерно требовалось 29 тыс. руб.

Возможность использования пророссийских симпатий значительной части населения Галиции рассматривалась и представителями военного ведомства. В записке, представленной штабом Киевского воен-

---

<sup>37</sup> В.Н. Коковцов — С.Д. Сазонову, 14 августа 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 16. Л. 2.

<sup>38</sup> В.К. Саблер — С.Д. Сазонову, 17 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 155/117. Л. 41.

ного округа в начале века, говорилось следующее: «По наступлении в пределы Галиции предполагается воспользоваться тяготением русской галицийской партии к России, с целью расположить к ней местное население. Орудием этого могут служить, во-первых, сельские священники, пользующиеся огромным влиянием на местное население; далее, некоторые представители этой партии, которые при необходимости (если война безусловно предвидится в ближайшем будущем) могли бы и в мирное время вести агитацию в пользу России. Быть военными разведчиками в мирное время эти лица, вообще говоря, отклоняются»<sup>39</sup>. В самом конце автор записки, окружной генерал-квартирмейстер Благовещенский, добавляет, что для выполнения этой задачи необходимо иметь в распоряжении большее количество денег. Таким образом, идея оказания финансовой помощи «прикарпатским славянам», как все чаще начинают в России называть население восточнославянских владений Австро-Венгрии, имела своих сторонников и в официальных кругах.

Практические шаги по оказанию материальной помощи активистам русского движения поступали и со стороны пророссийски настроенных деятелей других национальных движений Австро-Венгрии, прежде всего чешского. В качестве примера можно привести поступившее в МИД в том же июне 1913 г. сообщение российского консула в Праге коллежского асессора Жуковского о готовящемся приезде в Санкт-Петербург «двух преданных русскому и славянскому делу лиц, директора Живостенного банка др. Прейса и од-

---

<sup>39</sup> Материалы об организации и ведении тайной разведки в Галиции и Австро-Венгрии // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1367. Л. 67.

ного из депутатов Рейхсрата, члена партии народных социалистов др. Форманека»<sup>40</sup>. По сведениям консула, «цель поездки Прейса состоит в том, чтобы провести в действие вопрос о субсидировании русской партии в Галиции через посредство Живостенного банка». Суть проекта состояла в том, что «банк, получив секретный русский вклад в размере до 1 млн руб., будет уже от себя кредитовать культурные русские начинания в Галиции, оберегая их таким образом от польского и украинского засилья»<sup>41</sup>.

Руководство Министерства иностранных дел с осторожностью относилось к подобным предложениям. Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов, которому была адресована секретная записка М. Казанского, согласившись с частью его предложений, прежде всего в том, что касалось усиления значения российского консульства во Львове, категорически отверг те из них, которые требовали от консула непосредственного участия в поддержке русофильских настроений. Нератов, как и Сазонов, опасался, что австрийские власти постараются использовать такую деятельность консула в качестве доказательства вмешательства России во внутренние дела соседней монархии.

С большими сомнениями отнесся к идее увеличения финансовой поддержки русофилов управляющий Министерством финансов. В письме С.Д. Сазонову он высказал пожелание сохранять в течение пяти лет начиная с 1914 г. тот уровень расходов (200 тыс. руб. в год), который предлагался еще в письме Бобринского, в то время как Сазонов предлагал увеличить сумму

<sup>40</sup> Копия донесения консула в Праге Жуковского, 10 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 3–5.

<sup>41</sup> Там же. Л. 5.

расходов до 260 тыс. руб. По мнению управляющего Министерством финансов, «предстоящие огромные расходы на усиление состава нашей армии» служат препятствием к увеличению финансовой помощи<sup>42</sup>.

Таким образом, несмотря на то, что идея поддержки русского движения как альтернативы украинскому признавалась полезной представителями практически всех российских ведомств, к ее практической реализации в Петербурге приступать не спешили. Тем не менее, даже столь незначительная помощь русофилам с российской стороны вызывала обвинения со стороны украинских активистов и неприязнь со стороны официальных властей. Так, призыв Галицко-русского благотворительного общества помочь голодающим жителям «Прикарпатской Руси» и образование в октябре 1913 г. «Комитета помощи голодающим», собравшего в итоге около 1 млн руб.<sup>43</sup>, вызвали активное неприятие украинских лидеров, видевших в этом «работу восточного соседа по присоединению “подъяремной Руси”», а собранные средства считавших «деньгами на агитацию и пропаганду»<sup>44</sup>. Также был убежден в том, что активную поддержку русофилам оказывают российские представительства, в том числе и консульство во Львове, лидер галицийских украинцев К. Левицкий. В известной мере он был прав. В 1909 г. российский военный атташе в Вене полковник Марченко, сообщая об организации в Галиции «весьма полезных для нас

<sup>42</sup> Председатель Совета министров, министр финансов — министру иностранных дел, 29 июня 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 152/118. Л. 37.

<sup>43</sup> Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 135.

<sup>44</sup> Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 670.

русских дружин», отметил, что «во главе дела стоит консульский секретарь во Львове Олферьев, заслуги которого перед русским военным ведомством весьма ценны и велики»<sup>45</sup>.

По мере того как возрастала напряженность в российско-австрийских отношениях, деятельность активистов русского движения вызывала все больше подозрений со стороны как краевых, так и венских властей. Наместник М. Бобжиньский в своих воспоминаниях высказывал убежденность в том, что вся издательская и просветительская деятельность русофилов была направлена на формирование в народе чувства единства с Россией и на борьбу с католичеством и украинизмом. Особенно он отмечал активность Общества им. Качковского и работу т. н. бурс, «русских» общежитий для молодежи<sup>46</sup>. Подобное беспокойство испытывали и австрийские чиновники. Один из руководителей австрийской контрразведки, М. Ронге, отмечал в своих воспоминаниях, что Галиция была «глубоко отравлена русскими интригами»<sup>47</sup>. В самом начале 1914 г. австрийское Министерство внутренних дел опубликовало меморандум, посвященный проблеме пророссийской пропаганды в монархии. Авторы меморандума отмечали, что за последнее время пророссийские симпатии среди жителей Галиции заметно возросли. По их мнению, пропаганда общерусского единства велась при активной финансовой поддержке из Петербурга<sup>48</sup>.

---

<sup>45</sup> Донесение русского военного агента полковника Марченко, 29 июня 1909 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99.

<sup>46</sup> *Bobrzyński M.* Op. cit. S. 298.

<sup>47</sup> *Ронге М.* Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 73.

<sup>48</sup> *Кураев О.О.* Указ. соч. С. 55.

При этом необходимо еще раз отметить, что благодаря сдержанной позиции официального Петербурга политические организации и культурные учреждения, возглавляемые русофилами, получали довольно скромную помощь. Практически поддержкой пользовалось лишь движение за возрождение и развитие православия в восточнославянских владениях Австро-Венгрии.

Вопрос этот был весьма сложным. Официально в Габсбургской монархии православие не было запрещено, а в Буковине было даже преобладающим вероисповеданием, однако на практике попытки местного населения перейти в православие из другой религии жестко пресекались властями<sup>49</sup>. Несмотря на это, подобные случаи были отнюдь не единичными. Особенно заметной эта тенденция стала в 1911 г., когда, по словам горячо сочувствующего этому движению В.А. Бобринского, «целый ряд преданных и вдохновленных верой молодых людей, русских галичан и угроруссов, австро-венгерских подданных [...] приняли рукоположение [...] и вернулись на родину для служения своим православным землякам»<sup>50</sup>. В результате и центральные, и региональные власти Австро-Венгрии пошли на ужесточение политики в отношении сторонников русофильского движения.

Наиболее активные меры по борьбе с распространением православия принимались в Венгрии, где «патологическое беспокойство по поводу контактов русинов с Россией перешло в патологический страх»<sup>51</sup>. Село Иза, а именно его жители составляли

<sup>49</sup> Пашаева Н.М. Указ. соч. С. 139.

<sup>50</sup> Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. Отчет о деятельности... С. 13–14.

<sup>51</sup> Magocsi P.R. The Shaping of National Identity. Subcarpathian Rus'. 1848–1948. London, 1978. P. 68.

основную массу обвиняемых, уже не раз привлекало негативное внимание венгерских властей. Жители с. Иза в 1902 г. обратились в Сремские Карловцы и к сербскому патриарху с просьбой назначить им православного священника. Несмотря на предварительное согласие патриарха, православный священник так и не был назначен; причиной, по неофициальным источникам, стало противодействие со стороны Вены. Сельчане продолжали настаивать на своем. Это привело к конфликту с властями, в селе были размещены жандармы. Поведение их было довольно бесцеремонным, что вызывало раздражение местных жителей. Возглас одного из сельчан: «Пора прийти русским и выгнать мадьяр» — был расценен как государственная измена, что послужило поводом для судебного преследования сельчан, 22 человека оказались привлеченными к суду. В ходе процесса обвинение было изменено на «подстрекательство против венгерской нации». В результате несколько человек были осуждены на 14 месяцев тюремного заключения, а также должны были выплатить денежный штраф.

Процесс 1903–1904 гг. отнюдь не ослабил желания жителей Изы и целого ряда соседних сел перейти в православие. Стоит отметить, что массовый переход жителей из унии в православие нередко носил протестный характер, причиной его были не столько религиозные, сколько социальные и национальные противоречия. Новые волны подобных «бунтов» поднимались и в 1905, и в 1906 гг. В результате в регионе сложилась парадоксальная ситуация конфессионального безвластия. Несколько тысяч крестьян отказались пользоваться услугами униатских священников и сами крестили детей, венчали молодых, отпевали усопших. Вскоре протестующие обрели своего духовного лидера, выходца из местного крестьянства,

более чем кто-либо понимавшего его нужды, о. Алексея (Кабалюка). Это был незаурядный человек. Призвание к пастырской деятельности Алексей Кабалюк почувствовал еще в юности. Один из его земляков, грекокатолический священник, втайне сочувствовавший жителям Изы, обратился к гостившему в его доме Алексею Геровскому с просьбой помочь молодому крестьянину съездить в Россию, получить там образование, посетить святые места, дабы в дальнейшем «помочь всем изьянам и тем, кто борется за старую веру»<sup>52</sup>.

Геровский не случайно был выбран для выполнения этой деликатной миссии. Братья Геровские — Георгий (1856–1959), Роман (род. до 1883 г.) и Алексей (1883–1972) — принадлежали к семье убежденных и активных сторонников идеи общерусского единства. Внуки Адольфа Добрянского, племянники Ольги Грабарь, чье имя связано с печально известным процессом 1882 г., сыновья Юлиана Геровского (ум. 1910), директора Ставропигийского института во Львове и депутата Рейхсрата, и дочери Добрянского, Алексии (1857–1916), одной из руководительниц Общества русских женщин Буковины, они с ранней юности восприняли идеи общерусского единства и стали активными участниками русофильского движения.

Алексей Геровский сумел при помощи своего дяди А.С. Будиловича организовать приезд А. Кабалюка в Россию. Первые два года он провел в Свято-Онуфриевском Яблочинском монастыре, в котором в эти годы велась активная миссионерская работа, направленная прежде всего на поддержание и возрождение православия в соседней Австро-Венгрии. 25 марта 1910 г. Алексей Кабалюк принял монаше-

---

<sup>52</sup> Ibid. P. 68.

ский постриг и был рукоположен в иереи. Затем он побывал в Киеве, Иерусалиме и, наконец, в Константинополе, где был принят патриархом, благословившим его на служение на родине.

Вернувшись в Подкарпатье, о. Алексей начал свое служение. Тайно прибыв в Изу, он в течение трех дней причащал, венчал, исповедовал обратившихся к нему крестьян. Вскоре он был арестован и выслан в родное село Ясень. Позднее о. Алексей получил, с помощью сербского патриарха, официальную возможность вести богослужения в «мятежных» русинских селах. Параллельно рос интерес крестьян-русинов к литературе на русском языке (издававшейся в соседней Буковине и привозившейся из России). А. Геровский, издававший в Черновцах газету «Русская Правда» и ежемесячник «Вера и Церковь», вспоминал позднее, что многие крестьяне из соседних комитатов приезжали за изданиями на лошадях, а некоторые приходили и пешком, невзирая на большие расстояния и противодействие со стороны венгерских жандармов<sup>53</sup>.

Такая деятельность, особенно в условиях роста напряженности в отношениях между Россией и Австро-Венгрией, расценивалась властями последней весьма негативно, и вскоре ими были предприняты репрессивные меры в отношении наиболее активных участников пророссийского движения. Итогом стало проведение в г. Марамарош-Сигет, административном центре одного из комитатов в северо-восточной части Венгрии, громкого судебного процесса по обвинению в государственной измене. В 1912 г. в результате деятельности провокатора А. Дулишковича, внедренного в русофильские круги в Венгрии, был

---

<sup>53</sup> Ibid. P. 68.

арестован и привлечен к суду целый ряд активистов русского движения<sup>54</sup>. Обвинение, предъявленное архимандриту Алексею Кабальюку и ряду других лиц (в основном это были крестьяне и лица духовного звания), гласило: «Означенные лица находятся в сношениях с графом Бобринским, жительствоющим в Петербурге, русским подданным, председателем “Русского национального союза”... с Евлогием Холмским, Антонием Житомиро-Волынским, православными русскими епископами, с афонскими, холмским, московскими, киевскими, почаевскими и яблочинскими православными монахами и получают от них денежную поддержку... Они вошли в соглашение с целью обратить униатских жителей государства в православную русскую веру... Все это делалось с целью присоединения означенных территорий к русскому государству и подчинения их скипетру русского царя»<sup>55</sup>. По делу привлекалось около двухсот человек, но в конечном итоге перед судом предстали 94 обвиняемых.

В это же время во Львове под подозрение властей попали галицийские русофилы. Весной 1912 г. были арестованы два православных священника, Игнатий Гудима и Максим Сандович, журналист и общественный деятель, секретарь Общества им. Качковского Семен Бендасюк, студент Василий Колдра. В ходе следствия, тянувшегося около двух лет, отслеживались все их контакты, прежде всего с В.А. Бобринским, корреспондентом «Нового времени» Д. Вергуном, а также редактором «Прикарпатской Руси», органа «молодых

<sup>54</sup> Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 245.

<sup>55</sup> Геровский А. Иза и сиготский процесс // Свободное слово. 1960. № 19–24. Url: <http://www.ukrstor.com/> Дата обращения: 22.04.2006.

русофилов», А. Геровским, привлеченным к суду по Марамарош-Сигетскому делу. Особое внимание вызывали поездки обвиняемых и их единомышленников в Петербург. Один из руководителей австрийской контрразведки, Максимилиан Ронге, считал, что аресты во Львове доказали, что «Галиция глубоко была отравлена русскими интригами»<sup>56</sup>. Излагая официальную версию обвинения, Ронге писал, что «следствие установило их связь с известным агитатором графом Бобринским, с русско-галицийским благотворительным союзом, с местами русофильской пропаганды — Почаевским православным монастырем, интернатом в Житомире и русским разведывательным бюро»<sup>57</sup>. Доказательствами при этом были измерение якобы И. Гудимой и М. Сандовичем моста через реку Черемош, что впоследствии не было доказано, чтение В. Колдрой в крестьянских читальнях повести «Тарас Бульба» и т. д. В австрийском Министерстве внутренних дел имелись сведения о том, что подсудимые и их единомышленники агитировали за переход в православие<sup>58</sup>. В донесениях полицейских агентов сообщалось также о том, что подсудимые имели связи с российской военной разведкой, собирали сведения военного характера для передачи русскому военному агенту<sup>59</sup>. При этом в самом штабе Киевского военного округа, в ведении ко-

<sup>56</sup> Ронге М. Разведка и контрразведка... С. 73.

<sup>57</sup> Соколов Л. Процесс по делу С. Бендасюка и товарищей (к 100-летию судебного процесса): URL: <http://russlvov.org.ua/2011-05-04-12-20-29/38-2011-05-03-12-28-19/444-2014-03-15-10-56-51> дата обращения: 25.09.2014.

<sup>58</sup> Sprawy o szpigoństwo. 1913 r. // AGAD. Ministerium des Innern. № 329. Z. 6859/13, 1. 08. 1913.

<sup>59</sup> Spawy o szpigoństwo 1912 r. // AGAD. Ministerium des Innern № 328. Z. 6306 26772/1358. 10–14.09.1912.

торого находилась и организация разведки против Австро-Венгрии, сведениями о том, были ли обвиняемые связаны с русской разведкой, не располагали<sup>60</sup>.

Процесс в Марамарош-Сигете начался в декабре 1913 г. и вызвал пристальное внимание общественности как в Австро-Венгрии, так и в России. Надуманный характер обвинений был очевиден для многих. Даже убежденный противник русофилов К. Левицкий писал об обвиняемых как о «невинных жертвах, поскольку давление венгров, доведших их до полного упадка национально-культурной жизни и экономического краха, сделало их легкими жертвами русофильской пропаганды»<sup>61</sup>. В защиту обвиняемых высказывались и многие общественные деятели: чехи В. Клофач и Т. Масарик, М. Годжа, венгерский публицист В. Аради, по чьему ходатайству из Будапешта приехали защищать обвиняемых лучшие адвокаты, и мн. др.

Российские наблюдатели, говоря о процессе, высказывались весьма сдержанно, и на это у них были веские основания. Как сообщал консул в Будапеште М.Н. Приклонский, «венгерское правительство уверено, что российское правительство не причастно к пропаганде среди угроруссов, но... уверено, что таковая пропаганда ведется на деньги Священного Синода и гр. Бобринского»<sup>62</sup>. Консул также просил уточнить позицию российской стороны, на что и поверенный в делах посольства в Вене Николай Александрович Кудашев (1968–1925), и товарищ министра иностранных дел

<sup>60</sup> Доклад полковника отдельного корпуса жандармов Белевцева, 25 мая 1912 г. // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1387. Л. 27.

<sup>61</sup> *Левицкий К.* Указ. соч. С. 683.

<sup>62</sup> Донесение консула в Будапеште д. с. с. Приклонского от 3/16 ноября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 56.

А.А. Нератов единодушно высказали убежденность в том, что необходимо «соблюдение безусловной корректности по отношению к венгерским и австрийским русинам»<sup>63</sup>. Нератов особенно подчеркнул, что «если под словами “русская пропаганда” понимать деятельность, направленную на отторжение от Габсбургской монархии земель с русским населением, то нет никакого сомнения в том, что императорское правительство вовсе не причастно к подобной деятельности»<sup>64</sup>. При этом во внешнеполитическом ведомстве проявляли даже определенное понимание «принятия строгих контрольных мер», вызванных «недопустимым в каком бы то ни было государстве вмешательством во внутренние дела чужой державы», которые допускает гр. Бобринский, со «свойственной ему необузданной пылкостью и бестактностью»<sup>65</sup>. Таким образом, официальные лица сохраняли подчеркнуто нейтральную позицию. Российское общественное мнение, прежде всего представители правых кругов, было настроено к подсудимым с симпатией, возмущалось надуманностью обвинения<sup>66</sup>.

Одно из основных обвинений — в сотрудничестве с гр. Бобринским, подозреваемым в организации шпионажа против Австро-Венгрии, — было сорвано приездом в Марамарош-Сигет самого В.А. Бобринского, решившего выступить на процессе в качестве свидетеля. Не получив разрешения австрийских властей

---

<sup>63</sup> Н.А. Кудашев — А.А. Нератову, 10 ноября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 61–62.

<sup>64</sup> А.А. Нератов — Н.А. Кудашеву, 27 ноября 1913 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 72–73.

<sup>65</sup> Весьма доверительное письмо посла в Вене, 27 марта / 9 апреля 1913 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155/177. Л. 1–2.

<sup>66</sup> «Новое время». 28 декабря 1913 г.

на въезд, он приехал в Венгрию через Румынию под гарантии неприкосновенности со стороны венгерской администрации. При этом представители российского внешнеполитического ведомства в Австро-Венгрии высказывались против его приезда, поскольку неоднократно получали заверения властей о том, что граф Бобринский будет арестован<sup>67</sup>. Тем не менее сотрудникам российского консульства в Будапеште удалось убедить министра иностранных дел Л. Берхтольда в том, что показания Бобринского будут уместны на процессе<sup>68</sup>. В судебном заседании Бобринский показал, что имел контакты с провокатором Дулишковичем, который встречался с ним в Петербурге и выказывал интерес к русскому движению и распространению православия. При этом Бобринский не отрицал, что оказывал денежную помощь «угороссам», но категорически отвергал, что средства эти выделялись российским правительством. Позднее, выступая на заседании Государственной Думы, Бобринский еще раз подчеркнул, что как таковой цели пропаганды православия у него не было, «ибо и пропаганды никакой нет ни с моей стороны, ни с чьей бы то ни было... угорусский народ давно и всегда считал себя православным»<sup>69</sup>. Марамарош-Сигетский процесс закончился в марте 1914 г. Алексей Кабалюк был осужден на четыре с половиной года тюремного заключения, остальные обвиняемые были приговорены к разным срокам заключения и денежным штрафам.

<sup>67</sup> Донесение Н.А. Кудашева, 10/23 января 1914 г. // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1973. Л. 34.

<sup>68</sup> Донесение Н.А. Кудашева, 22.01/ 4.02.1914 г. // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1973. Л. 43.

<sup>69</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, 10.05.1914. Ст. 386.

Уже в ходе процесса, в декабре 1913 г., в Черновцах были арестованы активные деятели русофильского движения, внуки А. Добрянского, Алексей и Георгий Геровские, названные вдохновителями и руководителями организации, замышлявшей государственную измену. Геровским удалось бежать из тюрьмы и перебраться в Россию. Российский посол в Вене Н.Н. Шебеко получил записку, поданную Алексеем Геровским, в которой он излагал обстоятельства своего ареста, в том числе и попытку своей вербовки со стороны буковинских властей и местных украинских активистов<sup>70</sup>. Несмотря на то, что побег Геровских в России многими был расценен как подвиг, по мнению посла в Вене Н.Н. Шебеко, «бегство не произвело благоприятного впечатления на галичан: в нем возможно предположить косвенное признание Геровскими своей вины, что может только ослабить впечатление нравственной победы, одержанной русскими галичанами в львовском суде»<sup>71</sup>.

Процесс во Львове, начавшийся 9 марта 1914 г., во многом напоминал процесс в Марамарош-Сигете. Обвинения в основном были основаны на данных осведомителей, заявлявших о том, что они имели контакты как с подсудимыми, так и с их единомышленниками в России<sup>72</sup>. Хотя М. Ронге писал, что «материал так недвусмысленно подтвердил обвинение в государственной измене, что защитник не смог его опровергнуть»<sup>73</sup>, никто из обвиняемых не признавал себя виновным в

<sup>70</sup> Записка А. Геровского, 13 июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 861. Л. 2–24.

<sup>71</sup> Н.Н. Шебеко — С.Д. Сазонову, 2/15 июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 116.

<sup>72</sup> Sprawy o szpigoństwo 1913 // AGAD Ministerium des Innern № 329. Z. 2818/13. 19/20.04.1913 г.

<sup>73</sup> Ронге М. Указ. соч. С. 74.

предъявленных обвинениях, и в ходе судебных слушаний они настаивали на том, что их деятельность не была враждебной по отношению к Габсбургской монархии. Отрицали они и обвинения в получении денежных субсидий от российского правительства<sup>74</sup>. Показания свидетелей обвинения также были шаткими, более того, в ходе процесса защите, которую возглавляли лидеры русофильского движения В. Дудыкевич и А. Черлюнчакевич, удалось дискредитировать самих свидетелей. Большое впечатление произвел и приезд на процесс пяти депутатов Государственной Думы, обратившихся к подсудимым со словами «Целуем ваши вериги!». Защита настаивала на приезде в качестве свидетеля архиепископа волынского Антония (Храповицкого). Обер-прокурор Синода В.К. Саблер выразил свое согласие и обратился за разрешением на подобную поездку к императору, который также согласился с подобной возможностью<sup>75</sup>. Однако министр иностранных дел Сазонов высказал мнение, что «при нынешнем положении вещей такая поездка легко могла бы привести к неприятным случайностям, одинаково нежелательным как с точки зрения интересов иерарха Русской православной церкви, так и с точки зрения наших политических отношений с Австрией»<sup>76</sup>, и счел поездку недопустимой. В.А. Бобринского, готового выступить и на этом судебном процессе, суд не счел возможным выслушать, поскольку тот недавно уже был свидетелем на Марамарош-Сигетском процессе. Тем не менее Бобринский высказал свое от-

<sup>74</sup> «Новое время». 5/18 марта 1914 г. См. с. 63.

<sup>75</sup> В.К. Саблер — С.Д. Сазонову, Секретно. 22 марта / 4 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 14.

<sup>76</sup> С.Д. Сазонов — В.К. Саблеру, 28 марта / 10 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 15.

ношение к обвинениям, выдвинутым на Львовском процессе. По его словам, само понятие «русофильская партия» не имеет смысла, поскольку «в Галичине среди русских не может быть русофильской партии, ибо русские не могут быть русофилами или русофобами; француз, венгерец, немец может быть русофилом или русофобом; русские же могут быть просто русскими, не великороссами, а просто русскими»<sup>77</sup>. При этом Бобринский вновь вернулся к высказывавшейся уже им мысли о том, что и сами процессы, и общее негативное отношение австрийских и венгерских властей к русофильскому движению в целом, особенно к его массовой, «народной» составляющей, имеют политический характер. Он отметил, что «Австрия сто лет относилась терпимо и даже благосклонно к своим русским подданным [...] но затем, лет сорок тому назад [...] стали искусственно и насильственно насаждать украинское мазепинство в самой ужасной его форме — ненависти ко всему православному и всему русскому»<sup>78</sup>. И, по его мнению, именно позиция австрийских властей в «галицком вопросе» существенно осложняет австро-русские отношения.

Процесс завершился 6 июня 1914 г. полным оправданием подсудимых. К. Левицкий счел это вполне foreseeable, поскольку нарочито смехотворные доказательства серьезных обвинений не могли стать основой для иного вердикта присяжных. Интересно, что лидер украинского движения в своих воспоминаниях высказывал убеждение, что процесс был инспирирован польской администрацией для того, чтобы доказать свою непричастность к русофильской пропа-

---

<sup>77</sup> Россия. Государственная Дума. 4-й созыв, сессия II, 10.05.1914. Ст. 386.

<sup>78</sup> Там же.

ганде<sup>79</sup>. Подобные соображения высказывал и посол в Вене Н.Н. Шебеко, отметивший, что «самый вердикт присяжных (по 20 пунктам обвинения он был единогласным оправданием, а по 4 из 10 голосов 8 высказались за оправдание) многими объясняется как сознательный политический маневр присяжных заседателей — поляков: вердикт этот будто бы главным образом основан на расчете, что оправдательный приговор наносит удар слишком усилившемуся последние годы мазепинству и, усилив русскую партию, служит службу полякам, закрепив раскол среди галичан. Он равным образом будто бы послужит на пользу полякам в пределах России»<sup>80</sup>. Шебеко при этом подчеркивал, что весь процесс носил явный политический характер и «поэтому неудивительно, что все участвовавшие в нем элементы, начиная с коронных судебных властей и кончая присяжными, испытывали на себе влияние политических и национальных интересов»<sup>81</sup>. Оценивая возможные последствия оправдательного приговора, посол отмечал также, что «приговор не успел снять с обвиняемых всякое подозрение в глазах общественного мнения Австрии. Здесь невольно чувствуют, что за закономерным стремлением к культурному сближению с Россией — какового они нисколько не скрывают — у галичан таится глубокое тяготение к России, которое не может рано или поздно не вылиться в политическое сближение»<sup>82</sup>. Однако, по его мнению, «центральное правительство скорее [...] довольно

<sup>79</sup> *Левцицкий К.* Указ. соч. С. 699.

<sup>80</sup> Н.Н. Шебеко — С.Д. Сазонову, 2/15 июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 116.

<sup>81</sup> Н.Н. Шебеко — С.Д. Сазонову, 2/15 июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 116.

<sup>82</sup> Там же.

исходом процесса», поскольку ему, «также несомненно озабоченному улучшением отношений с Россией, небезразлично благоприятное впечатление, производимое у нас исходом процесса»<sup>83</sup>.

Несмотря на то, что Львовский процесс окончился победой сторонников русского движения, его результаты не стали основой для внутренней консолидации русофилов. Противостояние между «молодыми» русофилами, лидером которых был В.Ф. Дудыкевич, и «старорусинами» во главе с Д.А. Марковым продолжалось. Это противостояние было очевидным как для их политических противников — украинцев, так и для российских наблюдателей. К. Левицкий писал, что «если новокурсники под руководством В. Дудыкевича праздновали свою победу, старокурсники-руссофилы выслали депутацию в Вену, чтобы заверить в своей лояльности»<sup>84</sup>. В свою очередь, российский консул во Львове Михаил Сергеевич Верховцев считал, что «после того, как среди Русской народной организации стало все больше обнаруживаться “русское самосознание”, то есть с 1908 г., группа малодушных людей организовалась в политическое общество “Галицко-русская рада” под руководством священников Костецкого, Давидовича, Давыдяка и адвоката Павецкого. Общество это может быть названо фиктивным, так как участники его ограничиваются поименованными и еще несколькими лицами. Их credo является чистый оппортунизм и устарелый уже униатский клерикализм»<sup>85</sup>. При этом консул

---

<sup>83</sup> Там же.

<sup>84</sup> *Левицкий К.* Указ. соч. С. 720.

<sup>85</sup> Копия с донесения императорского консула во Львове в императорское российское посольство в Вене от 9/22 июля 1914 г. Секретно // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 19–29.

высказал предположение, что «сами украинцы выдвинули группу альтрутенов в качестве прочной политической партии, опирающейся якобы на поддержку народа». Консул отмечал и снижение влияния Русско-народной организации, лишенной материальной поддержки как центрального, так и краевого правительств.

Сократилась и финансовая помощь из России. Процессы во Львове и Марамарош-Сигете вынудили официальный Петербург проявлять большую, нежели обычно, осторожность. Несмотря на то, что с 1 июля 1914 г. предполагалось увеличение финансовой помощи русским организациям в Австро-Венгрии, уже в апреле 1914 г. консул в Черновцах А.И. Доливо-Добровольский, поддерживавший на протяжении многих лет достаточно тесные контакты с русофилами и хорошо знакомый с ситуацией в регионе, высказал мнение, что «ввиду создавшегося положения в связи с процессами в Марамарош-Сигете и во Львове, по мнению графа Бобринского, разделяемого В.К. Саблером, следует повременить с осуществлением выработанных предложений»<sup>86</sup>. Консул предложил «отложить производство по настоящему делу до осени»<sup>87</sup>.

Тем не менее летом 1914 г. В.А. Бобринский сделал еще одну попытку склонить российское правительство к более активной поддержке русофилов, направив в Министерство финансов и одновременно в Министерство иностранных дел секретную записку, где еще раз обосновывал необходимость для России активной поддержки дружественных ей сил в Австро-Венгрии. Желательность не откладывать на

<sup>86</sup> Копия донесения консула в Черновицах Доливо-Добровольского, апрель 1914 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 155/117. Л. 58.

<sup>87</sup> Там же.

неопределенный срок решение этого вопроса Бобринский аргументировал тем, что на предстоящих осенью 1914 г. выборах в Сейм русские партии не смогут обойтись без финансовой поддержки со стороны России. Бобринский подчеркивал, что «в Австро-Венгрии, как и во всей Западной Европе, никакие выборы не обходятся без крупных денежных затрат. Украинско-мазепинская партия получает на сей предмет сотни тысяч крон как из Вены, так и из Берлина, русской же партии приходится бороться с мазепинцами с весьма скудными средствами»<sup>88</sup>. Безусловно, выборы в галицийский Сейм, которые должны были пройти по новой системе, имели бы решающее значение как для русского, так и для украинского движения в Галиции, однако все планы были нарушены выстрелами в Сараеве.

На судьбы украинцев и русофилов, как и на судьбы самих движений, начавшаяся война повлияла решающим образом. Украинские активисты, всегда подчеркивавшие не только свою лояльность Габсбургам, но и связывавшие будущее украинского народа с победой Австро-Венгрии в возможной войне, уже 2 августа 1914 г. организовали Главную украинскую раду, в которую вошли представители всех трех украинских партий — УНДП, РУРП И УСДП. Возглавил совет лидер УНДП и руководитель парламентского представительства К. Левицкий. Рада получила от австрийского правительства разрешение на формирование легиона Украинских сичевых стрельцов (УСС). 4 августа группа украинских активистов — эмигрантов из России организовала во Львове Союз освобождения Украины (СВУ), целью которого было создание независимого

---

<sup>88</sup> Выписка из совершенно секретного письма гр. В.А. Бобринского на имя министра финансов. 14.06.1914 // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 155/117. Л. 64–65.

украинского государства<sup>89</sup>. Таким образом, представители украинского движения в Австро-Венгрии заняли последовательно антироссийскую позицию.

Галицийские русофилы, напротив, будущее свое связывали с Россией. Это не могло не отразиться на отношении к ним австрийских властей. Уже в первые дни войны начались аресты среди русофилов. Многие из них, а также сочувствовавшие им или просто обвиненные в пророссийских настроениях крестьяне, были казнены. Значительное число русофилов были интернированы<sup>90</sup>. Всего за годы Первой мировой войны погибли, по разным оценкам, несколько тысяч (до тридцати) сторонников русского движения и просто заподозренных в сочувствии им. Таким образом, русское движение в Австро-Венгрии понесло серьезные потери и было практически обескровлено.

---

<sup>89</sup> Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 170–171.

<sup>90</sup> Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским населением во время всемирной войны // Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005.

XIX — первые годы XX в. стали важнейшим этапом в развитии национальных движений восточнославянского населения Габсбургской монархии. Из никому не известных, воспринимаемых как исторический парадокс, а затем сугубо провинциальных, не оказывающих заметного влияния не только на жизнь Габсбургской империи, но даже на ситуацию в самой Галиции, русофильское и украинское движения преобразовались в силу, способную выражать и отстаивать интересы «русского» населения как на региональном, так и на общеимперском уровне. Рассматриваемый в книге период стал временем политического структурирования национально-политических движений восточнославянского населения Галиции, окончательного формирования идеологических принципов обоих движений, интегрирования их в общественно-политическую жизнь провинции и империи в целом. Особенно стремительной была трансформация «русских» национальных движений в конце XIX — начале XX в.

Для украинского движения в этот период была характерна политизация, проявлявшаяся в создании ряда партий (УНДП, РУРП, УСДП), системы партийных ячеек на местах, партийной печати. Все это позволило представителям украинского движения в сравнительно короткий срок стать во главе массового движения восточнославянского населения Галиции. Тем не менее в первые годы XX в. влияние украинцев на

политическую жизнь как провинции, так и Габсбургской империи оставалось еще достаточно слабым. Практически не имея представительства ни в общевосточноевропейском парламенте, ни в галицийском Сейме, представители украинского движения не могли реализовать накопленный ими политический потенциал. Ситуация изменилась после принятия в 1907 г. нового избирательного закона в Габсбургской империи, что позволило представителям восточнославянского населения создать собственные парламентские представительства. Депутаты Украинского клуба заняли активную позицию, используя максимально широкий спектр методов парламентской борьбы. Постепенно влияние представителей украинского движения на ситуацию внутри Австро-Венгрии возрастало, что в свою очередь позволило украинцам заявлять о себе как о выразителях интересов всего восточнославянского населения империи.

Другим важнейшим направлением деятельности представителей украинского движения в Галиции была работа по его консолидации как внутри Австро-Венгрии, так и за ее пределами, однако эту задачу реализовать удалось далеко не полностью. Единый парламентский клуб, объединивший галицийских и буковинских украинцев, был создан только в 1911 г., в остальном же представители украинского движения в Галиции и Буковине действовали самостоятельно. Еще более сложной представлялась консолидация украинского движения в России и Австро-Венгрии. Несмотря на многолетние устойчивые контакты между представителями украинского движения по обе стороны австро-российской границы, создание единого национально-политического движения оставалось невозможным. По мере того как украинское движение в Австро-Венгрии играло все более заметную

роль в общественно-политической жизни империи, усиливалась его антироссийская направленность. Это, в свою очередь, отдаляло его от украинского движения в России. Таким образом, концепция единой, «соборной» Украины на данном историческом отрезке оставалась нереализованной.

Для русофильского движения политическая деятельность имела гораздо меньшее значение, нежели для приверженцев «украинства». Главной для себя русофилы считали культурно-просветительскую работу среди населения, прежде всего сохранение и развитие местной «галицко-русской» культуры как интегральной части культуры общерусской. Тем не менее создание украинской политической партии подтолкнуло к аналогичному шагу и сторонников общерусской ориентации, что выразилось в создании Русско-народной партии (РНП). Новая политическая структура сохранила многие архаические черты политических объединений XIX в., чьей основной задачей были подготовка и проведение избирательных кампаний. В общеавстрийском парламенте был создан немногочисленный Русский клуб, фракция существовала и в Сейме.

Решающее значение для развития русофильского движения в изучаемый период имело расширение контактов его сторонников с представителями российских общественных кругов, произошедшее благодаря участию русофилов в неославянском движении. Следствием стало стремление части русофилов к сближению не только с общерусским культурным и духовным пространством, но и с современным российским обществом. Однако «молодые русофилы», окончательно отказавшиеся от традиционного «умеренного рутенизма», не смогли встать во главе всего движения, что стало причиной раскола в Русско-народной партии и, как

следствие, заметного ослабления политического влияния русофилов, утраты ими основной части мандатов как в Сейме, так и в общеимперском парламенте. В то же время радикализация части русофильского движения способствовала усилению агитационной работы, прежде всего православной пропаганды, среди восточнославянского населения Австро-Венгрии.

Особое значение в условиях Галиции имели взаимоотношения национально-политических движений с провинциальными властями, иными словами, с польскими консерваторами, в чьих руках находилась административная, политическая, экономическая власть в крае. Противоречия между интересами «русского» населения и его представителей — украинского и русофильского движений — и населения польского нарастали на протяжении длительного времени. С одной стороны, эти противоречия носили социальный характер и были конфликтом между крестьянской «русской» массой и землевладельцами-поляками. С другой — по мере развития национального самосознания «русского» населения и одновременно развития польского национально-го движения конфликт приобретал национальный характер. Требования, выдвигаемые деятелями в начале единого «русского» движения, затем русофилами и украинцами, — введение «русского» языка в систему образования, административную сферу, развитие национальной культуры, участие представителей «русского» населения в управлении краем и, наконец, создание отдельной «русской» провинции — противоречили основным интересам как польского национального движения, так и польской администрации. Для польского движения в целом, прежде всего для националистических кругов, одной из важнейших задач было превращение Галиции

в базу для восстановления польской государственности. Для польской консервативной элиты не менее важным было сохранение status quo в политической структуре края.

Наиболее сложными были польско-украинские отношения. С одной стороны, украинцы также видели в Галиции базу для развития украинской государственности, не случайно одновременно существовали понятия «польского Пьемонта» и «украинского Пьемонта». Невозможность одновременной реализации этих проектов нациестроительства стала причиной постоянной эскалации польско-украинского конфликта. С другой стороны, растущее влияние украинского движения, его активная интеграция в политическую структуру как края, так и Габсбургской империи в целом, наконец, поддержка, оказываемая ему центральными властями, вынудили галицийскую администрацию к поиску компромисса. Взаимоотношения польской элиты и русофилов были одновременно и более простыми, и более сложными. Отсутствие ясных политических требований в программе русофилов, их сосредоточенность на культурно-просветительской работе и, наконец, постепенное ослабление их политического влияния делали их менее опасными соперниками, нежели украинцы. Кроме того, значительному числу польских консерваторов импонировал консерватизм русофилов, их традиционная лояльность по отношению к Габсбургам. Восточногалицийские консерваторы также видели в установлении конструктивных взаимоотношений с русофилами предпосылки для будущего решения польского вопроса в России. В то же время четкая установка русофилов на сближение с Россией вызывала негативное отношение как представителей польского движения, так и центральных властей.

Важнейшую роль в становлении и развитии национальных движений восточнославянского населения Галиции играла политика центрального правительства Габсбургской империи. Лояльность русинов по отношению к династии Габсбургов была основой для благожелательного отношения к ним со стороны официальной Вены, которая, тем не менее, не спешила удовлетворять их требования. Формирование самостоятельных национально-политических движений, русофильского и украинского, поставило перед имперским правительством вопрос о целесообразности поддержки одного из них. Первоначально консерватизм и лояльность сторонников русофильской ориентации вызывали в Вене больше симпатий, нежели радикализм украинцев. Ситуация начала постепенно изменяться по мере того, как на рубеже 1870–80-х гг. в отношениях между Австро-Венгрией и Россией стала нарастать напряженность. В первую очередь это отразилось на судьбах русофильского движения, подвергшегося в 1882 г. достаточно жестким репрессиям. После этого отношение имперских властей к русофильскому движению оставалось прохладным вплоть до начала Первой мировой войны. Особенно негативным отношение имперских властей к русофилам стало после того, как внутри русофильского движения заметно усилились пророссийские симпатии, что в условиях усиления противостояния России и Австро-Венгрии было для Вены неприемлемым.

Украинское движение, напротив, пользовалось в Вене все более активной поддержкой. При этом австрийским правительством преследовались две цели: создать противовес польскому влиянию в Галиции и использовать украинское движение как инструмент в борьбе против российского влияния в Галиции и других «русских» землях Габсбургской империи. Именно

под нажимом Вены был достигнут ряд компромиссных соглашений, позволивших украинцам укрепить свое положение в провинции. Это, в свою очередь, способствовало тому, что галицийские украинцы связывали с Габсбургской империей не только будущее австрийских русинов, но и будущее всего украинского народа. Мысль о том, что в случае военного столкновения России и Австро-Венгрии на сторону последней можно привлечь население российской Украины, не раз высказывалась лидерами украинского движения и вызвала определенный интерес в правящих кругах Австро-Венгрии. Тем не менее официальная Вена в большей степени рассматривала украинское движение как инструмент антироссийской политики на территории самой Габсбургской империи, нежели стремилась к распространению его влияния на территорию империи Российской.

Существенное влияние на развитие национальных движений восточнославянского населения Австро-Венгрии, а также и на состояние австро-российских отношений оказывал российский фактор, включавший позицию в отношении русофильского и украинского движений как российского общества, так и официального Петербурга. В российском общественном мнении в изучаемый период наблюдался устойчивый рост интереса к проблемам «русского» населения Австро-Венгрии, и в частности Галиции. Все решительнее высказывалось мнение о необходимости участия России в судьбах русинов. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях Государственной Думы, поднимался на страницах прессы. Представители националистических кругов настаивали на необходимости расширения помощи русофильским организациям, поддержке православного движения. Однако со стороны официального Петербурга, несмотря на то,

что поддержание пророссийских настроений среди населения Галиции признавалось полезным, постоянно высказывались опасения, что подобные действия могут быть расценены Веной как вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии и будут способствовать ухудшению австро-российских отношений.

Таким образом, на развитие украинского и русофильского движений значительное влияние оказывали внешние факторы, такие как взаимоотношения с региональными элитами, центральными венскими властями, а также состояние международных отношений. Во многом именно последние два фактора, а именно позитивное отношение Вены к украинскому движению на фоне роста напряженности в австро-российских отношениях, стали причиной того, что украинское движение стало основным выразителем интересов восточнославянского населения Габсбургской империи.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка  
(Записки Научного общества им. Шевченко)
- ЛНВ — Літературно-науковий вісник (Литературно-  
научный вестник)
- НТШ — Наукове товариство ім. Шевченка (Научное об-  
щество им. Шевченко)
- РНП — Русско-народная партия
- РУРП — Русько-українська радикальна партія (Русь-  
ко-украинская радикальная партия)
- СПбТА — Санкт-Петербургское телеграфное агентство
- УНДП — Українська Національно-демократична партія  
(Украинская национально-демократическая партия)
- УСДП — Українська Соціал-демократична партія (Укра-  
инская социал-демократическая партия)

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Неопубликованные источники

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия министра». Оп. 470. Д. 6. 1907 г.
3. АВПРИ. Ф. 135 «Особый политический отдел» (1863–1917). Оп. 747.
4. АВПРИ. Фонд 138 «Секретный архив министра». Оп. 467.
5. АВПРИ. Фонд 172 «Посольство в Вене». Оп. 514/1. Д. 1576. 1905 г.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1.
8. Archiwum Główny Akt Dawnych Ministerium des Innern # 329.

### Опубликованные источники

1. Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Київ, 1997. Ч. 1.
2. Съезд мужей доверия русско-народной партии и ее организация. Львов, 1900.
3. Россия. Государственная Дума. Созыв III-й. Сессия 1. Стенографические отчеты. 1907 г.
4. Россия. Государственная Дума. Созыв III-й. Сессия 5. Стенографические отчеты. 1911 г.
5. Россия. Государственная Дума. Созыв IV-й. Сессия 1. Стенографические отчеты. 1913 г.
6. Россия. Государственная Дума. Созыв IV-й. Сессия 2. Стенографические отчеты. 1914 г.

### Воспоминания

1. *Грушевский М.С.* Автобиография. 1906 г. // Великий українець: матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського. Київ, 1992.
2. *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926.
3. *Ronze M.* Разведка и контрразведка. СПб., 2004.
4. *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków, 1957.

### Периодические издания

- «Новое время»
- «Русь»
- «Славянские известия»
- «Речь»
- «Московский еженедельник»
- «Літературно-науковий вісник»
- «Санкт-Петербургские ведомости»

### Публицистика

1. *Бобринский В.А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб., 1909.
2. *Грушевский М.С.* Движение политической и общественной украинской мысли в XIX веке. СПб., 1907.
3. *Грушевський М.С.* З біжучої хвилі. Київ, 1906.
4. *Грушевський М.* З Державної Думи // ЛНВ. 1905. Т. 35. № 9. С. 95–101.
5. *Грушевский М.С.* К польско-украинским отношениям Галиции. Киев, 1907.
6. *Грушевський М.* Наша політика. Львів, 1911.
7. *Грушевський М.* Над свіжою могилою // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157–159.
8. *Грушевський М.* На українські теми. «Конець рутенства!» // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 10. С. 135–147.

9. *Ignotus*. З австрійської України. Деякі підрахунки // ЛНВ. 1913. Т. 62. Кн. 3. С. 557–564.
10. *Маковей О.* З життя і письменства. (Слово і діло галицьких москвофілів) // ЛНВ. 1899. Т. 5. Кн. 2. С. 162–175.
11. *Марков Д.А.* Русская и украинская идея в Австрии // Мончаловский О.А. Положение и нужды Галицкой Руси. М., 1915.
12. *Мончаловский О.* Литературное и политическое украинофильство. Львов, 1898.
13. *Мончаловский О.А.* Положение и нужды Галицкой Руси. М., 1915.
14. *Погодин А.Л.* Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 249–265.
15. *Spectator*. Процес 101 // ЛНВ. 1911. Т. 54. Кн. 5. С. 362–377.
16. Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским населением во время всемирной войны // Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005.
17. *Франко И.* Искренность тона и искренность убеждений // Франко И. Сочинения. М., 1959. Т. 10. С. 244–259.
18. *Франко І.* Свобода і автономія // ЛНВ. 1907. Т. 37. Кн. 2. С. 285–292.
19. *Франко І.* Азбучна війна в Галичині 1859 р. Нові матеріали // Українсько-руський архив. Львів, 1912.
20. *Цегельський Л.* З австрійської України // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 172–179.
21. *Цегельський Л.* По сесії галицького сойму // ЛНВ. 1912. Т. 57. Кн. 2. С. 363–378.
22. *Цегельський Л.* Справа виборчої реформи для галицького сойму // ЛНВ. 1912. Т. 60. Кн. 11. С. 357–380.

### Литература

1. *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. 1.
2. *Аркуша О.* Галицький сейм. Львів, 1996.

3. *Аркуша О., Мудрий М.* Русофілство в Галичині в середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 231–268.
4. *Аркуша О.* Міхал Бобжинський та українське питання в Галичині // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2000. Вип. 35–36. С. 168–207.
5. *Будзиновський В.* Руский страйк в 1902 році. Львів, 1902.
6. Буковина. Історичний нарис. Чернівці, 1998.
7. *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006.
8. *Василевский Леон.* Современная Галиция. СПб., 1900.
9. *Вушко І.* Функціонування читалень «Просвіти» та розвиток читацьких практик серед українського селянства на зламі XIX–XX століть // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2001. Вип. 9. С. 404–410.
10. *Геровский А.* Галерея украинских вождей в Австрии // Свободное слово. 1960. № 19–24. — <http://www.ukrstor.com/>
11. *Горинь В.* Останній конфлікт М. Грушевського в НТШ // Михайло Грушевський и Західна Україна. Львів, 1995. С. 35–40.
12. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 2000.
13. *Грицак Я.* Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886). Київ, 2006.
14. *Гриценко І.А.* Матеріали російського консульства в Чернівцях як джерело історії Буковини // Вісник центру буковинознавства. Серія історична. Чернівці, 1993. Вип. I. С. 78–92.
15. *Дорошенко В.* Наукове товариство імени Шевченка у Львові (1873–1892–1912). Київ; Львів, 1914.
16. *Добржанский А.В.* «Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии конца XIX — начала XX вв. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 75–84.

17. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
18. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
19. *Зашильняк Л.* Начало связей М.С. Грушевского с Галичиной. 1885–1894 // Михайло Грушевський і Західна Україна: Доповіді і повідомлення наукової конференції (м. Львів, 26–28 ж. 1994 р.). Львів, 1995. С. 19–24.
20. *Зашильняк Л., Крижун М.* Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002.
21. *Каппелер А.* Россия как многонациональная империя. Возникновение, история, распад / Пер. с немецкого. М., 2000.
22. *Каппелер А.* Національний рух українців у Росії та Галичині: спроба порівняння // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Міжвідомчий зб. наук. праць. Київ, 1994. Вип. 1. С. 104–119.
23. *Качмар В.* Суспільно-політичне відлуння сецесії українських студентів з Львівського університету в грудні 1901 року // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 289–299.
24. *Кравець М.М.* До питання про Русько-українську радикальну партію у Східній Галичині в 90-х роках XIX ст. // З історії західноукраїнських земель. Київ, 1957. Вип. 2. С. 124–141.
25. *Кураев О.О.* Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна. (1843–1914) // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 43–61.
26. *Кухар В.* Грушевський і створення національно-демократичної партії // Михайло Грушевський и Західна Україна. Львів, 1995. С. 277–280.
27. *Лисяк-Рудницький І.* Українці в Галичині під австрійським пануванням // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 413–450.
28. *Макарчук С.* Москвофільство: витоки та еволюція ідей (середина XIX ст. — 1914 р.) // Вісник Львівського університету. Сер. історична. 1997. Вип. 32. С. 82–98.

29. *Малкин В.* Первая русская революция и активизация русофильского движения в Галиции. Львов, 1956.
30. *Малкин В.* Русская литература в Галичине. Львов, 1957.
31. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000.
32. *Миллер А.И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 68–75.
33. *Миттер А.* Польский вопрос в отношениях Германии с Австро-Венгрией и Россией в 1905–1914 гг. // Исследования по истории германского империализма. М., 1987.
34. *Михальський Ю.* Польська суспільність та українське питання у Галичині в період сеймових виборів в 1908 р. З історії польсько-українських стосунків. Львів, 1997.
35. *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2003.
36. *Орлевич І.* Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII — 60-і рр. XIX ст.). Львів, 2001.
37. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001.
38. *Полтавский М.А.* Краткая история Австрии: Пути государственного и национального строительства. М., 1994.
39. *Расевич В.* Нові матеріали до історії українсько-польської сеймової угоди 1914 року // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2001. С. 529–542.
40. Русофильство в австрийской Галиции: современные исторические исследования и уроки. По материалам круглого стола 02.12.2000 / Сост. А.В. Труханенко. Львов, 2000–2002.
41. *Свенцицкий И.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. СПб., 1906.
42. *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006.
43. *Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за

- матеріалами преси) // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 157–171.
44. *Середа О.* Національна свідомість і політична програма раних народовців у Східній Галичині (1861–1867) // Вісник Львівського університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 199–214.
  45. *Стеблій Ф.И., Криль М.М.* Галицкая матица во Львове // Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. 1. С. 190–233.
  46. *Стеблій Ф.* Початки українського національного руху в Галичині // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1995. Вип. 2. С. 59–71.
  47. *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003.
  48. *Сухий О.* Товариство імені Михайла Качковського: організаційні засади та напрями діяльності // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2001. Вип. 9. С. 393–403.
  49. *Щеголев С.И.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.
  50. *Шлемкевич М.* Галичанство. Львів, 1997.
  51. *Bujek Fr.* Galicja, kraj, ludność, społeczeństwo, rolnictwo. Lwów, 1908. Т. 1–2.
  52. *Buszko J.* Galicja w latach 1864–1914. Warszawa, 1959.
  53. *Buszko J.* Sejmowa reforma wyborcza w Galicji 1905–1914. Warszawa, 1956.
  54. *Feldman W.* Stronnictwa i programy polityczne w Galicji. 1846–906. Kraków, 1907.
  55. *Fras Z.* Galicja. Wrocław, 1999.
  56. *Gruchal Himka J.-P.* The Greek Catholic Church and the Ukrainian Nation in Galicia // Religious Compromise, Political Salvation: the Greek Catholic Church and Nation Building in Eastern Europe. Pittsburg, 1993. P. 7–27.
  57. *Himka J.-P.* Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, 1988.

58. *Kann R. A.* History of the Gabsburg Empire. 1526–1918. Berkeley, 1974.
59. *Kieniewicz St.* Orientacja austriacka w Polsce Poroźbiorowej // Roczniki Historyczne. Poznań, 1949. R. XVIII. S. 205–207.
60. *Lewandowski J.* Konflikt polsko-ukraiński na tle konfliktów narodowych w Europie Śródkowo-Wschodniej w XIX i XX w. // Warszawskie zeszyty ukrajinoznawcze. 1994. № 2.
61. *Lewandowski K.* Sprawa ukraińska a państwa centralne w latach 1914–1916 // Studia z dziejów ZSRR i Europy Śródkowej. Wrocław, 1972. T. 8. S. 25–36.
62. *Magocsi P.R.* The History of Ukraine. Seattle, 1996.
63. *Magocsi P.R.* The Shaping of National Identity. Subcarpatian Rus' 1848–1948. London, 1978.
64. *Moklak J.* Geneza moskalofilstwa wśród Ukraińców Galicyjskich // Зырпичи – Зустріччя. Warszawa. 1991. № 1. S. 117–125.
65. *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996.
66. *Tomaszewski J.* Kresy Wschodnie w polskiej myśli politycznej XIX–XX wieku // Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. T. II. Miedry Polska etniczna a historyczna. Wrocław; Warszawa. 1988.
67. *Wendland A.V.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwishen Österreich und Russland, 1848–1915. Wien, 2000.
68. *Wereczycki H.* Pod berlem Habsburgów. Kraków, 1986.
69. *Zabrowarny S.* Instytucjonalny rozwój ukraińskiego ruchu narodowego w Galicji w latach 1864–1914 // Warszawskie zeszyty ukrajinoznawczy. 1994. № 2.

Научное издание

Мария Эдуардовна Клопова

# **РУСИНЫ, РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ**

*Национальные движения*  
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО  
НАСЕЛЕНИЯ ГАЛИЦИИ  
В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Корректор *М.Н. Толстая*  
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

По вопросу  
приобретения книг  
издательства «Индрик»  
обращайтесь по тел.:  
**+7(495)938-01-00**  
**www.indrik.ru**  
**market@indrik.ru**

**INDRIK** Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Налоговая льгота —  
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.  
17,5 п. л. Тираж 800 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1  
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87



Мария Эдуардовна Клопова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. В 1995 г. окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Область ее научных интересов — история национальных движений народов Восточной Европы в XIX — начале XX в., прежде всего украинского. Особое внимание в ее исследованиях уделяется проблеме исторической альтернативы в развитии национальных движений региона и влиянию на этот процесс внешних факторов.



9 785916 744125